НОВОМІРСКІЙ

ИЗ ПРОГРАММЫ СИНДИКАЛЬНАГО АНАРХИЗМА

— 1907 —

НОВОМІРСКІЙ.

ИЗ ПРОГРАММЫ СИНДИКАЛЬНАГО АНАРХИЗМА.

1907

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Автор ставил себѣ двойную цѣль: во-первых, дать общую критику основных положеній соціаль-демократіи; во-вторых, намѣтить общія черты того направленія в анархизмѣ, которое французы называют синдикальным а нѣмцы «Gewerkschaftlicher Anarchismus».

Важность обѣих этих задач—внѣ спора. Невозможно приступить к изложенію анархизма без критики нѣкоторых положеній так называемаго «научнаго соціализма», без предварительной расчистки авгіевых конюшен соціализма.

С другой стороны, я не мог остаться в рамках общих принципов анархизма по двум причинам. Во-первых, сочиненія Кропоткина, Жана Грава, Бакунина, Малатеста, Малато и других анархистов достаточно выяснили сущность коммунизма и принцип отрицанія власти. Не имѣя возможности заняться углубленіем и систематизированіем трудов вышеупомянутых писателей, я вынужден былбы в сущности дѣлать переложенія старых, всѣм извѣстных работ. Я считал это лишним, и потому главы «Коллективизм и коммунизм», «Преступленіе и наказаніе», «Самодержавіе народа» трактуют свои вопросы крайне сжато. Интересующихся я для болѣе подробнаго ознакомленія отсылаю к упомянутым теоретикам анархизма, особенно к классическим работам Кропоткина: «Завоеваніе хлѣба», «Система наемнаго труда» («Le salariat The Wage System») и др. Во-вторых, господствующее в анрхистской литературѣ направленіе, ученіе Кропоткина, кажется мнѣ крайне расплывчатым, слишком, изобилует остатками чисто народнических предразсудков с их крайним суб'-

ективизмом, сантиментальностью и интеллигентским гуманитаризмом. Мы, русскіе анархисты, прошедшіе школу марксизма, не можем удовлетвориться тѣми туманными, чувствительными фразами, которыя у нашего дорогого стараго учителя часто занимают мѣсто аргументов. Мы хотим основать наше міровоззрѣніе на твердом реалистическом базисѣ борьбы классов, а не на туманной «взаимопомощи». Мы хотим свою тактику строго, послѣдовательно выводить из общих принципов нашего ученія, а не механически прицѣплять ее к ним. Мы расходимся особенно рѣзко с товарищем Кропоткиным и его сторонниками в Россіи, так называемыми «хлѣбовольцами» *) в цѣлом рядѣ тактических и организаціонных вопросов.

По всѣм этим причинам я счел необходимым говорить не от имени анархизма вообще (с которым почему-то отождествляют ученіе Кропоткина), а от имени того новаго направленія в русском анархизмѣ, которое с самаго начала называло себя синдикальным. Этому направленію была посвящена заграничная газета «Новый Міp», которая,—увы!—имѣла такое же эфемерное существованіе, как и большинство русских анархистских газет. Из перваго номера этой газеты в настоящей работѣ перепечатаны двѣ статьи автора: «Либерализм, соціализм и анархизм» и «Бунтовскій дух и сознаніе». Здѣсь же напечатана моя статья, написанная для второго номера той же газеты: «Классовый характер соціаль-демократіи». Статья «Наболѣвшіе вопросы русскаго анархизма» была напечатана мною по просьбѣ редактора нью-іоркской газеты «Freie Arbeiter Stimme» и напечатана лѣтом 1906 г. Остальныя статьи писаны мною в различное время, в различных мѣстах, при различных обстоятельствах. Эти и другія «независящія от автора» обстоятельства не позволили мнѣ придать книгѣ настоящую систематичность и полноту. Читатель приглашается смотрѣть на эту работу не как на систематическое изложеніе синдикаль-

*) По имени их газеты, издававшейся за границей под названіем «Хлѣб и Воля».

наго анархизма, а как на общій очерк его. Полному исчерпывающему изложенію нашего направленія в связи с его исторіей в западно-европейских странах посвящена особая работа.

Считаю не лишним здѣсь прибавить, что основные принципы своего міровоззрѣнія мнѣ удалось набросить еще два года тому назад в брошюркѣ «Манифест Анархистов-коммунистов».

Новомірскій.

I.

Научный соціализм.

Соціал-демократія увѣряет, что ея программа обоснована научно. Поэтому она свое ученіе называет научным соціализмом. Что разумѣют тут под словом «научность»? Очевидно, только одно: вѣрят, что ученіе соціал-демократіи лишено элементов случайности, произвола, элементов утопизма и построено на реалистическом пониманіи жизни.

Утопическій соціализм стоял на точкѣ зрѣнія абстрактной справедливости. Он не мог показать, почему его идеал должен по необходимости быть осуществлен, гдѣ та реальная сила, которая захочет и сможет взять на себя воплощеніе в жизнь соціализма. Научный соціализм старается доказать, что идеал новаго строя жизни не есть только благородная мечта, что его реализація не зависит от капризной воли отдѣльных филантропов, а, наоборот, даже помимо и вопреки волѣ всѣх господ современнаго общества, соціализм восторжествует, потому что он необходим. Однако, как понимать эту необходимость? Нужно ли думать, что есть какая-то фатальная сила, которая неумолимо толкает капитализм к соціализму? Так прежде думали всѣ соціал-демократы. Полагали что мелкое производство, как в промышленности, так и в сельском хозяйствѣ, совершенно исчезает. Все производство переходит исключительно в руки крупных предпріятій. Даже число этих крупных предпріятій сокращается и сосредоточивается в руках безпрерывно уменьшающагося числа «магнатов капитала». В это время производительныя силы достигают такой степени развитія, что господствующая кучка магнатов совершенно не в силах руководить производством. Кризисы довершают страшную картину хаоса и раззоренія. Становится абсолютною необходимостью измѣненіе формы собственности, так как она стала тѣсной для развившихся производительных сил. «Монополія капитала становится помѣхой того способа производства, который развился вмѣстѣ с

нею и под ея вліяніем. Сосредоточеніе средств производства и обобществленіе труда достигает такой степени что они не могут выносить своей капиталистической оболочки. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспропріирующих экспропріируют»*). Так говорит Маркс в своем Капиталѣ. В этой цитатѣ ярко выступает мысль, что соціализм продукт непреодолимаго противорѣчія между формой собственности и производительными силами, продукт долгаго экономическаго развитія, а не результат самой простой человѣческой борьбы за жизнь, исход которой вовсе не зависит от степени развитія крупнаго производства, а всецѣло опредѣляется фактическим соотношеніем сил. Понятно, глупо думать, что Маркс представлял себѣ соціальную революцію как чисто механическую эволюцію орудій производства. Но несомнѣнно вѣрно, что из двух факторов—работника и машины—он отдавал первенствующее мѣсто орудію, а не человѣку. Несомнѣнно, что соціальная революція представлялась ему скорѣе конечным пунктом развитія техники, чѣм послѣдним боем между работниками и капиталистами.

Сильнѣе и рѣзче выразил эту мысль вѣрный ученик Маркса Карл Кауцкій. В своей «Аграрной политикѣ» он говорит: «Революція, к которой стремится соціалистическая партія, не есть в послѣднем счетѣ революція в области права, а в области экономики; она ни есть ниспроверженіе формы собственности, а способа производства; она стремится к уничтоженію первой только потому, что она может послужить средством покончить с послѣдним»**).

В комментаріи к Эрфуртской Программѣ Кауцкій говорит: «Экономическое развитіе буржуазнаго общества, с необходимостью закона природы приводит к гибели мелкое производство». Впослѣдствіи он должен был признать, что вытѣсненіе мелкаго производства не так абсолютно. При нѣкоторых обстоятельствах даже сам крупный капитал насаждает мелкія хозяйства, которыя доставляют ему дешевую рабочую силу. «Нѣт ничего ошибочнѣе», говорит тот же Кауцкій в предисловіи к «Комментарію» 1904 г., «того взгляда, будто коллективистское производство станет возможным лишь послѣ того, как совершенно исчезнет мелкая промышленность. Если б это было так, то коллективизм не мог бы никогда осуществиться, так как концентрація капитала приводит

*) «Капитал» т. I, 673 стр. изд. 1898 г.
**) La politique agraire du P. Socialiste 1903, p. 5.

не к совершенному исчезновенію мелких предпріятій, а часто лишь к замѣнѣ старых видов мелкой промышленности новыми. Уничтоженіе этих новых пролетарских мелких предпріятій станет возможным лишь послѣ того, как будет введено коллективистское производство» (стр. IX изд. «Молот», 1905 г.)

Итак, мелкое производство мѣняет свою форму и роль, но не погибает «с необходимостью закона природы». Теорія концентраціи капиталов также потерпѣла нѣкоторыя измѣненія. По крайней мѣрѣ, Каутскій должен признать, что эта пресловутая концентрація совершается далеко не так просто и далеко не так быстро, как это думали раньше. Кризисы тоже потеряли значительную долю своего мистическаго значенія с тѣх пор, как обнаружилось, что трэсты капиталистов могут играть немаловажную роль в дѣлѣ их предупрежденія путем регулированія производства и цѣны. Постепенно и незамѣтно и вся теорія, на которой зиждется необходимость соціализма, приняла нѣсколько иной вид. «Эта теорія видит в капиталистическом способѣ производства фактор, который толкает пролетаріат на классовую борьбу против капиталистов; который все больше и больше увеличивает его численность, сплоченность, интеллигентность, самосознаніе и политическую зрѣлость; который все больше и больше повышает его экономическое значеніе, дѣлает одинаково неизбѣжной как его организацію в политическую партію, так и его побѣду; но столь же неизбѣжно он обусловливает и возникновеніе коллективистскаго производства в результатѣ этой побѣды»*). Здѣсь нѣт уже ни слова о переворотѣ исключительно в области экономики. Соціальная революція поставлена в исключительную зависимость от побѣды организованнаго и сознательнаго пролетаріата над капиталистами. Серьезная эволюція марксизма очевидна. Нап-

---

*) К. Каутскій «Нѣт больше соціаль-демократіи», изд. «Утро» 1906 г., стр. 17. «Но для побѣды соціаль-демократіи вовсе нѣт надобности в том, чтобы мелкое производство совершенно исчезло; эта побѣда уже сдѣлается возможной, как скоро крупное производство настолько оттѣснит на задній план мелкое, что класс наемных рабочих, лишенных частной собственности на средства производства, составит рѣшительное большинство населенія и сдѣлается его экономически важнѣйшей частью. С того момента ея побѣда является только вопросом силы и политической зрѣлости неимущих классов (пролетаріата). И эта побѣда ни в каком случаѣ не означает полнаго уничтоженія мелкаго производства и превращенія всѣх мелких предпріятій в государственныя».

расно Кауцкій тратит свой ум, находчивость и знанія на то, чтобы затушевать происшедшую перемѣну. Не смотря на всю нашу антипатію к буржуазно-благонамѣренному «критицизму», мы должны признать за Бернштейном в этом вопросѣ правоту. Он тысячу раз прав, что толкованіе Кауцкаго не чисто матеріалистическое. Вѣдь ставить соціальную революцію в зависимость от зрѣлости и силы пролетаріата вовсе не значит дать этому перевороту экономически-матеріалистическое об'ясненіе. «Зрѣлость пролетаріев не экономическій, а этическій фактор, их сила—фактор политическій или соціально-политическій». «Чтобы считаться имманентной экономической необходимостью», совершенно вѣрно прибавляет Бернштейн, «тріумф соціализма должен быть обоснован доказательством необходимости экономическаго крушенія существующаго общественнаго строя. Но такая неизбѣжность еще не была и не могла быть доказана. Общественное развитіе в нѣкоторых пунктах сошло с пути, по которому оно должно было бы направиться, чтобы крушеніе стало неизбѣжно по чисто экономическим причинам».

В этой главѣ мы не намѣрены дать критику марксизма. Мы хотим только показать, что соціалистическая теорія может доказать необходимость торжества соціализма двояким путем. Во-первых, можно думать, что неизбѣжно экономическое крушеніе капитализма благодаря механическому развитію экономическаго фактора—производительных сил. Так думали долгое время. Эта точка зрѣнія теперь оставлена даже такими ортодоксами, как Кауцкій. Во-вторых, можно доказывать, что в современном обществѣ ростет и крѣпнет та общественная сила, которая хочет и сможет задушить капитализм. При таком пониманіи необходимость соціализма носит характер соціальный, а не экономическій, ибо все зависит от чисто человѣческаго, соціальнаго фактора—пролетаріата, а экономическое развитіе вліяет на наступленіе соціализма только косвенно—путем содѣйствія развитію самого пролетаріата. И при таком пониманіи соціализм остается научным, ибо основан на необходимости. Но эта необходимость не экономическаго, а соціальнаго характера. В основу соціалистической программы кладется не политическая экономія, а соціологія.

II.

Два слова о производительных силах.

В основѣ марксистскаго пониманія исторіи лежит теорія развитія производительных сил, или техники. Маркс полагает, что всякій общественный строй опредѣляется исключительно «достигнутой степенью развитія производительных сил». Поэтому всякая соціальная революція есть продукт переворота в производительных силах. Эти двѣ простыя идеи дают марксисту ключ к пониманію всей исторіи.

Каково наше мнѣніе? Понятно, никто не станет отрицать глубокаго значенія производительных сил для всей жизни общества. Кто, напримѣр, станет отрицать значеніе физической среды для человѣка? Ну, а техника есть не что иное, как новая искусственная соціальная среда. Всякая среда имѣет глубокое вліяніе на нашу психику, нельзя отрицать его и за средой соціальной.

Несомнѣнно, люди стараются наилучше использовать свои орудія труда в борьбѣ с природою. Поэтому если-бы не было никаких других посторонних условій, экономическую организацію общества люди создали бы, сообразуясь с тѣми орудіями, которыми они работают. На этом основаніи можно принять как нѣчто весьма вѣроятное, что в первобытное, доисторическое время различныя отношенія, существовавшія в маленьких независимых общинах опредѣлялись характером их орудій труда. При различных системах техники, при прочих равных условіях, способ производства не может быть одинаковым. Но почему первобытная община распалась? Почему образовалось рабство? Чѣм были вызваны всѣ извѣстные нам крупные соціальные перевороты? Чѣм будет вызвана грядущая соціальная революція? На весь этот град вопросов марксист имѣет только один ничего не об'ясняющій отвѣт: производительныя силы. В этом обнаруживается полное безсиліе марксистской мысли. Дайте же присмотримся к этому дѣлу поближе.

На порогѣ исторіи человѣчество нам представляется разбитым на громадное число отдѣльных небольших групп—охотников, рыболовов, скотоводов. Эти группы находятся в постоянной войнѣ друг с другом из-за главнаго фактора тогдашняго производства—земли. Вѣнцом побѣды является захват покоренной земли и полное истребленіе и даже с'ѣденіе побѣжденных. Но вот внезапно наступает крупная перемѣна. Побѣдители не уничтожают и не с'ѣдают побѣжденных, а порабощают их. Людоѣдство уступает мѣсто рабству. Дотолѣ равноправные члены первобытно-коммунистических групп распадаются на два класса: господ и рабов. К внѣшней войнѣ между группами присоединяется внутренняя война между классами. Чѣм была вызвана эта революція? «Развитіем производительных сил», невозмутимо отвѣчает марксист. Техническій прогресс усложнил производство и сдѣлал необходимым строгое руководство, которое могло быть достигнуто только порабощеніем производителей*). Этот псевдо-научный, скорѣе фаталистическій отвѣт проникнут чисто метафизическим характером, что, впрочем, легко об'ясняется происхожденіем его. Маркс сам говорит, что его діалектическій метод есть перевернутое гегеліанство. А как ни переворачивайте метафизика, хоть кладите его на бок, он остается метафизиком. Сущность метафизическаго пониманія не мѣняется от того, что Маркс вмѣсто гегелевской Абсолютной Идеи подставил столь-же отвлеченное понятіе Техники. Гегель говорит, что исторія есть независящій от человѣческой воли процесс развитія Идеи, и об'являет поэтому все существующее разумным. Маркс также пытается увѣрить нас, что исторія есть независящій от человѣческой воли процесс развитія Техники и также выводит разумность всего существующаго. Вмѣсто одного отвлеченнаго понятія поставлено другое. Неудивительно, что и Гегель и Маркс приходят к чисто метафизическому оправданію всего существующаго вообще и рабства в частности.

Что говорим мы?

Несомнѣнно, возникновенію рабства должен был предшествовать нѣкоторый прогресс в развитіи техники. При очень низкой степени производительности труда, когда работник производит только самое безусловно необходимое для поддержанія своей жизни, никому нѣт

*) К. Каутскій «Парламентаризм и народное представительство», стр. 16: «Источником господства жрецов и военнаго дворянства была все таки экономическая необходимость».

смысла порабощать его. Побѣдители находят для себя болѣе выгодным уничтожать или съѣдать своих плѣнников. Появленіе так называемаго «прибавочнаго продукта» дѣлает рабство для господ впервые выгодным и возможным. Значит-ли это, что развитіе производительных сил вызвало или создало рабство? Я сорвал нѣсколько плодов с дерева—значит-ли, что я сдѣлал это потому, что существует плодовое дерево? Если-бы его не было, я, понятно, не мог бы сорвать его плодов. Но плоды нисколько не принуждали меня срывать их. Я сорвал их потому, что хотѣл. Существованіе дерева было условіем, но не причиной моего дѣйствія. Так же обстоит и с возникновеніем рабства. Техническій прогресс был его необходимым условіем, но никоим образом не причиною. Дѣйствительной причиной было сознательное желаніе побѣдителей использовать наилучше свою побѣду. Высокая степень производительности труда была только почвой, на которой варварская жестокость звѣроподобных побѣдителей взростила ядовитое дерево рабства. Появленіе рабства не только не было вызвано никакими непреодолимыми силами, но было явно враждебно интересам прогресса, даже чисто экономическаго прогресса. Благодаря рабству производительность труда не только не возросла но значительно упала. За долгіе сумрачные вѣка кошмарной ночи, которую историки называют періодом рабства, человѣчество не сдѣлало никаких замѣтных шагов вперед, а проживало то, что было создано раньше усиліями свободных людей. Со времени установленія рабства и его стражника—Государства, египетскій народ духовно умер и застыл, подобно высохшей муміи. Все, что мы называем теперь классической культурой, не было культурой греческих и римских народов, а достояніем маленьких кучек мародеров, сидѣвших на плечах этих народов. Эти жалкія кучки праздных паразитов ради забавы развивали поэзію, ваяніе, живопись, но производство их совершенно не интересовало и казалось им презрѣнным дѣлом презрѣнных рабов. Неудивительно, что якобы пышный расцвѣт классической культуры не только не сопровождался техническим прогрессом, но создал, может быть, регресс. Как же марксисты считали рабство необходимым? Как понимать эту необходимость? Мы понимаем ее в чисто человѣческом, реальном смыслѣ. Рабство было необходимо господам и они создали его, потому что были достаточно сильны для этого. Оно им нужно было для того, чтобы свалить с своих плеч тяжелое бремя труда и забот и самим заняться «политикой», т. е. немудрым искусством держать в повино-

веніи рабов и расширять свое могущество грабежами и убійствами. Могу увѣрить читателя, что рабы не предвидѣли, как марксисты об'явят рабство необходимым и даже прогрессивным: иначе они не смѣли бы так страстно бороться за свое освобожденіе. Со времени введенія рабства общество превращается в настоящій военный лагерь. Открытыя вооруженныя столкновенія смѣняются непродолжительным временем затишья, чтобы снова уступить мѣсто войнѣ, такой жестокой и истребительной, какой может быть только война гражданская, эта борьба за самое святое человѣческое благо—за свободу.

В кровавых схватках прошли цѣлые вѣка, истреблены были цѣлыя поколѣнія людей, уничтожены плоды долгаго ряда лѣт кровавого труда. И вот наступает новая перемѣна—рабство смѣняется крѣпостничеством, форма господства смягчается. Чѣм была вызвана эта новая соціальная реформа? «Развитіем производительных сил», говорит марксист. Нисколько, отвѣчаем мы. Допустим, что техника в теченіе длиннаго періода рабства так или иначе немного пошла вперед. Все же нѣт никакой возможности пріурочить освобожденіе именно к періоду какого нибудь техническаго прогресса. Скорѣе вѣрно обратное: именно, к концу эпохи рабства мы видим сильный техническій и культурный упадок. Именно этот всеобщій упадок заставил господ поспѣшить с освобожденіем рабов, чтобы сдѣлать труд производительнѣе и извлечь больше выгод из своих «звучащих орудій» instrumenta vocalia. Итак, смѣну рабства крѣпостничеством мы так же мало можем об'яснить техническим прогрессом, как и предыдущую смѣну свободы рабством.

Крѣпостничество было компромиссом между рабством, которое отстаивали господа, и свободой, к которой рвались рабы. Для господ рабство потеряло прежнюю доходность, а рабы были слишком плохо организованы и вооружены, чтобы добиться полной свободы. Как видите, крѣпостничество в наших глазах такой же результат соотношенія борющихся сил, как и рабство.

Но строптивые крѣпостные были настолько «утопичны» и «реакціонны», *) так мало считались с интересами своих господ и доктриной марксизма, что не покладая рук боролись за свое полное освобожденіе. Крѣпостные, как и рабы, никак не хотѣли признать свое положеніе «необходимым». Крестьянскія возстанія явно шли под знаменем безгосударственнаго коммунизма. Этого

*) Выраженіе Лассаля в «Программѣ работников».

не могут отрицать даже самые ослѣплен. марксисты, которые умудряются трубить побѣду даже там, гдѣ здравомыслящій человѣк видит полное пораженіе. Вѣковая борьба господ и крѣпостных снова закончилась соціальным переворотом. Господствующему классу стало не в моготу сдерживать страстные порывы крѣпостных к свободѣ, усиліе поддерживать крѣпостничество не окупалось его доходностью—и крѣпостные получили личную свободу, но без орудій труда, созданных их кровью и без земли, напоенной их слезами и потом! Почему? Да потому, что помѣщики были лучше организованы и лучше вооружены, и силой заставили крѣпостных помириться на личной свободѣ. В Россіи они даже заставили крестьян выплачивать за освобожденіе громадныя суммы денег под названіем «выкупных платежей». Будь крестьяне достаточно сильны, мы теперь не имѣли бы всѣх прелестей капитализма, и жили бы, может быть, при иных, болѣе отрадных порядках. Как же вы увѣряете нас, господа марксисты, что смѣна крѣпостничества капитализмом была необходима? Кому нужен был капитализм, кромѣ богатых и сильных? Вспомните всѣ жестокости, которыя учиняли богатые помѣщики, чтобы согнать крестьян с родной земли; вспомните подлые законы о бродягах, законы, с помощью которых они согнули крестьян под ярмо капитала. Да, капитализм, подобно рабству и крѣпостничеству, был необходим потому, что он нужен был богатым и сильным.

Теперь мы живем наканунѣ новой соціальной революціи, которая должна, наконец, возвратить работнику то, что отняли у него жестокіе и сильные—орудіе его труда. Эта грандіозная революція возвратит человѣчество к исходной точкѣ его исторіи—к свободным общинам, но с цѣнным подарком—всеобщим миром и братством. Грядущая революція только разорвет проклятыя цѣпи, которыми господская жадность и жестокость сковали побѣжденных на зарѣ человѣческой исторіи. Когда же настанет этот момент—послѣдній акт многовѣковой трагедіи порабощеннаго труда? Когда достаточно разовьются производительныя силы?

«Централизація средств производства и обобществленіе труда достигают такой степени, что они не могут долѣе выносить своей капиталистической оболочки. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспропріаторов экспропріируют». Так говорит Маркс.

Что говорим мы? Мы говорим, что в сѣдую древ-

ность побѣжденные стали рабами, потому что побѣдители имѣли достаточно грубой физической силы, чтобы подчинить их себѣ, своим корыстным интересам. Рабы стали крѣпостными и потом наемными рабочими, когда эти перемѣны стали выгодны самим господам для сохраненія их господства над трудом работника. До сих пор исторію творили богатые и сильные. Коммунистическая революція грянет тогда, когда работники в городах и селах поймут необходимость разрушенія экономических, политических и нравственных устоев современнаго міра, необходимость разрушенія частной собственности, государства и церкви; когда они остановят производство во всем мірѣ и с оружіем в руках разрушат организацію господ и овладѣют міром.

Какова же наша теорія историческаго развитія? Она не так проста, как ученіе марксистов. У нас нѣт таких магических талисманов, как «техника», «производительныя силы». Творцом исторіи мы считаем не орудіе, а владѣльца орудія—человѣка. Содержаніем исторіи нам кажется не борьба за матеріальные интересы, а борьба за жизнь, в которую входят и матеріальные умственные и нравственные, и художественные интересы. Оттого к борьбѣ за матеріальное освобожденіе рабочаго класса присоединялись часто и всегда будут присоединяться люди совершенно иных матеріальных интересов по самым разнообразным нематеріальным мотивам—чисто научным, нравственным или эстетическим.

Фактически общество еще на зарѣ исторіи, благодаря насилію сильных, распалось на классы. Оттого по формѣ, исторія наполнена борьбою классов. Эта классовая борьба исчезнет тогда, когда самый угнетенный из классов достаточно окрѣпнет, чтобы сломить свое иго. Борьба классов умрет, но не умрет борьба за жизнь, пока жива будет сама жизнь. Борьба потеряет только свой грубо-животный характер и превратится в чистую борьбу за истину, добро и красоту.

III.

Бунтовской дух и сознаніе.

В сочиненіях товарища Кропоткина и других анархистов-коммунистов этот «бунтовской дух» играет довольно замѣтную роль: получается впечатлѣніе, как будто этот «дух» является каким-то особым историческим фактором. Из сочиненія товарища Кропоткина мы узнаем, что «бунтовской дух» имѣет своим назначеніем будить самодѣятельность личности, воодушевлять борцов, двигать на дѣло пассивных.

Возникает вопрос: может-ли в этом смыслѣ «бунтовской дух» имѣть какое-либо самостоятельное значеніе? Всякій согласится, что гдѣ общественная среда не подготовлена предварительной пропагандой и агитаціей, гдѣ общественный класс лишен сознанія своих интересов, там всякіе«духи», бунтовскіе и небунтовскіе, совершенно безсильны. «Бунтовской» акт может мысль и чувство быстрѣе превратить в дѣло, но он не может их создать, сам вызвать. Террорист—бунтарь может вызвать подражаніе себѣ только в сходных с ним по сознанію, по настроенію; но он не создает и не может создать этого сознанія и этого настроенія: бунтарь показывает, но не об'ясняет.

Как можем мы, анархисты, об'яснить рабочим наши цѣли, как можем мы помочь ему в развитіи его классового сознанія?

Раньше всего это дѣлает сама жизнь, которая повелительно толкает рабочих на борьбу с Капиталом и Государством. Мы, анархисты, своей пропагандой и агитаціей только ускоряем ход развитія этого сознанія. Когда борьба и пропаганда опредѣленным образом подготовили головы и сердца рабочих, нужен бунтовской дух, чтобы воодушевить их на революціонную, насильственную аттаку на буржуазный строй жизни. Тогда являются на арену отдѣльные смѣльчаки, передовые бойцы рабочаго класса, и берут на себя дерзкій почин гражданской вой-

ны: бунт отдѣльных личностей является вѣнцом сознанія масс.

Как видно «бунтовской дух» и «сознаніе» не являются двумя различными факторами. Нѣт! это отдѣльныя стадіи развитія одной и той же борьбы рабочаго класса. Почему же мы в сочиненіях тов. Кропоткина и многих других анархистов так часто встрѣчаемся с «бунтовским духом» и так рѣдко слышим о классовом сознаніи? Неужели это об'ясняется только желаніем избѣгнуть терминологіи, которую взяли на службу марксисты? Или это превознесеніе бунтарства имѣет своей цѣлью только подчеркнуть дѣйственный, практическій момент?

Как бы то ни было, излишнее подчеркиванье бунтарской стороны нашей тактики может дать неясное представленіе о наших цѣлях. Оно может заставить думать, будто мы, анархисты, чистые теоретики бунтарства, что для нас форма важнѣе содержанія, «бунт» важнѣе сознательной классовой борьбы.

Как извѣстно, таких взглядов придерживались русскіе «бунтари» начала 70-х годов. Они полагали, что крестьянин—инстинктивный коммунист, что он вполнѣ готов к возстанію: нужно только разбудить «бунтовской дух» в народѣ—и он подымется со всѣх сторон. Их надежды оказались утопичными, их вѣра оказалась мечтою, и реальная жизнь разбила мечты их, надломила их вѣру: «народ» (т. е. крестьянство) вовсе не оказался коммунистом, один «бунтовской дух» славных пропагандистов не мог поднять его на борьбу, когда жизнь не подготовила его к пониманію ученія бунтарей. «Бунтари» на горьком опытѣ убѣдились, что нужно раньше прояснить мысль, а потом звать к дѣлу, раньше выработать сознаніе, а потом «бунтовской дух» шевелить.

Неужели мы, русскіе анархисты, повторим роковую ошибку бунтарей-народников? Неужели мы безплодно растратим наши силы на шумныя, яркія, но часто безполезныя вспышки и не займемся своим главным дѣлом организаціей рабочаго класса?

А между тѣм, по крайней мѣрѣ у части русских анархистом-коммунистов *) замѣчается явная тенденція пренебречь нашей главной задачей—воспитаніем и развитіем рабочих масс—ради шумнаго полусознательнаго, чисто интеллигентскаго бунтарства. Мы касаемся здѣсь вопроса о так называемых «мятежных шайках» и рабочих синдикатах.

---

*) Например у сторонников «Безначалія».

Односторонніе приверженцы бунтарства полагают, что самая главная задача русских анархистов состоит в организаціи повсемѣстно групп террористов для партизанской войны с капиталом и государством. Они, очевидно, исходят из того предположенія, что рабочія массы всегда достаточно сознательны и нужно только нѣсколько террористических актов, чтобы поднять их на возстаніе. Организація рабочих профессіональных союзов, развитіе борьбы пролетаріата на почвѣ его экономических интересов кажется им дѣлом безполезным или даже вредным.

Такое однобокое бунтарство может оказаться роковым для русскаго анархическаго движенія. Анархисты могут оказаться только орудіем в руках политических партій Россіи, добывать цѣною своей крови каштаны для россійских политиканов, ибо они помогут соціалистам убить самодержавнаго медвѣдя, но не будут в силах отстоять свои интересы при дѣлежѣ его шкуры.

Вспомните вѣчной памяти «Народную Волю»! Сколько героизма обнаружила она в борьбѣ с царизмом! Ей удалось своими собственными силами загнать его в тупой угол, почти обезсилить его. И что же? «Народная Воля» исчезла как фантом, не только не добившись своей цѣли, но и внушив надолго отчаяніе и апатію борцам за свободу. Почему потерпѣла она такое пораженіе? Потому, что она вступила в битву, не приготовив себѣ батальонов, не создав рабочей партіи.

Русская соціал-демократія добилась за короткое время значительных успѣхов только потому, что она здраво поняла свою задачу. Чтобы добиться политической свободы, соціал-демократы пошли в рабочія массы, занялись кропотливой борьбой за мелкіе интересы, пріобрѣли довѣріе рабочих и теперь пользуются пролетаріатом, как пушечным мясом в борьбѣ с царизмом. Вот почему соціал-демократам удастся то, что не удалось болѣе смѣлым, болѣе сильным народовольцам.

Тактика анархических бунтарей привела бы нас к полному безсилію, ибо оторвала бы от рабочаго класса. В самом дѣлѣ, чѣм отличается анархическое бунтарство от терроризма, хотя-бы «соціалистов-революціонеров?» Рѣшительно ничѣм, и фактически мы служили бы только их дѣлу помогая им бить самодержавіе. Когда мы расшатаем царизм, что получим в награду за свои усилія? Либералы и соціалисты совмѣстно образуют новую государственную власть и направят об'единенныя силы против нас. Кто будет тогда за нас, кромѣ небольших кучек бунтарей? Рабочія массы теперь, во время своей

борьбы не привыкают видѣть в нас одних защитников своих интересов, своих постоянных, искренних представителей. Когда либералы и соціалисты понаставят для нас гильотин и висѣлиц, мы пожнем только то, что посѣяли мы окажемся оторванными от рабочих масс, которыя мы отдали в распоряженіе соціал-демократов, соціал-революціонеров и других соціал-политиков и карьеристов; мы так же безплодно погибнем, как погибли во Франціи Гебертисты во время Французской Революціи.

Нѣт! Не мятежными шайками дѣлается соціальная революція: перевороты совершаются борьбою классов, а не отдѣльных личностей. Революціонное меньшинство может быть только застрѣльщиком в гражданской войнѣ, а чтобы одержать побѣду, оно нуждается в массах. К этим массам мы и должны пойти теперь, помочь им организоваться в густую сѣть профессіональных союзов и избавить от развращающаго вліянія законников и политиков. Каждый рабочій союз даст нам небольшую группу истинно сознательных и истинно революціонных личностей, т. е. убѣжденных анархистов. Эти маленькія группы рабочих борцов и составят с теченіем времени цѣлые отряды «бунтарей». Тогда эти «бунтари» не будут одинокими в борьбѣ с существующим строем. Онѣ будут только передовыми бойцами своего класса, только легкой кавалеріей, за которой медленно, но неуклонно идет тяжелая пѣхота. Эти мятежники-бунтари пойдут впереди борющихся рабочих масс, будут устранять с пути врагов, мстить за поруганных братьев: гдѣ рабочія массы будут достаточно сознательны, они пойдут впереди их, гдѣ рабочіе синдикаты не будут достаточно революціонны, «мятежники» возьмут на себя почин схватки и будут дѣйствовать на свой страх. Когда разные либералы и соціалисты, политическіе жулики всѣх оттѣнков, свергнув силой рабочих масс царское самодержавіе, захотят пробраться в правительство и заявят, что революція кончена, мы об'явим всему міру: революція начинается! Впереди батальонов рабочаго класса, испытанных в борьбѣ с капиталом и государством, и полных довѣрія к нам анархистам, мы направим оружіе свое против новых эксплуататоров, новых обманщиков народа...

Но синдикаты имѣют для нас громадное значеніе еще в другом отношеніи. Допустим, что «мятежныя шайки» добились самых счастливых результатов: им удалось разгромить военную силу царизма и разрушить всю правительственную организацію. Каким образом капитализм перейдет в коммунистическій анархизм? Неужели мы

будем настолько наивны, чтобы думать, что новый строй как-то сам собою сложится, что мы ничего не должны подготовить взамѣн разрушеннаго міра? А вѣдь люди не могли бы жить даже нѣсколько недѣль без опредѣленной организаціи производства и обмѣна.

Тут-то и выступает на сцену синдикат. Федерація синдикатов овладѣвает орудіями труда и организует производство и обмѣн на коммунистических началах. В нѣдрах стараго общества мы создали ядро новаго строя жизни. Реакціонныя силы не смогут воспользоваться временем революціоннаго броженія и всеобщей сумятицы, чтобы посѣять раздоры в нѣдрах рабочаго класса: синдикаты постараются устранять возможность голода, снабжать воюющих оружіем и одеждою.

Вот почему мы утверждаем, что пренебрегать теперь профессіональной борьбой рабочих преступно, если мы хотим быть продолжателями Интернаціонала.

IV.

В защиту свободы.

Французскіе матеріалисты XVIII в. любили часто апелировать к так называемой «природѣ человѣка». Они вѣрили, что человѣк, по крайней мѣрѣ, в основных своих чертах, представляет нѣчто опредѣленное, неизмѣнное. Такой взгляд был вполнѣ умѣстен в их чисто метафизической системѣ. Вѣдь каждый метафизик тѣм характерен, что он в основу всѣх своих построеній полагает нѣчто неизмѣнное, постоянное—субстанцію. Называется ли эта субстанція «дух» или «матерія»—безразлично. В соціологіи метафизик также нуждается в спеціальной общественной субстанціи. Эту роль играла у метафизиков XVIII в. «природа человѣка». Из этой «природы» они остроумно выводили всѣ свои планы преобразованія общества, всѣ свои политическія теоріи, всѣ системы морали.

Раз природа человѣка есть нѣчто раз навсегда данное нѣчто, поддающееся точному вычисленію, словом, раз человѣк—машина (l'homme machine), то нѣт особеннаго труда придумать такую систему отношеній между людьми, при которой было-бы достигнуто не только полное благополучіе отдѣльной личности, но и благополучіе всѣх, всеобщее благополучіе («le bienetre general»). Отсюда вытекают всѣ системы общественных преобразованій французских философов, отсюда же общественныя теоріи так называемых утопистов-соціалистов. Всѣ они, как истинные метафизики, вѣрили в существованіе этой «природы человѣка». Разногласія начинались только с пониманія того, в чем именно состоит эта природа.

Казалось-бы, что марксизм окончательно порвал со всѣми иллюзіями и утопіями французских матеріалистов и утопистов. Если это отчасти и вѣрно, то вѣрно только отчасти. Хотя марксистскій матеріализм, так называемый

экономическій матеріализм, и воспринял в свою систему элемент историчности, развитія, но он остался матеріализмом, стало быть, школой по существу метафизической. Это роковым образом и отражается, как в марксистской философіи, так и в Марксисткой соціологіи. Марксист не вѣрит, чтобы человѣк во всѣ времена, у всѣх народов был одинаков. Но зато само пониманіе человѣка осталось чисто метафизическим: человѣк для марксиста то же, чѣм он был для Гольбаха, машина. Что удивительнаго в том, что марксисты, не смотря на всю свою мнимую научность, приходят к добрым старым утопіям о всеобщем благополучіи? Читайте поэтов, журналистов и даже теоретиков соціаль-демократіи—вы вездѣ наталкиваетесь на эту безсмысленную и мѣщанскую утопію всеобщаго благополучія. Даже такой серьезный и холодный человѣк, как Кауцкій, с увѣренностью заявляет, что коллективистское государство обезпечит благополучіе всѣм. Эту жалкую и смѣшную иллюзію, которую передали нам по наслѣдству буржуазные метафизики, вдумчивый человѣк должен раньше всего отвергнуть, если он хочет выработать себѣ ясное, стройное и цѣльное представленіе об основах будущаго міра, об идеалах свободнаго общежитія.

Что такое благополучіе отдѣльной личности? раньше всего задаю я вопрос. Повидимому, это такое душевное состояніе, когда внутри нас уничтожена борьба различных борющихся стремленій, когда достигнуто все желанное, когда в душѣ царит покой, довольство. Кто хоть сколько-нибудь вдумывался в смысл душевной жизни человѣка, тот понимает всю нелѣпость и утопичность такого стремленія к довольству.

Возможность такого благополучія предполагает цѣлый ряд необходимых условій. Во-первых, мы должны раньше допустить, что психическій мір человѣка представляет собою какую-нибудь опредѣленную систему потребностей, инстинктов, переживаній. Во-вторых, мы должны вѣрить, что эта система поддается точному и ясному изученію. В-третьих, мы должны быть убѣждены, что эта изученная нами система потребностей допускает полную возможность удовлетворенія, что всѣ наши стремленія, живущія и борющіеся в душѣ нашей, вполнѣ достижимы. Отвергните одно из этих допущеній, и вы убили всякую возможность душевнаго довольства. Нужно поэтому внимательно анализировать эти три условія так называемаго счастья.

Что-сказали-бы вы о том ученом, который взялся бы опредѣлить вам всѣ качества, всѣ признаки того или иного тѣла? Вы сказали бы, что этот мнимый ученый не

усвоил себѣ основных принципов современнаго научнаго метода мышленія; вы сказали бы, что такая цѣль недостижима, что немыслимо открыть всѣ признаки тѣл, потому что эти признаки не в тѣлах, не внѣ нас, а в нашем собственном организмѣ, внутри нас; что каждый шаг в развитіи науки состоит именно в том, что каждый раз открывается все большее количество так называемых признаков, которым наука не может предвидѣть конца. Как же можем мы считать за нѣчто данное систему наших душевных переживаній? Человѣк не представляет собою чего-то замкнутаго, чего-то оторваннаго от остального міра людей и міра природы. В его душевный мір безпрерывно и со всѣх сторон врывается внѣшній мір, наша душа есть только своеобразная форма того-же так называемаго внѣшняго міра. Во всѣх порах нашего тѣла живет весь многообразный внѣшній мір, так что трудно, невозможно опредѣлить, гдѣ кончается «я» и гдѣ начинается «не—я»: я таков, каков этот внѣшній мір, и этот сложный, многообразный, причудливый внѣшній мір таков, каков я сам. Вот почему никто, никогда не разгадает душевной тайны человѣка, как никто никогда не разгадает тайны природы вообще, ибо душа наша, как и всякій предмет, в сущности есть отраженіе всего остального міра в цѣлом, есть таинственный маленькій мір столь же многообразный и столь же неразгаданный, как и весь большой мір. Наука всегда будет знать неизмѣримо ничтожную долю того, что называется природою. Кто же возьмется теперь утверждать, что самый сложный микрокосм—человѣк представляет нѣчто данное, представляет какую-нибудь опредѣленную систему? Не только нѣт цѣлых періодов, нѣт ни одного момента, когда бы душевная жизнь представляла нѣчто данное, нѣчто устойчивое: наша душа никогда не находится в состояніи хотя бы неустойчиваго равновѣсія, она больше чѣм все остальное безпрерывный процесс движенія. Измѣрить же движеніе можно только одним путем—опредѣлить количество развиваемой им работы, но не больше. А метафизик-матеріалист хочет самую сложную, самую таинственную форму движенія—душевную жизнь человѣка—влить в такія формы, которыя раскрыли-бы самую сущность этого движенія—задача вполнѣ утопическая.

Можно болѣе или менѣе точно опредѣлить, чего хочу я больше и чего относительно хочу я меньше—опредѣлить так сказать энергію желанія. Но кто возьмет на себя задачу раскрыть всю систему потребностей не только группы лиц, но хотя бы одного человѣка, хотя бы самого себя? Наши потребности рождаются и живут не в

какомъ-нибудь опредѣленномъ раз навсегда данном мѣстѣ, а текут к нам из безконечнаго внѣшняго міра, который безпрерывно и непреодолимо вліяет на всѣ точки нашего организма и безпрерывно зарождает безконечное количество потребностей, желаній и стремленій? Наша воля идет к нам со всего внѣшняго міра и стремится обратно ко всему этому внѣшнему міру. Мое «я» есть только временная стоянка безконечнаго процесса безконечных движеній, временная комбинація безконечных разновидностей энергіи. Не только никто не может сказать, чего он—другой хочет, но я никогда не могу сказать, чего я хочу. Наше сознаніе обнимает только ничтожную долю нашей внутренней жизни; оно, подобно маяку среди безбрежнаго океана, освѣщает вокруг себя извѣстную область душевной жизни. Эту узенькую часть своей души человѣк называет своим «я». Он наивно думает, что он дѣйствительно есть то, что он знает и думает о себѣ, подобно тому, как сторож на маякѣ невольно признает существованіе только тѣх судов, которыя вторгаются в радіус маячнаго свѣта. Он может предположить в видѣ отвлеченнаго допущенія на основаніи предыдущаго опыта, что могут быть суда внѣ его поля зрѣнія, но это допущеніе, как и всякая абстрактная дѣятельность ума, крайне блѣдно, призрачно. Так же блѣдно и призрачно представленіе человѣка о той безднѣ міров переживаній, которые находятся за завѣсой сознанія, во мракѣ океана безсознательности. Можно смѣло сказать, что человѣк никогда не является тѣм, чѣм он сам себѣ кажется, что он всегда нѣчто иное.

Что же такое это мнимое «довольство»? Это пресловутое благополучіе? Мы удовлетворили микроскопическую долю сознанных потребностей, и что же? Удовлетворен ли наш внутренній мір? Достигнуто ли хоть на один момент внутреннее равновѣсіе? Увы!—нѣт. За выбывшими из рядов в сферу нашего сознанія врываются цѣлыя толпы новых потребностей и желаній. Никто не звал их, никто не знает, откуда они, но они шумно и дерзко располагаются в душѣ моей, давят назойливо и грубо на мое сознаніе. Я не знаю этих странных непрошенных гостей, но я должен подчиниться им, потому что—как ни странно—«я» это собственно онѣ—эти чуждыя мнѣ мятежныя силы, которых я не предполагал за одну минуту раньше, но которыя теперь не только близки мнѣ непонятно почему, но и суть «я» сам. Куда дѣлось мое довольство? Я добился того, чего хотѣл, но какая-то коварная сила вырывает у меня плоды моей желанной побѣды. Покой, гармонія, довольство есть только лукавая

приманка, которое выставляет мнѣ то темное, странное непонятное, что пришло ко мнѣ откуда-то и живет временно за портьерой моего сознанія. Едва я против воли покорился этой приманкѣ и пустился в путь, начав дѣйствовать,—из за порога появляется мой вѣчный незнакомец—безсознательное и сует мнѣ новыя потребности, новыя желанія, новыя цѣли, новые порывы к дѣятельности. Кто не согласится, что стремленіе к довольству есть мираж, иллюзія нашего сознанія? что не покой, не гармонія составляют сущность жизни, а вѣчное движеніе, вѣчная дисгармонія?

Человѣк не только не поддается настоящему, точному опредѣленію, которое дало бы возможность хоть приблизительно знать, что ему нужно для его благополучія, но ни одна потребность не удовлетворима, ни одна цѣль не достижима в той формѣ и в той степени, как рисует себѣ это человѣк, пока живет в нем это желаніе и эта цѣль. Возьмите любое желаніе, проанализируйте его до конца и вы убѣдитесь, что оно безконечно и что оно переплетается неразрывно с неизмѣримой массой других желаній, из которых ни одно не достижимо.

Ко всему этому присоединяется еще одно, в высшей степени замѣчательное обстоятельство. Наши потребности не только не поддаются правильному учету, не только недостижимы цѣликом, но часто дисгармоничны, противорѣчивы: нам часто хочется противоположных вещей. Я имѣю в виду здѣсь не случайное столкновеніе временных капризных вожделѣній, но говорю о постоянных взаимно-противоположных стремленіях, выработанных историческим развитіем. Укажу на один примѣр.

Никто не станет оспаривать теперь того поразительнаго факта, что так называемые соціальные инстинкты глубоко укоренились в современном человѣкѣ вообще, не говоря уже о народных массах. Для современнаго человѣка нѣт болѣе ужаснаго наказанія, как насильственное лишеніе общенія с подобными ему. Как ни стар этот инстинкт, нужно признать, что он теперь несравненно сильнѣе, чѣм был когда-то, не смотря на ряд враждебных ему вліяній, которыя пріуготовила долголѣтняя исторія внутриобщественной борьбы. Косвенным доказательством этому служит то, что теперь совершенно невоз можно то повальное стремленіе к отшельничеству, которое мы встрѣчаем в былыя времена. Однако, странное дѣло, рядом с ростом соціальных инстинктов, с ростом потребности общенія с другими растет потребность как раз противоположнаго характера: в настоящее время человѣк гораздо больше, чѣм когда бы то ни было, чув-

ствует свою индивидуальность и потребность, по крайней мѣрѣ, на время уединяться от своей соціальной среды, потребность в одиночествѣ. Если лишеніе общества является для лишенной личности жестокой карой, то едва-ли не болѣе жестоким наказаніем является для нея полное лишеніе одиночества. Не даром многіе ученые видят большое преимущество городского пролетаріата перед сельским в том, что послѣдній лишен великой привиллегіи—имѣть свое жилье и стало быть возможность хоть отчасти жить своей собственной индивидуальной жизнью, возможность одиночества. Рядом друг с другом в душѣ современнаго человѣка выросли противоположные инстинкты, которые в своей полной развитой формѣ называются коммунизм и индивидуализм. Какому из них отдать преимущество? Буржуа-либерал высказывается за торжество индивидуализма, ради котораго он готов пожертвовать глубокими коммунистическими стремленіями современнаго человѣка, готов оставить частную собственность со всей свирѣпой борьбой за хлѣб. Интеллигент-демократ, «стоящій на пролетарской точки зрѣнія», настолько ослѣплен яркостью соціальных стремленій рабочих масс, что видит в «пролетарской дисциплинѣ» источник всякой радости и готов ради казарменнаго благополучія пожертвовать драгоцѣнной личностью. Мы свободны от предразсудков и буржуазіи, и интеллигенціи —мы признаем одинаковое право за обѣими противоположными потребностями. Мы не хотим добиться гармоніи путем исключенія одного из борющихся элементов, для нас гармонія является совсѣм не заманчивой мечтой. Если внутренняя борьба доставляет горе, она же и единственным источник радостей. Мы константируем факт,что историческое развитіе создало в нас противоположные инстинкты, которые имѣют однакож одинаковое законное право на удовлетвореніе. Оттого мы и хотим на почвѣ общественной солидарности дать полную возможность развитію личности...

Пусть же вдумчивый человѣк поймет, какая нелѣпость эта утопія о всеобщем благополучіи!..

Мы приходим таким образом к выводу, что душевное состояніе покоя и довольства, которое обычно называется счастьем, совершенно невозможно. Значит ли это, что мы идем на встрѣчу пессимизму—к философіи отрицанія жизни. Нѣт. Мы не скажем вслѣд за Шопенгауэром «лучшая судьба это не быть рожденным, никогда не видѣть дня и его сіяющаго свѣтила». Полная гармонія невозможна там, гдѣ в одной и той же душѣ живут противоположные элементы. Во всяком случаѣ такая гармонія

возможна только моментами, которые являются только случайностью. Но из этого далеко до вывода, что жизнь одно сплошное страданіе, что радость является чѣм-то отрицательным—«отсутствіем страданія». В наших глазах страданіе и радость одинаково реальны: радость невозможна там, гдѣ ей не предшествовало страданіе и наоборот. Можно смѣло сказать, что чѣм глубже страданіе, тѣм глубже будет радость, подобно тому, как чѣм сильнѣе электрическій ток в электродах, тѣм ярче будет искра... Мѣщанской утопіей звучит для нас желаніе избавить человѣка от горя, водворить на землѣ благополучіе и гармонію. Такой же иллюзіей кажется нам отрицаніе радости. Кто не знает, что привычное горе незамѣтно превращается в тайный источник радости? Человѣк обладает безконечной способностью приспособленія: в самой неблагопріятной средѣ он всегда найдет какой-нибудь источник радости. Что же нужно ему для этого? Только одно—нужно дать возможность его внутренним душевным процессам идти своим чередом. Как бы ни была среда безотрадна, как бы ни было вокруг сѣро и пустынно, душа постепенно приспособится к окружающему и направит свои внутреннія силы в наиболѣе благопріятную сторону. Чтобы дать человѣку возможно больше радости, есть только один путь: ставить возможно меньше препятствій нашему внутреннему міру, сдѣлать возможно шире сферу соприкосновенія нашего внутренняго міра с внѣшним. Оттого самое ужасное горе для человѣка наступает там, гдѣ он искусственно изолирован от всего богатаго и многообразнаго міра людей и природы и насильственно вдавлен в узенькую рамку тюремной жизни. Оттого же величайшая масса радостей выпадет на человѣческую личность, когда совершенно будут уничтожены всѣ искусственныя принудительныя сферы, окружающія человѣка помимо или против его воли, т. е. тогда, когда он перестанет быть принудительным членом семьи, когда он сбросит с себя насильственныя узы гражданства в отечествѣ, когда он сбросит с себя цѣпи обязательной, внѣшне-принудительной религіозной и даже общественной солидарности, словом, когда человѣк вездѣ и всегда будет сталкиваться со своимже братом—человѣком и своей матерью—природой. Наш вывод ясен: величайшая радость, величайшая сумма наслажденій создается не уничтоженіем тѣх или иных «дисгармоничных» элементов и не реакціонной попыткой примиренія борющихся противоположностей, а, наоборот, возможно большей свободой борьбы. Отсюда наш другой вывод: оставьте всякое попечительство о чужом благополучіи, никто в нем не

нуждается: горе и радость всегда внутри нас. Дайте же человѣку полную возможность самому стремиться к тому что он называет своей радостью. Своим непрошенным вмѣшательством вы не только не приближаете его к цѣли, но ослабляете, омрачаете эту самую радость. Мы приходим к полному отрицанію какого бы то ни было внѣшняго авторитета, безразлично какими бы прекрасными фразами он ни оправдывался и в какія мантіи ни драпировался.

V.

Авторитет.

Отрицаніе всякаго внѣшняго авторитета ставит нам важный вопрос: возможно ли неавторитарное общество?

Всякое общество, по существу, в об'ективном отношеніи есть ни что иное как опредѣленная форма сотрудничества. А всякое сотрудничество предполагает одновременную коллективную дѣятельность. Эта коллективная дѣятельность однако не принадлежит одному какому-нибудь организму (ибо общество не есть само по себѣ нѣчто цѣлое, органическое), а составляется из комбинированных дѣйствій отдѣльных личностей. Возникает проблема: каким образом вызвать комбинированную коллективную дѣятельность, когда каждая личность мыслит и дѣйствует индивидуально и когда общество не имѣет единаго мыслящаго органа, который мог-бы непосредственно вызвать желанные коллективные акты. Проблема рѣшается двояко.

Можно создать над сотрудничающими личностями какой-нибудь опредѣленный орган, одаренный единой волей, единым сознаніем и этому органу дать право толкать сотрудничающих к опредѣленным актам, независимо от тѣх умственных, волевых процессов, которые происходят в психикѣ индивидов. Это обстоятельство разрѣшает вполнѣ противорѣчіе, которое вызывается индивидуальностью мышленія и коллективностью работы. Но противорѣчіе это, собственно говоря, не примиряется, не гармонируется, а достигается чисто искусственным путем —уничтоженіем одного из противорѣчивых элементов, а именно: индивидуальнаго мышленія. Индивидуальное мышленіе стоит на пути коллективному сотрудничеству и его просто на просто стирают. Борьба, понятно, исчезает, но за то извращается весь нормальный естественный ход органической жизни индивида. Опыт и наука учат нас, что акты индивидов могут быть прямым слѣдствіем сознательных или несознательных процессов, т. е. могут

прямо вытекать из нашей сознательной воли или совершаться внѣ ея, помимо ея, но не против нея. Акты, явно противорѣчащіе волѣ дѣйствующаго, разрушают основу нормальной органической дѣятельности и являются поэтому чѣм-то безусловно отрицательным для развитія жизни. Что такое в сущности смерть? Вѣдь процессы, совершавшіеся в организмѣ, элементы, составлявшіе его, не уничтожились, не исчезли, исчезла только та внутренняя связь, та комбинація процессов, которая создавала нѣчто опредѣленное, цѣлостное, индивидуальное... Смерть есть только уничтоженіе этого индивидуальнаго. Вмѣшательство внѣшней воли во внутреннюю жизнь индивида совершает аналогичную работу: оно разрывает внутреннюю необходимую связь между волей и дѣятельностью, разрушает в настоящем смыслѣ слова индивидуальность подобно смерти: оно приносит поэтому частичную смерть. Если представить себѣ мысленно такую организацію сотрудничества, при которой такое вмѣшательство внѣшней организованной волей совершается безпрерывно и повсемѣстно, то можно смѣло сказать, что оно произвело бы тѣ же результаты, как и настоящая физическая смерть. На самом дѣлѣ немыслимо такое абсолютное подчиненіе индивидуальности коллективному органу, оттого и частична разрушительная работа внѣшняго механическаго давленія на нашу волю со стороны внѣшней воли, организующей сотрудничество.

Исторія и подтверждает вполнѣ нашу мысль, что авторитарное рѣшеніе проблемы сотрудничества есть вѣчная угроза развитію жизни. Авторитарныя общества всегда являли образец неподвижности и полной неспособности развитія. Авторитет может использовать болѣе или менѣе цѣлостно имѣющуюся к данном обществѣ массу энергіи, может наилучшим способом приспособить, комбинировать уже имѣющіяся индивидуальныя силы, но он безсилен развивать общество, так как он убивает основной источник всякаго развитія—индивидуальное сознаніе, индивидуальность.

Но кромѣ авторитарнаго типа организаціи сотрудничества возможен и другой, противоположный тип. Вмѣсто того, чтобы достигнуть чисто механическаго единства дѣйствія путем полнаго или частичнаго уничтоженія противорѣчія между индивидуальными сознаніями, индивидулаьными волями, можно, наоборот, стремиться к гармонизированью этих воль постольку,поскольку это необходимо для коллективной работы. Вмѣсто того, чтобы одной внѣшней волѣ предоставить возможность подавлять всѣ остальныя индивидуальныя воли,

можно самим этим волям дать возможность извнутри самих себя создать дѣйствительную коллективную волю, т. е. выдѣлить то общее, что было во всѣх индивидуальностях, участвующих в сотрудничествѣ. Результат—коллективный акт—будет тот же, но способ приципіально противоположный. Свободное соглашеніе, в противоположность авторитету, не только не убивает личности, не только не уничтожает возможности развитія, но и строится на личности и является постоянным импульсом к развитію.

Авторитет и свободное соглашеніе суть два принципа, лежащіе в основѣ всѣх исторических обществ. Общество, основанное на авторитетѣ, есть государство. Общество, построенное на свободном соглашеніи, есть анархія. Каков характер будущаго общества? На этот вопрос мы сможем отвѣтить только тогда, когда мы об'ясним себѣ, почему всѣ историческія общества были болѣе или менѣе авторитарными. Если окажется, что авторитарный принцип поддерживался опредѣленными условіями жизни, отсутствія которых для нас в будущем обществѣ несомнѣнно, этим самым будет рѣшен глубокій и важный вопрос: идем ли мы к государственной или анархической организаціи жизни.

Авторитарные органы никогда не являются органами простого голаго насилія. Хотя в основѣ всякаго авторитета всегда лежит это самое механическое насиліе над волею личности, все-таки всякій авторитет нуждается в нѣкоторых болѣе или менѣе опредѣленных рамках дѣйствія. Авторитарная регламентація всей жизни личности немыслима. Оттого интересы самого авторитета требуют хотя бы нѣкотораго разграниченія сферы своего вмѣшательства и области индивидуальной свободы. Выражаясь юридическим языком, всякій авторитет для обезпеченія своего нормальнаго функціонированья нуждается в опредѣленной системѣ права.

Чтож такое право*)? Современныя юридическія школы отвѣчают: право есть норма, разграничивающая интересы. Наши потребности направляются всегда на какую-нибудь опредѣленную вещь или на какую-нибудь услугу. Так как на вещи или услугѣ часто сталкиаются потребности различных индивидов, то неизбѣжна борьба. Эта борьба за интерес и создает право. В этом смыслѣ всякая правовая норма является как бы пограничной

*) Здѣсь вездѣ рѣчь идет о правѣ не в суб'ективном, а в об'ективном смыслѣ, о так называемом положительном правѣ.

линіей между враждующими, борющимися интересами. Право ставит себѣ цѣлью как бы поддерживать дружественный нейтралитет воюющих интересов.

Но отдѣльные мелкіе однородные интересы всегда вытекают из какого-нибудь одного общаго болѣе крупнаго интереса. Борьба за болѣе широкую сферу интересов создает цѣлостную группу правовых норм—то, что юристы называют правовым институтом.

Наконец, всѣ болѣе или менѣе широкія группы интересов во всяком обществѣ вытекают из какого-нибудь одного основного интереса. Борьбу за этот послѣдній и выражает собою система права в цѣлом.

Исторія права дает нам ряд таких систем права, болѣе или менѣе отличающихся друг от друга. Классическое право было построено на фундаментѣ рабства. Перед нами феодальное право с крѣпостничеством в основѣ. Наконец современное буржуазное право построено на фундаментѣ частной собственности. Всѣ эти системы права довольно рѣзко отличаются одна от другой. Авторитарный мыслитель может на этом основаніи разсуждать так: всѣ донынѣ бывшія историческія общества строились на какой-нибудь правовой системѣ, которая служила, так сказать, рамками, в которых развивалась экономическая жизнь даннаго общества. Когда эти рамки становились слишком узкими для развитія экономической жизни общества, старая правовая система замѣнялась новою. Отсюда сторонник авторитета сдѣлает вывод, что и современное буржуазное право подлежит замѣнѣ его болѣе широкой правовой системой, которая могла бы болѣе точно вмѣстить развившіяся производительныя силы современнаго міра. Но право само по себѣ должно остаться, потому что без права, без системы общих и обязательных норм невозможно никакое сотрудничество. Необходим поэтому и авторитет, как внѣшнее конкретное выраженіе абстрактнаго права; необходим авторитет, как дамоклов меч, висящій над всякой попыткой перешагнуть через порог священнаго права. Так дѣйствительно разсуждают всѣ послѣдовательные авторитаристы, «от папы до Маркса», по выраженію Ньювенгейса, от господ россійских министров до господ россійских «революціонных» соціал-демократов.

Но так ли это? Нужно раньше всего внимательно всмотрѣться в условія жизни всѣх исторических авторитарных обществ и спросить себя: какой основной факт лежит в их жизни, какое основное обстоятельство порождало, стало быть, необходимость той или иной опредѣленной системы права. Если мы с этой точки зрѣнія про-

смотрим всю исторію человѣчества со времени первобытных общин, мы вездѣ наталкиваемся на один и тот же глубокій по своей важности и трагизму факт: производитель вездѣ отдѣлен от своего орудія. Вот этот-то основной факт и только он, а не интересы развитія производительных сил, до сих пор лежал в основѣ права. Всѣ разновидности общественных организацій представляют только различныя проявленія одного и того же неумолимаго факта—разрыва между работником и его орудіем труда. Всѣ историческія системы права только выражают и санкціонируют этот разрыв.

Было время, когда человѣческія орудія были крайне примитивны, когда главным фактором производства был сам человѣк: Тогда, чтобы овладѣть фактором, нужно было овладѣть личностью самого работника, необходимо было порабощеніе самого трудящагося. В такія эпохи работник и раб синонимы, работник есть только «звучащее орудіе (instrumentum vocale). Система права, которая в таком обществѣ желает санкціонировать отдѣленіе работника от его орудія, должна санкціонировать и рабство этого работника, потому что в таком обществѣ рабство и работа неразрывны при сохраненіи принципа эксплуатаціи. Оттого-то древніе философы, которые всѣ были членами эксплуататорскаго класса, не могли найти никакого исхода из заколдованнаго круга.

С теченіем времени, когда пріобрѣтает большое значеніе в качествѣ фактора производства земли, эксплуатирующій класс находит возможным добиться той же цѣли другим путем. Нѣт надобности теперь привязать работника к самой личности хозяина, достаточно оторвать его юридически от главнаго средства производства —земли и в то же время не дать работнику права оставлять мѣстожительство своего господина. В крѣпостническом обществѣ право должно принять форму феодализма.

Наконец, настает совершенно новая эпоха: разрослись до грандіозных размѣров производительныя силы, земля перестала быть господствующим фактором—это мѣсто заняла машина. Что нужно теперь для охраны интересов эксплуатаціи? Теперь безсмысленно и излишне не только привязать работника к личности хозяина, безполезно даже навязывать ему опредѣленное мѣстожительство, вполнѣ достаточно оторвать работника от земли и машины и дать ему «волю»... Нечего опасаться, что рабочій человѣк «разлѣнится» оттого, что сорваны рабскія и крѣпостническія цѣпи: им на смѣну буржуа выковал болѣе жестокія и болѣе подлыя цѣпи новаго раб-

ства, которыя по всей тягости превосходят все, что до сих пор пережил многострадальный рабочій народ... Зачѣм прямо и грубо принуждать работника к труду, когда невидимая и безпощадная сила все равно толкает его в каторжную мастерскую? Эта сила—царь голод. Чтобы голод заставлял работника служить интересам эксплуатаціи, а не собственной личности, нужно только умѣло провести тонкую линію, подобно заколдованному кругу между работником и средствами его труда. Эта круговая линія и называется буржуазным правом, правом частной собственности.

Спрашивается развѣ будущее общество не представляет собою рѣзкаго разрыва со всей «предварительной» исторіей человѣчества? развѣ не убивается на смерть та гидра, которая до сих пор всегда была причиной всѣх соціальных бѣдствій человѣка, гидра, отдѣлявшая работника от его орудія? Раз работник становится собственником своих орудій труда, спрашивается, что выпадает на долю права? Что должна дѣлать будущая система права, когда основа ея—борьба за противоположные интересы совершенно исчезает? Вдумаемся хотя бы в общественный строй первобытных коммунистических общин. Почему тогда не чувствовать потребность в какой нибудь данной правовой системѣ? На этот вопрос нѣт, кажется, другого отвѣта, кромѣ одного: производитель не был отдѣлен от средств производства, не было основной причины всякой борьбы за интересы, не было почвы и для права. Что касается необходимых для коллективной дѣятельности болѣе или менѣе опредѣленных, болѣе или менѣе постоянных актов, то потребности борьбы за существованіе сами естественно и незамѣтно соотвѣтственным образом вліяли на психику индивидов, создавались обычаи, которые связывали членов общины болѣе тѣсно, чѣм самые жестокіе драконовскіе законы.

Сторонники авторитета нам могут сказать дѣйствительно исчезнет тот основной антагонизм, который до сих пор был основою права—антагонизм между работником и владѣльцем орудія труда. Зато рождается новый антагонизм между личностью и обществом. Это новое противорѣчіе породит новую борьбу, которую необходимо уложить в извѣстныя рамки. Потребность в системѣ общих и болѣе или менѣе постоянных, обязательных норм неизбѣжно так или иначе создаст новую систему права.

Это возраженіе имѣет только внѣшній характер научности. В самом дѣлѣ: в чем может состоять антагонизм между личностью и обществом? Если дѣло в том, что в

свободном обществѣ особенно сильно разовьются личные вкусы, личныя потребности, которыя будут безпрерывно сталкиваться, то развѣ в этом заключается какая-нибудь угроза для существованія общества? Очевидно, не в духовной области лежит опасность столкновенія между личностью и обществом: рѣчь, очевидно, идет о матеріальной области жизни, о производствѣ. Но и здѣсь возраженіе наших противников совершенно несостоятельно. Они всецѣло находятся под вліяніем чисто буржуазных понятій, созданных современными условіями жизни. В глубокую древность, даже сравнительно дальновидные люди полагали, что уничтоженіе рабства есть уничтоженіе самой общественной жизни. Значительно позже крѣпостники болѣе или менѣе искренно вѣрили, что освобожденіе крѣпостных есть уничтоженіе всякой общественной работы, так как «разлѣнившіеся» крестьяне, освободившись от спасительной палки помѣщика, совершенно откажутся работать. Тѣ же рѣчи повторяются и теперь по поводу освобожденія работника от буржуазнаго рабства. Люди с узким кругозором, неспособные понять дѣйствительные мотивы человѣческой дѣятельности, боятся оторваться от современных обещсст-венных отношеній, выйти из рамок современнаго міра. Они не смѣют спросить себя: неужели палка и плеть дѣйствительно абсолютно необходимы для существованія общества, для коллективной работы? Нѣт ли каких-нибудь других мотивов, болѣе могущественных, чѣм страх наказанія? Еслибы они глубже и свободнѣе отнеслись к этим важным вопросам, они пришли бы к совсѣм иному рѣшенію; они увидѣли бы, что работа сама по себѣ никогда не отталкивала человѣка. Что такое, собственно, работа, как не инстинктивное, необходимое проявленіе внутренних психических процессов? Что такое наслажденіе, как не та или иная трата, в той или иной формѣ накопившейся энергіи? Величайшія муки происходят не от самой работы, а от слишком долгой, нежеланной работы, иногда же еще больше от отсутствія желанной работы. Наслаждаться, собственно говоря, значит дѣйствовать, работать, т. е. преобразовывать внѣшнюю среду соотвѣтственно внутренним потребностям. Не будь этого вѣчнаго внутренняго импульса к работѣ, никакіе авторитеты не могли бы сдерживать узы общественной жизни. До сих пор дѣятельность авторитарных органов состояла, собственно, не в том, что они создавали какіе нибудь новые человѣческіе мотивы к работѣ,— нѣт! они только своеобразно эксплуатировали естественные мотивы, заложенные в органической жизни человѣ-

ка. Вмѣсто того, чтобы дѣятельность каждаго отдѣльнаго человѣка направлялась его собственными личными мотивами, ее подчинили властной волѣ авторитета; но дѣятельность самих носителей авторитета опредѣлялась все таки их личными мотивами. Отрицатели всякаго авторитета, анархисты, не имѣют претензіи создать, сочинить какой-нибудь новый импульс к работѣ. Наоборот, они хотят уничтожить тот искуственный мотив, который господствующій класс навязывает трудящимся, мотив страха наказанія, и хотят распространить на всѣх трудящихся тот принцип, который лежит в основѣ дѣятельности привиллегированных классов,—принцип личнаго самоопредѣленія. Таким образом уничтоженіе всякой власти нисколько не посягает на тѣ естественные, неискоренимые инстинкты, которые толкают человѣка к работѣ. Всѣ люди, как и всѣ живыя существа, желают жить. Жить же—значит работать. Поэтому и в будущем обществѣ основой общественной жизни будет коллективная работа. Но подобно тому как общественный труд создается из свободнаго об'единенія личных работ, так и общественная воля создастся из свободнаго сліянія личных воль. Общество по прежнему будет сотрудничеством, но свободным сотрудничеством.

VI.

Коллективизм и коммунизм.

Нелѣпо заниматься подробным разрисовываніем картины будущаго. Не только трудно, но и невозможно предвидѣть частности будущей идеальной организаціи человѣчества. Но так же нелѣпо думать, что полное невѣжество относительно основ будущей жизни является добродѣтелью. Мы не можем и не должны загадывать обо всѣх подробностях и мелочах грядущаго міра, но мы можем и должны изучить его основныя, крупныя черты. Я скажу болѣе: без точнаго и яснаго пониманія основ будущаго свободнаго общества невозможна никакая плодотворная революціонная дѣятельность. Мирные реформаторы и оппортунисты всѣх мастей могут презрительно пожимать плечами, когда от них требуют болѣе яснаго опредѣленія их идеала: такая работа для них безполезная роскошь, ибо вся их практическая дѣятельность только муравьиное реформированіе частностей современнаго міра. Они не разрушают и не стремятся разрушить фундамента капитализма и классового деспотизма, они хотят только придать ему новую, болѣе мягкую форму. Зачѣм же заниматься таким «соціалистам» анализом будущаго общества? Зачѣм им тратить время на эту безполезную «музыку будущаго»?

Иной характер носит положеніе революціонных соціалистов, т. е. анархистов. Кто стремится к полному и немедленному разрушенію современнаго экономическаго, политическаго и духовнаго рабства, обязан ясно указать во имя чего осудил он современную цивилизацію и куда хочет он вести человѣчество. Сдѣлать это не только его моральная обязанность, но и политическая необходимость. Как можно выработать дѣльную тактику, не зная, куда она должна привести нас? Остановимся же на основных чертах будущаго рабочаго общества.

Раньше всего мы должны поставить себѣ вопрос: какова будет грядущая форма собственности? Трудно

переоцѣнить значеніе этого вопроса, ибо форма собственности есть краеугольный камень всякаго общественнаго строя. Ни одно общество не может жить, не опредѣлив точно и ясно, кто должен владѣть орудіями труда, ибо владѣлец орудіями труда есть руководитель производства и распорядитель народнаго богатства. Иначе говоря, всякое общество должно установить свою форму собственности.

Современная частная форма собственности гласит, что орудія производства и продукты труда принадлежат частным лицам. Когда производство было мелким, когда каждый ремесленник работал один у себя на дому, принцип частной собственности был умѣстным и относительно справедливым. Он давал возможность каждому трудящемуся наслаждаться дѣлом собственных рук. Когда люди работают отдѣльно, в одиночку, они, естественно, владѣют своими орудіями так же врозь, и неизмѣнно продукты становятся частной собственностью производителей. Должно ли это так быть—трудно сказать. Но факт таков: во всем мірѣ, у всѣх народов торжество мелкаго, мнѣ хотѣлось бы сказать, частнаго производства вызвало к жизни частную форму собственности.

Но с тѣх пор круто измѣнились обстоятельства. Не только исчезли одиночки-ремесленники, но и мелкія мастерскія давно уступили первенствующее мѣсто крупным фабрикам и заводам; маленькія лавочки вытѣсняются громадными магазинами с тысячами наемных служащих. Можно смѣло сказать, что никогда не исчезнет совершенно мелкое производство и мелкая торговля, как это думал Маркс. Крупное машинное производство никогда не сможет совершенно замѣнить ручной труд, крупный магазин не сможет цѣликом вытѣснить маленькую лавочку. Но тѣм не менѣе, всякій должен признать, что производство и обмѣн пережили рѣзкую перемѣну: они получили общественный характер. Общество не состоит уже из отдѣльных одиноких ремесленников и одиноких лавочников-посредников. Оно распадается теперь на громадное количство групп работников, ассоціацій: вѣдь каждая фабрика, завод, мастерская, магазин, копь желѣзная дорога, почта, контора есть не что иное, как ассоціація работников. И всѣ эти неисчислимыя массы рабочих ассоціацій тѣснѣе связаны друг с другом, чѣм в прежнія времена одинокіе ремесленники. Ни одна ассоціація не может обойтись без всѣх остальных. Это значит, что, по существу всѣ ассоціаціи составляют одну грандіозную Ассоціацію Работников. И что же? Труд стал общественным, ассоціативным, а частная форма собственности ос-

талась. Во главѣ каждой рабочей ассоціаціи стоит частное лицо—капиталист и деспотически грабит у нея продукт ея труда. Продукт всеобщаго труда, продукт всей всемірной Рабочей Асоціаціи становится собственностью не всей Ассоціаціи, а совершенно посторонняго лица, ненужнаго и вреднаго в производствѣ. Устранить это безуміе и спасти общество от вырожденія и смерти есть первая и главная задача рабочаго человѣчества. Но тут то возникает наш вопрос: чѣм именно замѣнить частную собственность? Какова должна быть грядущая форма собственности? На этот вопрос соціал-демократы и анархисты дают два различных отвѣта. Одни говорят: средства производства должны быть переданы Государству, другіе хотят сдѣлать собственником всѣх богатств само общество. Одни, стало быть, хотят замѣнить частную собственность государственной, другіе хотят ввести общественную (или коммунистическую) собственность. Между этими двумя взглядами такая же бездна, как между правительством и обществом, между бюрократіей и народом.

Сдѣлать государство собственником средств производства это значит, на первом планѣ, сдѣлать правительство распорядителем производства и распредѣленія. По плечу ли ему такая задача? В настоящее время есть одна область, которая несомнѣнно является спеціальной задачей государства—это военное дѣло. И что же? Дадим себѣ труд всмотрѣться в то, как справляется оно со своей исключительной обязанностью. Примите во вниманіе, что в военном дѣлѣ государство абсолютно устранило частную конкуренцію и потому является неограниченным хозяином своей отрасли промышленности. Вспомните также, что государство своей неограниченной властью над страной пользуется такими исключительно благопріятными условіями, какія и сниться не могут самому сильному капиталисту. Ко всему этому прибавьте ту желѣзную дисциплину, которая наложена на органы государства. Теперь спросите себя: как справляется оно с своим дѣлом? Пусть честный человѣк, сколько-нибудь знакомый с военным дѣлом, скажет, есть ли какая-нибудь отрасль промышленности, которая была бы в таком дурном состояніи? Военная техника безконечно отстает всегда и вездѣ и обходится так непомѣрно дорого, что самый могучій трэст раззорился бы; государство же способно выдержать бремя только благодаря своей неограниченной тиранической власти над трудом и свободой граждан. Представим себѣ теперь на минуту, что государство должно заботиться не об одном производствѣ

военных принадлежностей, а должно производить всѣ небходимые продукты жизни: пищу, одежду, жилище, пути сообщенія, сырые продукты, машины, предметы роскоши, доставлять освѣщеніе и отопленіе, завѣдывать наукой и искусством и т. д., и т. д. Но производить мало —нужно распредѣлить продукты. Милліарды продуктов должны быть доставлены милліонам людей. Оставим пока в сторонѣ вопрос, по силам ли такая грандіозная задача какому бы то ни было правительству, даже геніальнѣйших и честнѣйших людей. Теперь мы разсмотрим только экономическую сторону вопроса: мы спрашиваем всякаго вдумчиваго пролетарія: выгодно ли нашему классу ввести такую систему собственности? Не раззорит ли она общество? Представляет ли она значительный прогресс в сравненіи с современной системой капитализма?

Когда соціал-демократам ставят эти неумолимые вопросы, они, понятно, не находят никакого прямого отвѣта и тотчас же ссылаются на то, что будущее государство должно быть совсѣм иного характера, чѣм современное. С этим мы охотно согласимся. Буржуазное государство сильно отличается от феодальнаго, которое в свою очередь далеко не совпадало с классическим или восточным. Без сомнѣнія, соціалистическое государство потеряет многія черты, характерныя для буржуазной эпохи и пріобрѣтет новыя особенности. Но государство под всѣми формами сохраняет опредѣленныя черты. 1) Оно всегда есть организація власти, т .е. принудительный орган, издающій законы, судящій на их основаніи и карающій за их нарушеніе. 2) Оно всегда стремится к строжайшей централизаціи. 3) Оно всегда по необходимости опирается на бюрократію т. е. цѣлую армію государственных агентов. Именно послѣдняя черта, его бюрократизм, нас и интересует здѣсь. Мы и утверждаем, что какова бы ни была организація бюрократіи, она не может справляться с такой широкой, непосильной задачей, как организація многосложнаго производства. Исключительно с точки зрѣнія экономической цѣлесообразности мы говорим, что государственная форма собственности тягостна и обременительна для рабочаго класса едва ли не до такой же степени, как современная частная собственность. Не только бюрократія крайне плохой и расточительный хозяин, но она по необходимости в численном отношеніи достигнет небывалаго развитія. Подумайте только, сколько милліонов чиновников понадобилось бы соціалистической странѣ, когда каждая фабрика, каждая мастерская, каждая контора, каждый

магазин, каждая ячейка экономическаго организма должна была бы имѣть своего чиновника и даже, быть может, не одного. Теперь бюрократія владѣет нѣсколькими только, сравнительно незначительными отраслями промышленности; а цыфра чиновников положительно достигает уже подавляющих размѣров. До какой же фантастической степени дорастет бюрократія, когда она должна будет регулировать рѣшительно всѣ стороны жизни? Не трудно представить себѣ, какую громадную долю народнаго труда, будет уничтожать эта бюрократическая саранча. Будет ли это подать, подать народа безполезной и неспособной бандѣ правителей—меньше той прибавочной цѣнности, которую теперь взымает буржуазія,--очень серьезный и трудный вопрос. Бросьте взгляд на исторію экономической роли государства, и вы убѣдитесь, как расточительно и бездарно его хозяйничанье. За примѣрами нам не зачѣм отправляться ни в таинственный Восток, который зачах в тяжелых тисках государственной команды, ни в шумную Элладу, которая стремительно шла в бездну ничтожества, безсилія и бѣдности параллельно росту экономическаго значенія государства; ни в холодный Рим, который пал под тяжестью государственнаго бремени. Даже средніе вѣка нам не зачѣм звать на суд, хотя исторія городских общин показывает с поразительной яркостью, какую мертвящую роль сыграло государство в исторіи культуры. Нѣт! Возьмем болѣе близкіе и болѣе прозаическіе примѣры из доступной нам современности: присмотримся к экономическим результатам так называемых государственных монополій. Для всѣх не завѣдомо слѣпых и не завѣдомо продажных людей в настоящее время ясно, что сдѣлать какую-нибудь отрасль промышленности государственной монополіей значит почти неизбѣжно довести ее до самой низкой степени состоянія. Поразительные примѣры доставляют табачная монополія во Франціи, водочная монополія в Россіи, спичечная монополія во многих странах. Общая характерная черта государственной монополіи: самая дорогая цѣна за самый плохой продукт. В этом отношеніи государственная монополія гораздо хуже монополіи капиталистическаго трэста. Трэст все таки гонится за прибылью, стало быть, должен считаться с интересами публики и никогда почти не может совершенно устранить конкуренцію. Государство же прикрыто недоступным щитом авторитета, власти и абсолютнаго господства. Против трэста можно бороться посредством бойкота или стачек, а в отношеніи государства такая борьба есть и по необходимости всегда будет государ-

ственным преступленіем. Иногда указывают в защиту бюрократическаго соціализма на почты, желѣзныя дороги, лѣсоводство. Несомнѣнно, что капиталистическое хозяйничанье иногда сопровождается таким безсовѣстным хищничеством, что даже бюрократическая опека может представляться нѣкоторым шагом вперед. Но такіе примѣры говорят против капитализма, но не за государственный соціализм. Если же присмотрѣться ближе, то не трудно и тут замѣтить, как дорого обходится народу это благодѣтельное начальство. По серьезным вычисленіям ученых пересылка письма государственной почтой стоит по меньшей мѣрѣ в три-четыре раза дороже того, *) сколько она стоила бы при свободной конкуренціи даже в капиталистическом обществѣ. А непомѣрная высота желѣзно-дорожных тарифов—общеизвѣстный факт. При этом нужно замѣтить, что желѣзно-дорожное дѣло есть одна из исключительных отраслей промышленности, которая допускает только ограниченную конкуренцію. Ясно, как мало говорят даже эти ничтожные примѣры в пользу государственнаго соціализма.

Против всего этого соціал-демократы иногда пускают в дѣло очень находчивый аргумент: они прячутся под щит исторической необходимости. Они пытаются увѣрить нас, что они и сами то не рады чудовищному росту государственной машины, но что подѣлаешь? Такова историческая необходимость: государство должно стать на мѣсто современной буржуазіи. Рабство было прогрессом сравнительно с прежним людоѣдством и войной всѣх против всѣх. Крѣпостничество смягчило положеніе рабов. Капитализм является новым шагом вперед. Почему же не допустить коллективизма, как опредѣленной ступени в историческом развитіи? Может быть коллективизм впослѣдствіи и смѣнится анархизмом, но теперь он историческая необходимость. Эта пресловутая «историческая необходимость» сбивает с толку не одного простодушнаго пролетарія. О ней стоит сказать нѣскльно слов.

«Научные» соціалисты увѣряют нас, профанов, что крѣпостничество было исторической необходимостью. Представьте себѣ, ученые товарищи наши, что вы случайно живете в эпоху паденія Римской Имперіи в ту эпоху, когда рабство переходило в крѣпостничество. Что вы дѣлали бы тогда? Перед вами двѣ дороги: вы можете опираясь на вашу историческую необходимость крѣпостничества, приглашать рабов мирно и законно эмансипи-

*) "A Plea for Liberty" edited by Thomas Mackay, pp. 305-329

роваться от рабства посредством перехода в крѣпостное состояніе; но вы можете также стать на классовую точку зрѣнія рабов и требовать полной и немедленной воли со всѣми средствами производства в придачу. По какой дорогѣ вы пошли бы? Есть много шансов за то, что ваше народолюбіе, революціонность и прочее спасовали бы перед «исторической необходимостью» помочь «бѣдным» рабовладѣльцам и спасти от раззоренія «народное» хозяйство, хотя бы на счет свободы, здоровья и счастья трудящихся масс. В пользу нашей догадки говорит ваша тактика в современную нам Русскую Революцію. Развѣ вы не отказались от соціализма и не стали на защиту буржуазной революціи во имя той же исторической необходимости демократіи? Развѣ вы нас—анархистов не клеймите самой грязной клеветой только за то, что мы не хотѣли считаться с «исторической необходимостью» господства буржуазіи со дня второго пришествія, когда вы окажетесь парламентским большинством? за то, что мы твердо, неуклонно и до конца отстаивали интересы наемных рабов? Но допустим, что у вас не хватило бы безстыдства бороться за установленіе крѣпостничества. Допустим, что вы разсуждали бы так. В интересах рабовладѣльцев смѣнить устарѣлое и невыгодное рабство болѣе выгодным крѣпостничеством, но за то интересы рабов идут в сторону полнаго освобожденія труда на основѣ общественной собственности. Как представители труда, мы будем звать рабов к полному освобожденію. Возможно, что ваша проповѣдь нашла бы такой живой отклик в сердцах рабов, что их грандіозная армія совершенно разбила бы цѣпи рабскія и крѣпостническія. Возможно, что класс рабов вынужден был бы послѣ яростной битвы помириться на личной свободѣ без средств производства. Возможны сотни различных исходов борьбы, но каждый из них одинаково исторически необходим. Выходит, стало быть, что историческая необходимость есть не что иное как фактическій результат дѣйствительной борьбы классов, а не нѣчто фатальное, наперед предназначенное Верховным существом—божественной исторіей. Возвратимся к нашему вопросу.

Есть ли коллективизм историческая необходимость? Это предположеніе основано на том незначительном фактѣ, что нѣкоторыя отрасли промышленности в нѣкоторых странах перешли из рук частных капиталистов в руки коллективнаго капиталиста—буржуазнаго государства. Но что доказывает этот факт? Только одно: что общіе интересы буржуазіи в цѣлом иногда противо-

рѣчат частным интересам отдѣльных буржуа, и потому буржуазное государство должно иногда положить предѣлы ненасытной и безразсудной алчности частнаго капиталиста в таких, напримѣр, отраслях труда, как лѣсоводство. Возможно, что с теченіем времени таких отраслей будет все больше и больше. Это покажет, что интересы буржуазіи как класса требуют расширенія власти государства, все большаго огосударствленія производства. Но таковы-ли интересы рабочих городских и сельских? вот вопрос. Мы говорим открыто и ясно: интересы пролетаріата состоят только в одном—в полном и немедленном ниспроверженіи всякаго господства человѣка над человѣком. Мы и должны звать работников на рабочую, т.е. коммунистическую и анархическую революцію. Какую конкретную форму примет общество послѣ борьбы,—зависит от соотношенія сил борющихся. Чѣм энергичнѣе будет наша дѣятельность, чѣм сознательнѣе и организованнѣе будет пролетаріат, тѣм ближе мы подойдем к чистому коммунизму и к полной анархіи. Тогда и видно будет, какова была «историческая необходимость». Но как открыть ее теперь? Можно ли найти равнодѣйствующую двух непрерывно и совершенно неравномѣрно измѣняющихся общественных сил?

Итак, коллективизм мы отвергаем всецѣло. Каков же наш идеал? Наша программа отвѣчает: общественная собственность или коммунизм. При капитализмѣ экономическая власть в руках отдѣльных частных лиц, при коллективизмѣ ею распоряжается правительство,—в том и другом случаѣ орудія труда во владѣніи группы, чуждой самим работникам. Коммунизм передает средства производства самим рабочим ассоціаціям. Вообразим на время, что удачная революція городских и сельских пролетаріев смела с лица земли всю банду чиновников, полицейских и капиталистов. Работники оказываются единственными хозяевами жизни. На первых порах работники каждой фабрики, завода, мастерской, магазина, копи, желѣзной дороги образуют свою ассоціацію и продолжают производство. Разница только та, что отнынѣ они свободны от тираніи корыстолюбиваго капиталиста и могут учредить у себя такіе порядки, как это им заблагоразсудится. Капиталист устранен. Но нѣкоторыя функціи, которыя он прежде исполнял, скорѣе, эксплуатировал, не могут быть устранены. Возникает вопрос: кто теперь будет связывать одну ассоціацію с другой? Отвѣт ясень: то, что капиталисты прежде осуществляли косвенно, теперь сами рабочія ассоціаціи будут проводить прямо. При капитализмѣ единеніе, напримѣр, са-

пожников и портных осуществлялось посредством их капиталистов; в коллективистском обществѣ этим посредником является чиновник; коммунизм передает дѣло гармонированія отдѣльных отраслей производства самим рабочим ассоціаціям. Конкретно это должно выразиться в том, что всѣ рабочія ассоціации даннаго города или деревни составляют одну федерацію, т .е. свободный союз равноправных организацій. Всѣ организации одинаково представлены в Федеративном Комитетѣ Коммуны, в котором послы отдѣльных ассоціацій, по порученію своих товарищей, составляют общія росписи необходимых продуктов, их количества, качества и пр. Отдѣльныя рабочія коммуны вступают в дальнѣйшіе союзы— напр., національныя и международныя федераціи. Каких широких грандіозных размѣров будут достигать и как разнообразны будут организации, немыслимо предвидѣть теперь, в эпоху всесторонняго рабства—экономическаго, политическаго и духовнаго. Одно ясно: общество распадается на безконечное количество свободных ассоціацій, об'единенных в болѣе или менѣе широкія федераціи. Каждая такая федерація и является собственницей ея земли, ея орудій, ея продуктов. С теченіем времени эта федерація станет всемірной тогда,--всѣ средства труда станут собственностью всего человѣчества. На первых порах союзы будут уже; по необходимости уже будет и фундамент собственности. Но во всяком случаѣ она общественная: орудія производства и обмѣна принадлежат самим рабочим обществам, а не какому-нибудь внѣшнему агенту—капиталисту или государству. Мы должны совершенно оставить в сторонѣ разсмотрѣніе подробностей: занятіе не только трудное, но и безполезное для политическаго дѣятеля. Но мы должны отвѣтить на нѣкоторыя из серьезных возраженій.

Не раз приходится слышать от соціалистов: безспорно коммунизм болѣе полно удовлетворяет потребности человѣка и больше совпадает с интересами работников, но возможна ли коммунистическая форма собственности? Хватит ли продуктов для всѣх? Можно ли организовать производство без всякаго принужденья? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы не станем тратить по пусту время и силы на вычисленія. Нам достаточно указать на несмѣтныя богатства, накопленныя в наших больших городах, на милліоны бездѣльников—королей, законодателей, чиновников, солдат, шпіонов, капиталистов, посредников и пр. и пр. Нам достаточно напомнить о том, какое широкое распространеніе дано будет электричеству. А затѣм пусть честный человѣк осмѣлит-

ся твердо и открыто заявить, что современныя производительныя силы не вполнѣ в состояніи накормить всѣх голодных, одѣть всѣх голых, пріютить всѣх бездомных. Пусть же попытаются доказать нам это! Но допустим на минуту, что производительныя силы еще не так развились, чтобы немедленно послѣ революціи стало возможным полное и всестороннее удовлетвореніе всѣх потребностей. Чѣм же лучше коллективизм? Или под бдительным оком соціалистической полиціи даже производительныя силы внезапно выростут? Далѣе. Пусть при коммунизмѣ мы не в силах будем доставить всѣм работникам такія удобства, которыми теперь наслаждается высшая буржуазія. Но несомнѣнно, однако, что положеніе трудящихся масс подымется очень значительно на счет привиллегій паразитов. Что же—пусть об этом пожалѣет буржуазія. Не даром во всем мірѣ преслѣдует она анархистов исключительными законами, лишеніем всѣх политических прав.

Но почему об этом так хлопочут «научные» соціалисты, эти (запомните!) «единственные» представители рабочаго класса, «единственные» защитники интересов труда? Мы можем построить только одну догадку: согласно Гегелю все развивается противорѣчіями и отрицаніями. Поэтому, чтобы лучше защитить интересы пролетаріата, нужно вступить в союз с буржуазіей; чтобы освободить личность, нужно укрѣпить государство; чтобы возвратить народу ограбленныя у него богатства, нужно передать их чиновникам под флагом коллективизма. И вся эта галиматья называется «наукой», вѣроятно, как «отрицаніе» всего научнаго...

Гораздо серьезнѣе другой вопрос: возможно ли гармоническое производство без принудительнаго органа? Мы отвѣчаем: да, возможно, и в свидѣтели зовем исторію и логику. Мы знаем цѣлый обширный період—так называемый первобытный, когда человѣчество вело самую суровую борьбу с природою, когда тѣм не менѣе мы не видим никаких слѣдов принудительной власти, организующей производство: единственными руководителями были обычай и общественное мнѣніе. Научные соціалисты, которые так любят возвращаться к первобытному обществу, когда ссорятся с либералами, удивительно забывают эту интересную эпоху, когда сражаются с нашим братом-анрхистом. Они охотно напоминают буржуазіи, что на зарѣ своей жизни человѣчество не знало частной собственности, но они всегда забывают сказать пролетаріату, что оно не знало также власти. Человѣчество начало общественную жизнь не с государственнаго соціа-

лизма, а с анархическаго коммунизма. Нам скажут, что первобытный період не чета современному, что в то время именно простота орудій диктовала сама солидарность работников, а бѣдность, слабая производительность труда создавала первобытный коммунизм.

Мы отвѣтим языком наших добрых товарищей марксистов, что человѣчество путем «отрицанія отрицанія» пришло к исходному пункту. Станет ли кто-нибудь увѣрять, что наши машины менѣе повелительно диктуют солидарность производителей, чѣм примитивныя орудія первобытнаго человѣка? Благодаря современной техникѣ все общество превращается в одну могучую фабрику, в которой ни одна часть не может дѣйствовать без других. А производительныя силы достигли такой высокой степени, что дѣлают коммунизм потребленія так же возможным, как на самой низкой ступени.

Но оставим в покоѣ коммунизм, первобытной эпохи и всмотримся в первыя столѣтія средних вѣков. Что представляют тогда города, как не добровольные союзы промышленных групп—цехов и гильдій? Именно та эпоха, когда доступ в цехи был свободен и когда совершенно отсутствовали принужденіе и монополія, была эпоха самаго блестящаго расцвѣта, а рост принудительной власти внутри и внѣ цехов привел к полному упадку. Но тогда, в средніе вѣка, городскія общества представляли союз мастеров и купцов, а будущая анархическая коммуна—союз рабочих ассоціацій. Но добровольный союз и тѣх, и других одинаково приспособлен к гармонизированію производства без присмотра попа, жандарма и парламента.

Ну, а современное общество? Какова экономическая роль государства? Нужно быть слѣпым, чтобы не видѣть ничтожества значенія его дѣятельности сравнительно с тѣм, что творится свободной иниціативой. Государство не только не руководит, но и часто мѣшает нормальному ходу экономической жизни. Его истинное назначеніе—быть сторожем эксплоатирующаго класса, а не экономическим фактором. Какая же эпоха, кромѣ Египта, Индіи и Китая дала научным соціалистам примѣры благодѣтельной экономической дѣятельности государства? Мы ждем отвѣта на этот вопрос. А пока мы смѣем утверждать, на основаніи всего историческаго опыта, что свободныя историческія организаціи смогут организовать производство без правительства не хуже первобытных общин, средневѣковых цехов и современных капиталистических трэстов.

Нам нужно сказать здѣсь хоть нѣсколько слов о так

называемой «анархіи в производствѣ». Соціал-демократы никогда не упускают случая пустить в ход это словечко. Они дѣлают вид, что эта «анархія в производствѣ» есть причина кризисов и всѣх бѣдствій. Удивительно умно! «Анархія» так рѣшительно дѣйствует на самих капиталистов, ставит в опасное положеніе всю буржуазію, а она и в ус себѣ не дует и нисколько не заботится об устраненіи этой чумы. Почему бы капиталистам не об'единится в один союз, в одно акціонерное общество и не регулировать сообща производство? В нѣкоторых крупных отраслях капиталисты это и дѣлают, образуя грандіозные трэсты.

Значит, даже на почвѣ капитализма возможно было бы устраненіе этой пресловутой «анархіи в производствѣ». Устраните частную собственность и гармоническое производство естественно выростет из желѣзной экономической солидарности, которая теперь связывает всѣ отрасли промышленности и всѣ передовыя страны. Лучшее средство создать дѣйствительно вѣчную, дѣйствительную «анархію» в экономической жизни—это передать распоряженіе таким сложным дѣлом, как современное производство, такому безтолковому хозяину, как бюрократія. Но к этой «анархіи» худшаго сорта стремятся не анархисты, а наши противники—коллективисты. Мы не хотим хаоса, мы не хуже других понимаем необходимость гармоніи между потребленіем и производством. Мы хотим только, чтобы эта гармонія основана была не на внѣшнем, механическом подавленіи работника, а вытекала из добровольных соглашеній рабочих ассоціацій. Мы хотим приспособить производство к потребленію, а не наоборот, и сдѣлать работника хозяином, а не рабом машины.

Пусть же сами работники заботятся о своих интересах и посредством взаимных договоров устраняют дисгармонію в производствѣ. Власть создает только внѣшній порядок, гармонія создается только свободой.

VII.

Преступленіе и наказаніе.

Мы бросили бѣглый взор на экономическія отношенія буржуазнаго строя жизни и старались показать возможность и необходимость передачи средств производства в руки не государства, а свободных рабочих ассоціацій. Возможно, что даже в лагерѣ наших противников найдутся люди, которые согласятся с нашей аргументаціей. Но зато они могут выдвинуть другой довод. Они могут сказать нам: «допустим, что вы правы в вопросѣ об организаціи производства, обмѣна и распредѣленія. Допустим, что в этой области государственная власть безполезна и потому вредна. Но как быть с преступниками? Как быть с регулированьем отношеній политических, нравственных? Неужели вы настолько наивны, что вѣрите во внезапное чудесное превращеніе современных грубых эгоистов в безгрѣшных ангелов?» Как ни тошно отвѣчать на эти вопросы в тысячу первый раз, мы для полноты изложенія должны коснуться и этой темы и разсмотрѣть подробнѣе политическую форму будущей организаціи. Я начну с откровеннаго заявленія: мы не вѣрим, что люди внезапно под наитіем анархизма превратятся в ангелов. Мы не только не вѣрим в такую чудесную метаморфозу, но и не хотим ея, потому, что порядком скучно должно быть человѣку жить в обществѣ ангелов. Анархическій коммунизм так же мало нуждается в ангельской добродѣтели, как и коллективизм. Мы отличаемся от наших буржуазных и многих соціал-демократических критиков только тѣм, что так же мало вѣрим в исключительно звѣрскую, животно-грубую натуру человѣка. Человѣк на всѣх ступенях культуры обнаруживал такія трогательныя, истинно человѣческія черты, что воспоминаніе о них волнует даже современнаго человѣка. С другой стороны на самой высокой ступени развитія, у самых лучших индивидов мы видим такія отвратительныя черты, что мы живо чувствуем, как человѣк

вѣчно далек будет от совершенства. Отчего зависит эта смѣсь высокаго и низменнаго в характерѣ человѣка? От двойственнаго характера наших общественных отношенiй чуть ли не с первых шагов человѣческой культуры. С одной стороны совмѣстная борьба и общность интересов развивали в людях благородные инстинкты общественной солидарности, дружбы и любви. С другой стороны, рознь интересов, групповая борьба внутри общества создавали и поддерживали злобу, недовѣрiе, грубость. Буржуазной культурѣ выпала на долю незавидная честь вызвать наружу все, что исторiя создала низменнаго и грязнаго, всѣ грубые инстинкты своекорыстiя, тщеславiя и подлости. Оттого таким гадким кажется современный человѣк. Но отвлекитесь от поверхности явленiй, всмотритесь глубже, глубже в душу человѣческую, и вы согласитесь, что человѣк добр и великодушен, что нѣт по природѣ абсолютно преступных людей, что в самой грубой, точнѣе огрубѣлой натурѣ есть что-то хорошее и трогательное. Кто жил в тюрьмѣ среди тѣх, кого буржуазiя толкнула на самые грубые акты, знает, как много отраднаго даже в темной безднѣ души профессiональнаго убiйцы, как внутри озвѣрѣлаго человѣка всегда живет и сiяет что-то истинно человѣческое. Мы и утверждаем, что для осуществленiя анархическаго коммунизма вовсе не нужно превращенiя современных людей в богов, нужно только нѣсколько развить, вызвать наружу тѣ благородные инстинкты, которые живут в трудящемся народѣ.

Но пойдем дальше. Допустим, что в будущем обществѣ будут «преступники», т. е. будут люди, жизнь которых будет приходить в столкновенiе с установившимся строем жизни. Нужно допустить, что анархическiй коммунизм, который может казаться идеалом нам—людям буржуазной эпохи—далеко не будет удовлетворять людей будущаго. Будут люди, стоящiе выше средняго уровня; будут люди, стоящiе ниже массы; и тѣ и другiе будут нарушать обычаи, привычки, которые будут казаться громадной массѣ средних людей священными,—стало быть, будут своего рода «преступники». Как же поступит с ними общество? В прежнее время отвѣт на подобный вопрос был ясен. Вѣрили, что мiром руководит единая божественная воля, что в каждом человѣкѣ частица этой воли—душа, которая толкает человѣка только к добру, т. е. к тому, что попы называют добром. Кто переступал границы дозволеннаго, был сознательный преступник против мiровой воли, против провидѣнiя; таким извергом, которому не могло быть мѣста среди живых. С этой

точки зрѣнія нам понятны отвратительныя жестокости древних наказаній. Нам понятен также отвѣт буржуа. Он исходит из того убѣжденія, что современный мір самый идеальный, самый лучшій из міров. Человѣк, нарушающій законы буржуазіи, есть сознательный враг всего хорошаго, всего человѣческаго, враг культуры. Наказаніе, по мнѣнію буржуа, должно сломить злую волю преступника, заставить его отказаться от желанія идти на перекор интересам общества. И темный поп, и просвѣщенный буржуа сходятся на том, что преступниками руководит сознательный расчет, сознательное желаніе нарушить зоповѣдь божества или государственный закон. Отсюда логичность наказаній. Наказаніе и страх должны убить преступную непокорность богу, или закону. Но как быть нам? Мы всѣ давно потеряли вѣру в божества, божественное провидѣніе, душу, добрые и злые духи и прочій поповскій вздор. Мы хорошо понимаем, что никто не правит міром, что никто не руководит нашими поступками. Всякое явленіе физическаго или психическаго міра нам кажется вызванным опредѣленными причинами, а не доброй или злой волей какого бы то ни было метафизическаго духа. Зачѣм же будем мы карать преступника? Первобытный дикарь неистово бьет вѣтку,ударившую его по лицу: он наивно вѣрит, что она это сдѣлала сознательно, и надѣется своими ударами проучить ее на будущее время. Столь же разумны наши наказанія за так называемыя преступныя дѣянія. Когда чувство голода достигло извѣстной интенсивности, никакія кары не удержат человѣка от присвоенія чужой пищи, если к этому есть малѣйшая физическая возможность. Так же обстоит со всѣми остальными нуждами и потребностями. Эта мысль так очевидна, что даже буржуазный суд должен был начать считаться с так называемыми аффектами. Мы утверждаем, что всѣ преступленія—результат болѣе или менѣе сильных аффектов. Если вы не хотите имѣть преступников, измѣните тѣ условія, которыя вызывают преступныя потребности, без которых не будет и преступленій. Не наказывать нужно, а улучшать соціальныя условія человѣка. Преступник не звѣрь, а больной или несчастный,—вот наш взгляд, который стал трюизмом со времени Роберта Овена. Анархическій коммунизм не будет, стало быть, имѣть ни преступленій, ни наказаній, ни карательных законов, ни судей, ни палачей.

VIII.

О самодержавін народа.

Самодержавіе народа несомнѣнно одно из наиболѣе распространенных и одновременно одно из наиболѣе неясных понятій. Что такое самодержавіе народа? Самым простым и ясным был бы отвѣт, что при народном самодержавіи сам народ держит в своих руках всю власть. Это значит, что само общество должно быть носителем всѣх политических функцій: само должно быть законодателем, судьей и исполнителем. Отнимите какую-нибудь функцію у народа, и вы уничтожили полноту власти, уничтожили самодержавіе народа, суверенитет его. Но может-ли сам и весь народ быть своим законодателем, судьей и исполнителем? Есть только одна эпоха, которая дает нам нѣкоторое представленіе о таком самодержавіи: это эпоха первобытнаго коммунизма. Никакая видимая воля не навязывала народу ни законов, ни судебных, приговоров, никаких рѣшеній. Никто внѣ народа не обладал даже частицей власти. Но был ли поэтому народ самодержавным в настоящем смыслѣ слова? Никто не навязывал народу законов—это правда, но это потому, что тогда не было законов вообще. Не было независимых от народа ни судей, ни чиновников вообще. Первобытная община была не демократіей, а анархіей*). Первобытная эпоха—единственное время, когда от имени народа выступал сам·народ, а не какая-нибудь частица

---

*) Эта мысль нуждается в маленькой оговоркѣ. Если, на мой взгляд политическая организація первобытно-родовой общины была близка к анархической, то это не значит, что личная свобода была тогда дѣйствительно— так велика, как это предпологает такая политическая форма. В тогдашнюю эпоху политическій строй не был источником угнетенія. Но его с лихвой замѣняла природа, которая дѣлала первобытнаго человѣка почти абсолютным рабом окружающих природных условій.

его—бюрократія, духовенство, дворянство, какой-нибудь класс или даже народное большинство. Но народ сам не является личностью, а есть союз личностей. Стало быть, если народ абсолютно свободен, это значит, что абсолютно свободна человѣческая личность. Если народ дѣйствительно, а не на словах самодержавен, то самодержавна человѣческая личность. Поэтому послѣдовательная, нелицемѣрная демократія (по смыслу, а не по этимологіи) есть анархія... Вот источник того страннаго недоразумѣнія, что многіе крайніе противники современной демократіи называли себя демократами, республиканцами. Всѣ они понимали демократію, как политическій строй, при котором народ абсолютно свободен и самодержавен и при котором, стало быть, абсолютно свободна и самодержавна человѣческая личность. Для них демократія, республика сливались с анархіей *). Понятно, что ни один демократ, даже самый послѣдовательный, именно соціал-демократ, не примет такого опредѣленія самодержавія народа и демократіи.

Он скажет, что демократія есть господство не всѣх, а большинства. Он прибавит, что иное толкованіе даже невозможно: большинство—естественный представитель всего цѣлаго. Нужно отдать ему справедливость: новѣйшія теоріи демократіи всегда стояли на этой точкѣ зрѣнія. Но тут нам хочется поставить соціал-демократу серьезный вопрос: почему теорія господства большинства получила такое широкое распространеніе в новое время, а не в средніе вѣка? Почему тогда, если я не ошибаюсь, не было и разговоров о естественном господствѣ большинства? Напримѣр, польскій сейм принимал рѣшенія не иначе, как единогласно, генеральные штаты голосовали по сословіям. Общим явленіем был принцип, что каждый должен повиноваться лишь тѣм мѣрам (как плата налогов), в выработкѣ которых он сам участвовал. В политической жизни господствовал несомнѣнно принцип федераціи: личности, цехи, гильдіи, города—все об'единилось снизу вверх на основѣ свободнаго договора. Почему же современная демократія считает естественным такое безсмысленное, ничѣм не оправдываемое подчиненіе меньшинства? Почему меньшинство должно жертвовать своими интересами для большинства? Вѣдь подчиненіе тому, с чѣм мы не согласны есть именно жертва, а развѣ жертва может быть когда-либо обязательной? Если жертва обязательна для спасенія общества, то по-

*) Так, между прочим, понимают многіе максималисты свою «трудовую республику».

чему же именно меньшинство своими жертвами почему-то спасает общество? Развѣ с таким же правом нельзя этого любезно предложить большинству? На эти вопросы никакой демократ (даже «соціальный») не может дать никакого удовлетворительнаго отвѣта. Единственная теорія, которая берется об'яснить и оправдать новую демократію, развита и прекрасно изложена Ж. Ж. Руссо в его «Общественном договорѣ». Он исходит из фантастическаго предположенія, что общество произошло из договора между людьми, которые рѣшили положить конец царящим междоусобіям. Но когда он доходит до теоріи большинства, он попадает в крайне затруднительное положеніе. Оказывается, что даже нелѣпый вымысел о каком-то доисторическом договорѣ не дает никакого ключа к вопросу о большинствѣ и меньшинствѣ. В самом дѣлѣ, общество создано для «всеобщаго благополучія», и потому все должно рѣшаться «всеобщей волей» («la volonté générale»). Как же подчинить меньшинство большинству? Ж. Ж. Руссо идет на хитрость. Он утверждает, что во всяком политическом вопросѣ в демократіи каждый человѣк не подает своего мнѣнія по данному дѣлу, а утверждает только, каково в данном случаѣ мнѣніе народа, какова всеобщая воля. Когда, например, разсматривается вопрос о введеніи налога и гражданин отвергает его или принимает, то он высказывает не свое личное отношеніе к нему, а предполагаемое им отношеніе всеобщей воли. Если в результатѣ голосованій оказалось, что большинство за, а меньшинство против, то, по мнѣнію Русса, это не значит, что меньшинство против самого проэкта. Нѣт! это якобы только показывает, что меньшинство разошлось с большинством в опредѣленіи всеобщей воли. Естественно предположить, что большинство ближе к знанію того, что хочет всеобщая воля.

Понятно, что в наше время, когда демократія из области фантазій перешла в область реальной жизни, ни один здравомыслящій человѣк не станет поддерживать этой дѣтской нелѣпости. Мы знаем, что и рѣчи нѣт никогда ни о какой миѳологической всеобщей волѣ. Но если даже допустить, что таков философскій характер голосованій независимо от сознанія голосующих, даже это метафизическое предположеніе не избавляет Руссо из неловкаго положенія. Мы спрашиваем, почему большинство может скорѣе знать эту таинственную «всеобщую волю»? Развѣ не ясно, что каждый будет считать всеобщей волей именно свою личную волю? Тогда мы возвращаемся к нашему старому вопросу ни с чѣм.

На этот вопрос есть однакож очень простой отвѣт.

Современная демократія не основана на той или иной теоріи, а наоборот, всѣ старыя и новыя толкованія народовластія созданы для об'ясненія и оправданія ея. Демократія возникла в виду исторической необходимости, а не для осуществленія фантазій Руссо. В этом ключ рѣшенія загадки.

Демократическія теоріи выросли на почвѣ критики феодальнаго абсолютизма. При крѣпостнически-абсолютистском режимѣ общество видимо распадается на два лагеря: С одной стороны громадное большинство населенія работающих, торгующих, занимающихся науками и искусствами и политически безправных; с другой—жалкая кучка изжившихся паразитов, распоряжающихся политической властью. Эта нелѣпость бросалась в глаза и давала себя прекрасно чувствовать на горбах непривиллегированных членов большинства. Какой вывод должны были дѣлать они? Их было два. Угнетенные могли поставить себѣ цѣлью совершенное устраненіе привиллегированнаго меньшинства—дворянства и духовенства—и самим об'единится в свободный союз на подобіе средних вѣков, включив на этот раз не только города, но и деревни. Это означало тогда упраздненіе государства, уничтоженіе всякой власти. Эта цѣль была тогда недостижима, потому что она была выгодна только сравнительно небольшой группѣ городских пролетаріев. Вся остальная масса «третьяго сословія» состояла из крупной, средней и мелкой буржуазіи. Как ни сталкивались эти слои, всѣ они сходились в одном—на необходимости сохраненія частной собственности. Вожди третьяго сословія, самые радикальные вожди,—представители крестьянства и городского мѣщанства назначили смертную казнь за пропаганду даже не уничтоженія, а опредѣленнаго ограниченія частной собственности*). А для охраны частной собственности так же необходима государственная власть, как и для феодальной. Народ эпохи Французской Революціи стоял поэтому не за упраздненіе, а за преобразованіе государства. Вопрос состоял только в том, кому предоставить право назначать государственную власть. Из этой потребности и вытекает вся новѣйшая демократія.

Дворянство и духовенство могли командовать самолично. Они составляли небольшую кучку богатых, которые легко могли столковываться и так или иначе проявлять свое вліяніе на верховную власть. Многочисленное

*) «Аграрный закон» имѣл цѣлью опредѣлить высшій размѣр земельной собственности для отдѣльнаго гражданина.

третье сословіе могло использовать свое верховенство только косвенно—называя своих уполномоченных. Отсюда представительная система. Далѣе. Так как среднее сословіе составляло подавляющее большинство, то для оправданія его претензій всего проще было бы выставить требованіе назначенія представителей большинством. Этим привиллегированное меньшинство сводилось к нулю. Сводились к нулю и требованія тогдашняго революціоннаго меньшинства городских рабочих, сельских пролетаріев. Современная демократія выросла как оплот против феодальной реакціи и против рабочей революціи. Этот мелко-буржуазный характер современной демократіи в настоящее время должен быть ясен даже слѣпому. Самый бѣглый взгляд на демократію должен убѣдить нас в этом. Демократія держится только там, гдѣ сильна мелкая буржуазія. Демократія невозможна, гдѣ преобладающее вліяніе принадлежит крупному и среднему землевладѣнію. Демократія изуродована, вырождается или существует только на бумагѣ там, гдѣ преобладаніе получает крупный капитал, организованный в трэсты. К первому разряду принадлежат обѣ европейскія демократическія республики—Швейцарія и Франція. Это единственныя государства, гдѣ еще господствуют радикалы; онѣ же страны с самым многолюдным мелкобуржуазным населеніем в городах и селах В обѣих же странах крупная буржуазія явно враждебна демократіи и ждет не дождется возможности низвергнуть демократическій режим. В таких странах, как Германія и Австрія, истинная демократія даже не имѣла еще своего крещенія: реакціонная сила прошлаго—юнкера об'единились с новѣйшими реакціонерами—крупными капиталистами, чтобы закрыть доступ истинной демократіи. Этим, между прочим, об'ясняются успѣхи соціал-демократіи в самых реакціонных странах. В странах с болѣе либеральным строем жизни безсиліе демократіи в разрѣшеніи соціальнаго вопроса становится так ясно, что трудно увлечь народ демократическими приманками. Во всяком случаѣ дѣйствительность скоро разрушает эти политическія иллюзіи. Иное дѣло в таких полуконституціонных странах, как Германія, Австрія, и в такой совершенно лишенной конституціи странѣ как Россія. Здѣсь рабочій класс еще долго может тѣшить себя самыми дѣтскими мечтами о благодѣтельной власти и народных конституціях. Вот почему самыя отсталыя в политическом отношеніи страны имѣют самыя сильныя соціль-демократическія партіи. Великая заатлантическая республика--Соединенные Штаты Америки--является лучшим образцом того, чѣм явля-

ется народное самодержавіе при господствѣ крупнаго капитала. Русскіе рабочіе потеряли бы весь свой демократическій пыл, еслибы получили хоть малѣйшее представленіе о политических отношеніях в этой странѣ. Парламент, суд, пресса, университет, даже главари рабочих —на службѣ у крупнаго капитала. При каждом удобном случаѣ буржуазія об'являет военное положеніе и совершенно отмѣняет конституцію. Революціонеры годами содержатся в тюрьмах за пропаганду революціонных идей. Подкупленные провокаторы устраивают фиктивныя покушенія, чтобы дать правительству предлог к настоящему террору. Крупные капиталисты имѣют свои вооруженныя дружины, которыя попросту избивают, грабят и разоряют стачечников... И все это несмотря на то, что форма правленія республиканская, что существует всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе, что всѣ должности избираемы; что существует самое широкое самоуправленіе, признаны законом всѣ свободы. Гдѣ же причина этого вопіющаго факта? Причина только одна: кто владѣет экономической силой, непремѣнно будет командовать политически! Если этому господству мѣшают оффиціальные законы, они превратятся в пустую фикцію, рядом с ними создастся не писанный, тайный, но реальный закон. Поэтому демократія держится там, гдѣ широкія массы народа не подпали еще экономической тираніи крупнаго капитала.

Поэтому же демократія была одним только опредѣленным этапом в развитіи политической жизни человѣчества. Она явилась орудіем в борьбѣ мелкой буржуазіи против феодализма. Ея торжество было неизбѣжно, гдѣ строптивость феодалов исключала возможность компромиссов. Но разложеніе мелкой буржуазіи копает могилу демократіи. Кто зовет рабочих к завоеванію демократической республики, превращает, пролетаріат в пушечное мясо для борьбы за интересы мелкой буржуазіи.

Но тут нас ожидает серьезное возраженіе. Нам скажут, что каково бы ни было происхожденіе и предназначеніе современной демократіи, ничто не исключает возможности настоящей народной республики в будущем, гдѣ не будет классовой розни и классовой борьбы. Мнѣ напомнят, что соціаль-демократическіе теоретики не раз указывали на крупныя отличія будущей соціальной демократіи от ея буржуазной тезки. Должен признать, что кое-гдѣ у соціаль-демократов видим дѣйствительно попытки, вызванныя анархической критикой, дать нѣсколько болѣе точное представленіе о будущей демократіи.

Рабочая демократія отличается от буржуазной уже самой сущностью своей: послѣдняя есть политическая организація, цѣль которой поддерживать незыблемыя основы собственности и порядка, т .е. иначе говоря, поддерживать господство буржуазіи, а первая есть экономическая организація для регулированья производства и обмѣна. Это отличіе всегда выставлялось теоретиками социаль-демократіи. Маркс и Энгельс называли современное государство—комитетом для завѣдыванія дѣлами буржуазіи. Бебель в своем сочиненіи «Женщина и соціализм» повторяет и распространяет выраженіе Энгельса, что на другой день послѣ соціальной революціи «государство упраздняется». Кауцкій в своих сочиненіях (напримѣр «Республика и с-д-і-я во Франціи») нисколько не щадит буржуазной республики. Еще яснѣе эта мысль нашла себѣ выраженіе в брошюрѣ Эмиля Вандервельда («Коллективизм»). В этой брошюрѣ он показывает, что уже в современном государствѣ оказалось необходимым отдѣлить полицейскія функціи от его немногих экономических. Так, для завѣдыванія желѣзными дорогами и другими государственными промышленными предпріятіями создаются автономные комитеты спеціалистов этих областей. Будущее государство, по его мнѣнію, будет совершенно лишено перваго разряда функцій, т. е. полицейско-принудительных. Оно будет исключительно большой «кооперацией».

Но это крупное отличіе не единственное. Чисто экономическій характер будущаго государства исключает необходимость принудительнаго его характера. Современная полиція и армія нужны не для правильности экономической жизни общества, а для охраненія интересов буржуазіи. В соціалистическом государствѣ, гдѣ нѣт мѣста классовой розни, нѣт больше мѣста и орудіям классового господства, нѣт больше современнаго полицейскаго государства. Поэтому соціаль-демократы нерѣдко утверждают, что вся наша анархическая критика есть только просто недоразумѣніе: мы критикуем современное буржуазное государство и полагаем, что критикуем будущее соціалистическое государство, которое с ним ничего общаго не имѣет. «Послѣ того, говорит Поль Луи как современное государство с его средствами притѣсненія, с его полицейскими методами, его пріемами захвата, его системой приказов и запрещеній разрушится одновременно с правом частной собственности и послѣ того как правительство отдѣльных личностей в полном смыслѣ этого слова исчезнет в развалинах всего существующаго,—общество должно будет заботиться только о

чисто экономических интересах государства»*). Эти поправки мы охотно принимаем, но позволяем себѣ сдѣлать нашим противникам нѣсколько серьезных замѣчаній.

Вы увѣряете, что ваше государство промышленная, а не политическая организація. Вы должны сдѣлать неизбѣжный вывод об уничтоженіи всѣх органов полицейскаго принужденія, об уничтоженіи всѣх форм полиціи, арміи, суда, об уничтоженіи всего того аппарата, который вырос исключительно для защиты классовых привиллегій и который называется Государством. Вы увѣряете, что ваше государство экономическая организація производства и обмѣна, кооперація. Вы обязаны принять и наш вывод, что организація производства в обществѣ без классов есть собственно организація производителей. т. е. организація работников. Вы должны согласиться также с нами, что единственная цѣлесообразная форма организаціи производителей—работников, при современной техникѣ, есть организація по профессіям, т. е. профессіональные союзы, об'единенные между собою. Иначе говоря, ваше «государство» превращается в профессіональный союз работников, владѣющій средствами труда, организующій работу и обмѣн. Спор у нас еще может возникнуть относительно одного важнаго пункта. Вы всякій союз представляете себѣ не иначе, как в видѣ безгласной и безпомощной массы, увѣнчанной бюрократическим центральным органом, всевѣдущим и всемогущим. Мы стоим за свободное об'единеніе равных людей в союзы и сліяніе всѣх союзов в одну федерацію. Словом, вы стоите за принудительное механическое об'единеніе сверху вниз, мы боремся за свободное и естественное об'единеніе снизу вверх. Вы вѣрите в спасительность начальства, декретов, уставов, циркуляров,—мы строим всѣ свои надежды на солидарности интересов и глубоких соціальных инстинктах человѣка. Пока рѣчь идет о современном обществѣ, вы еще кое как защищаете свой бюрократическій централизм ссылкой на исключительность современных условій. Вы увѣряете нас, что современныя профессіональныя организаціи, как военныя организаціи, должны быть организованы по военному: с дисциплиной, генеральным штабом, исключеніями, штрафами и прочими прелестями из военнаго кодекса. Мы отвѣчаем вам, что ваши сердечныя симпатіи к централизму отчасти глубоко внѣдрены в ваши души казарменным воспитаніем, отчасти имѣют цѣлью дать возможность

*) «Соціализм в современном государствѣ».

господства ничтожной кучкѣ «вождей» над одураченной «толпой» наивных и довѣрчивых рабочих.

Но оставим на время наш спор о типѣ современных рабочих организацій. Какова должна быть форма организаціи будущаго великаго союза работников? Вспомните великій Интернаціонал Маркса и Энгельса и скажите: неужели вы считаете возможным и полезным, чтобы какой-то центр из Петербурга указывал рабочим Самарканда, Томска, Батума, Одессы, как и когда производить им необходимые продукты? Неужели вы не видите, что 9/10 продуктов каждая маленькая область может производить сама и потому совершенно не нуждается ни в каком опекающем начальствѣ? Что касается обмѣна тѣх продуктов, которых областныя автономныя федераціи не могут производить сами, кто мѣшает им регулировать свой обмѣн на основаніи договоров на періодических с'ѣздах делегатов? Извращенным прототипом этих с'ѣздов могут служить теперешніе конгрессы капиталистов. Эти конгрессы не могут имѣть должнаго благодѣтельнаго вліянія на общество, потому что оно раскалывается на враждующіе классы. Но в грядущем мірѣ, когда работники будут сами организаторами своего труда, такіе с'ѣзды стали бы по необходимости прекрасным органом для устраненія хаоса в производствѣ и для регулированія обмѣна.

Выходит, стало быть, что так называемое «соціалистическое государство» во-первых, лишено полицейских принудительных функцій; во-вторых, представляет не что иное, как Рабочую Ассоціацію; в третьих, оно организовано снизу вверх, как свободная федерація. Проще говоря, оно не имѣет ни одного из признаков государства и является только свободной федераціей Рабочих Ассоціацій.

Какой странный вывод! Не правда ли? Нѣт-ли тут какого-нибудь недоразумѣнія в наших разсужденіях? Да, к сожалѣнію, таковое имѣется: мы приняли на вѣру тѣ фразы, которыми дипломат соціаль-демократ желает успокоить свободолюбиваго и пытливаго пролетарія, разбуженнаго страстной критикой анархистов. А эти фразы не глубокое убѣжденіе «научных» соціалистов, а пустая и жалкая демагогія. Этими дряненькими и жиденькими фразами о «самоупраздненіи государства», о «завѣдываніи вещами», а не людьми, хотят удержать пролетаріев от полнаго уничтоженія того вампира, который именуется Государством и существованіе котораго увѣковѣчивает рабство труда.

IX.

Государство и собственность.

Нам часто приходится слышать: «Зачѣм вы так рѣзко выступаете против государства? Зачѣм вы из борьбы против государства дѣлаете какой-то особый догмат? Развѣ вы не допускаете, что политическая форма общества опредѣляется его экономической организацiей? Если нѣт, то вы вступаете в противорѣчiе со взглядом, который в настоящее время получил силу аксiомы. Если же да, то почему вы не допускаете, что уничтоженiе современнаго экономическаго строя есть в то же время и уничтоженiе политическаго рабства рабочих? Будем же бороться за уничтоженiе частной собственности и не будем спорить из-за догадок, какова политическая надстройка в будущем. Так и поступает (якобы) соцiаль-демократизм.

Это мнѣнiе имѣет большую выгоду: оно дает возможность примиренiя крайних элементов соцiалистической партiи с умѣренным крылом анархизма. Слабые умы охотно прибѣгают к механическому соединенiю противоположностей там, гдѣ они не в силах примкнуть к одной из них. Вмѣсто, того, чтобы разрѣшать крайности, они стараются примирить их. Сидя между двумя стульями, они не только не понимают всей комичности и неприличности их положенiя, но покровительственно улыбаются то направо, то налѣво и считают себя выразителями самой науки. Такiе люди из соцiаль-демократов охотно заявляют нам, что по идеалу они—анархисты, но по тактикѣ они—соцiал-демократы; в будущем—они анархисты, но в настоящем—соцiаль-демократы. Есть и среди анархистов люди, и даже очень видные теоретики, которые на словах непримиримые враги государства, а на дѣлѣ преклоняются перед буржуазной революцiей и отличаются от соцiаль-демократов только отсутствiем

откровенности и пустыми революціонными фразами. Такіе недоношенные и непослѣдовательные анархисты или не могут понять или не могут проводить в жизнь наше принципіальное отрицаніе государства. Дайте же присмотрѣться к вопросу.

Мы, дѣйствително признаем, что политическій строй опредѣляется экономическими отношеніями. Это признает даже т. Кропоткин—страстный противник матеріалистическаго пониманія исторіи. «Затѣм, говорит он, мы утверждаем и стараемся доказать, что всякой новой экономической формѣ общежитія надлежит выработать свою новую форму политических отношеній. Так было в исторіи и так будет несомнѣнно в будущем: новыя формы еще намѣчаются».

В чем же наше разногласіе с марксистами? Они видят в политическом строѣ простое отраженіе экономических отношеній, а всякое отраженіе немедленно исчезает вмѣстѣ с отражаемым предмѣтом. Они могут поэтому говорить о механическом самоупраздненіи государства, как отраженіи экономики. Мы утверждаем, что государство есть орган, вырастающій из потребностей господствующей группы- которая сознательно придает ему ту или иную форму, в зависимости от ея экономическаго положенія, от ея экономических отношеній к другим группам. Как и всякій орган, государство поэтому с теченіем времени пріобрѣтает самостоятельное значеніе. Дѣло доходит иногда до того, что сама буржуазія не в силах справиться со своим собственным орудіем и должна терпѣть пинки от своих собственных лакеев. Ничего нѣт невозможнаго в том, что политическій строй переживает на цѣлые вѣка экономическій строй, вызвавшій его к жизни. «Общество, говорит Кауцкій, является гибким, легко приспособляющимся организмом, развитіе котораго совершается медленно по законам, которые можно познать заранѣе, государство же болѣе неподвижно; его формы, правда, обусловлены общественным развитіем, но зачастую онѣ лишь с большим трудом и послѣ упорнаго сопротивленія приспособляются к нему; эта неподвижность в общем тѣм больше, чѣм централизованѣе государственная власть*)». Так, в Англіи абсолютизм сошел со сцены почти своевременно, а в Франціи, Германіи, особенно же в Россіи он пережил самого себя на цѣлые вѣка. Нѣт ничего невѣроятнаго в том, что буржуазный политическій строй может на цѣлые вѣка пережить

*) К. Кауцкій «Республика и соціаль-демократія во Франціи». стр. IV (Предисловіе).

буржуазную частную собственность и изуродовать всю жизнь будущаго общества Это особенно вѣроятно в виду того, что господствующее теперь теченіе в рабочем классѣ открыто выступает под знаменем государственности и вступают в безпрерывныя сдѣлки даже с современным государством. Не нужно закрывать глаза, что во главѣ соціаль-демократіи стоят почти исключительно адвокаты, профессора, инженеры, журналисты, служащіе, словом, та общественная группа, которую даже К. Кауцкій называет «новым средним сословіем». Однако, говорит он*), нельзя смѣшивать новое среднее сословіе со старым. Это новое сословіе покоится на совершенно иных основаніях, имѣет совершенно иные интересы. Прежде всего, оно вовсе не заинтересовано в сохраненіи частной собственности на средства производства, которых оно так или иначе лишено. Желѣзныя дороги, напр., могуче способствовали образованію новаго средняго сословія, создав многочисленный штат желѣзнодорожных служащих. Но развѣ послѣдніе заинтересованы хоть сколько-нибудь в том, чтобы противиться переходу желѣзных дорог в собственность государства, предпочитая такое положеніе, когда онѣ составляют частную собственность»? К. Кауцкій совершенно прав: это новое среднее сословіе никоим образом не против передачи средств производства в руки государства. Их громадный наплыв в соціаль-демократію и мода на соціалистическія клички в средѣ прежних радикалов доказывают это неопровержимо. Кауцкій прав также в том, что ухудшеніе матеріальнаго положенія этой группы еще быстрѣе толкает ее в ряды соціаль-демократіи. Эта группа начинает понимать, что хозяйничаніе капиталистов не может доставить ей обезпеченнаго, устойчиваго матеріальнаго положенія, какое может дать ей соціаль-демократическое государство, т. е. такое государство, которое владѣет всѣми средствами производства и во главѣ котораго будут стоять ея же члены-техники, инженеры, управляющіе и т. д. Что удивительнаго в том, что это новое среднее сословіе все больше стоит за уничтоженіе частной собственности и радует Кауцкаго своим радикализмом? Но мы позволяем себѣ теперь поставить вопрос: как относится эта могущественная, вліятельная группа к государству? Выгодно ли ей даже упраздненіе государства, выражаясь мягким языком Энгельса и Бебеля? Страдает ли она, подобно пролетаріату, от государства столько же сколько от частной собственности? Может ли честный

*) «Нѣт больше соціаль-демократіи».

человѣк отрицать, что эта группа не только не будет страдать от сохраненія государства в будущем обществѣ, но даже выиграет в своем вліяніи, ибо станет госпожею положенія? Как же нам вѣрить в соціаль-демократическія фразы об упраздненіи государства, когда во главѣ соціаль-демократіи стоит и направляет движеніе группа которая не только всѣм складом своего ума, но и матеріально крѣпко связана с существованіем бюрократическаго централизованнаго государства? Да, мы имѣем всѣ основанія бить тревогу: Рабочіе- Свобода в опасности! Рабочіе! Не вѣрьте шарлатанам и разрушьте государство!

Наш метод критики государства не сочинен нами Мы только послѣдовательно примѣняем прекрасное орудіе, оточенное соціал-демократіей в борьбѣ с крупной буржуазіей. Вспомним, что говорит соціаль-демократія либерализму! Послушайте просвѣщеннаго умнаго либерала, такого, как Спенсер, Молинари, Мэкэй. Думаете ли вы, что они так таки защищают современный порядок? Нѣт! Они частенько не жалѣют для него очень крѣпких слов. Они только не видят никакой надобности в устраненіи частной собственности. Они мечтают о том, чтобы устранить невыгоды капитализма без соціальн. революціи. По их мнѣнію, прибыль может настолько пасть, чтобы превратиться в «справедливое» вознагражденіе капиталиста за трудности веденія промышленнаго предпріятія. С другой стороны, рабочая плата возвысится настолько, что едва ли будет отставать от прибыли. Кризисы, безработицу, голод, войну либерал обѣщает устранить цѣлым рядом серьезных реформ*). И все это без пролитія единой капли крови... Не соблазнительно ли?

Что отвѣчает ему соціаль-демократ? Он говорит ему просто и ясно: «Допустим даже, что твоя либеральная мечта не утопія, я и теперь недоволен твоей идилліей. Ты сократишь прибыль и повысишь плату. Но что из этого? Власть капиталиста сохранена, классы по прежнему существуют, экономическое иго не только не облегчится, но, может быть, еще возрастет. Развѣ в развитых капиталистических странах, гдѣ прибыль на капитал ниже, а плата выше (Америка, Англія) рабочій не угнетен экономически больше, чѣм в отсталых экономических странах? Есть-ли что-нибудь равное ужасам американской капиталистической эксплуатаціи? Нѣт, господин либерал, палліативы не могут помочь горю: частная собственность есть опредѣленное общественное отноше-

*) De Molimari' "La societe future".

ніе. Кто хочет устранить бѣдствія этого института, должен устранить самый институт, их неизбѣжно порождающій». Так возражает или должен возразить соціаль-демократ. Также возражаем мы соціаль-демократу по вопросу о государствѣ.

Соціаль-демократ обѣщает нам в будущем государствѣ всѣ самоновѣйшія прелести демократіи: референдум, иниціативу, пропорціональное представительство, ежегодный парламент. и пр. и пр. Допустим, что всѣ эти реформы дѣйствительно будут проведены в жизнь. Допустим, что они не будут так извращены, как многіе демократическія институты в современном буржуазном мірѣ. Что дают всѣ эти реформы? Только одно: онѣ увѣличивают зависимость законодателей от народа, смягчают безстыдство и безграничный произвол власти. Но развѣ в этом причина политическаго рабства рабочих? Нѣт, друзья! Государство есть такое же общественное отношеніе, как и частная собственность. Палліативы в области политики так же безсильны, как и в области экономики. Вы можете хищнику нѣсколько обрѣзать когти, но обрѣзанные когти отрастут. Вы не спасены, пока не убьете самого хищника. Всегда орган, владѣющій властью, найдет возможность обойти оффиціальныя преграды. Особенно не трудно это будет такому сильному правительству, как соціаль-демократическое, которое будет владѣть всѣми производительными силами народа. Вспомнитѣ, что говорит Кауцкій «...владѣльцы средств производства властвуют над производством, и, слѣдовательно над обществом»*). Вы хотите устранить бѣдствія политическаго рабства, смягчая его результаты, вы не уничтожаете принципа, не устраняете общественнаго отношенія. Мы же открыто выставляем новый принцип в политической области—свободу. От того мы никогда не устанем взывать: Разрушьте Государство! Убейте хищника! Убейте его!

---

*) К. Кауцкій «Классовые интересы».

X.

Чѣм они хотят казаться и что оии на дѣлѣ.

Соціаль-демократы не любят останавливаться на описаніях будущаго общества. Такое занятіе «научные» соціалисты считают праздным дѣлом. Однако, критика анархистов заставляла и их изрѣдка выступать хоть с блѣдными скупыми очерками того строя жизни, который они хотѣли бы воздвигнуть на мѣстѣ капитализма. Тут обнаруживается вполнѣ понятное явленіе: такая обширная партія, как соціаль-демократія, вмѣщающая самые разношерстные элементы, не может имѣть одинаковаго представленія о будущем строѣ жизни. Однако, как ни значительны колебанія между противоположными полюсами соціаль-демократической партіи, в основных чертах, несомнѣнно, замѣчается большое сходство. Всѣ теоретики коллективизма рисуют себѣ будущее общество в видѣ демократическаго государства на почвѣ государственной собственности.

Кто хочет получить мало-мальски ясное представленіе о будущих общественных отношеніях, должен раньше всего отвѣтить себѣ на основной вопрос: какова будет самая сущность этих отношеній? Иными словами, что будет лежать в основѣ этих отношеній: свобода или власть? Будет ли будущій строй жизни свободной ассоціаціей работников, или новою формою государства, рабочей демократіей?

Этим вопросом особенно много занимается один из лучших и наиболѣе радикальных коллективистов—Пап, который посвятил этому вопросу спеціальную работу под заглавіем: «Организація общественных учрежденій в будущем обществѣ». Эта-то работа одного из лучших теоретиков коллективизма доказывает всю спутанность и сбивчивость понятій у радикальнаго крыла международной соціаль-демократіи. Пап безпрерывно противорѣчит себѣ на каждом шагу. Послушаем его самого.

В одном мѣстѣ он говорит: «мы должны были упомянуть о судѣ*) и вообще о судопроизводствѣ, но не сдѣлали этого, потому что стоим за суд присяжных и хотим подчинить ему всѣ судебныя дѣла»**). Ясно, что в будущем обществѣ Пап оставляет по меньшей мѣрѣ одну из самых главных форм власти—власть судебную.

В другом мѣстѣ он прибавляет: «государство завѣдует также исправительными колоніями и психіатрическими лечебницами и вообще всѣми дѣлами касающимися благотворительности и богадѣлен, суда и уголовных наказаній. Конечно, эти учрежденія должны быть реорганизованы на основаніи новых юридических и антропологических данных»***). Очевидно, что, суд не единственный авторитет, необходимость котораго предвидит коллективизм. Как и слѣдовало ожидать, за судом идет родная сестра его—тюрьма, которую Пап стыдливо прикрывает фиговым листком «исправительной колоніи». Стыдливость—черта, которая очень нравится буржуазным романтикам, но в оообщественных науках она просто-на-просто титулуется «лицемѣріем». Что «исправительная колонія» Папа есть не что иное как реформированная буржуазная тюрьма, выдает нам сам автор упоминаніем об «уголовных наказаніях» и «новых юридических началах». Наконец, мы узнаем, что коллективисты мечтают об общинѣ, «самостоятельно избирающей свою администрацію, созидающей свои законы и свою полицію». Оказывается, что в будущем обществѣ пролетаріат будет имѣть удовольствіе встрѣчаться со всѣми своими добрыми старыми знакомыми: Законом, Судом, Полиціей, Исправительной колоніей, Уголовным наказаніем и всѣми другими прелестями современной государственной власти. Пусть г. Пап не утѣшает нас тѣм, что всѣ эти учрежденія будут «реорганизованы на новых началах»—сущность их остается той же,—над рабочим обществом создается спеціальный орган, издающій обязательныя для всѣх постановленія, карающій их нарушеніе, словом обладающій правом «предупрежденія», «пресѣченія» и наказанія. Однако, Пап впадает в полное противорѣчіе с самим собою, когда приступает к болѣе подробной характеристикѣ функцій будущаго государства. Он заявляет, что будущее государство будет основано «на добровольной группировкѣ рабочих», что мѣстная администрація не будет имѣть ни законодательной, ни

*) Стр. 24.

**) Стр. 36.

судебной власти»*). Он пытается даже нарисовать картину постепеннаго распаденія современнаго авторитарнаго строя и замѣны его свободным обществом.

«Исходя из того положенія о государствѣ (говорит Пап) которое нам дала исторія всѣх стран, т. е. о государствѣ деспотическом, представлявшем до настоящаго времени организацію господства семьи, касты или класса над экономически и юридически безправной массой, большинство соціалистов заявляет: долой государство! Они не хотят слышать о государствѣ, какую бы форму оно ни принимало. Они вполнѣ опредѣленно настаивают на окончательном уничтоженіи всякаго государства, а наиболѣе послѣдовательные из них, замѣтив, что коммуна представляет лишь маленькое государство с меньшей територіей, котораго функціи не так обширны, как функціи обыкновеннаго государства, заявляют, что от нея нечего ждать большаго, чѣм от государства в собственном смыслѣ слова. Они выставили на своем знамени: анархія. Анархія не в смыслѣ безпорядка, потому что они надѣются водворить истинный порядок посредством добровольной организаціи экономических сил, но «анархія», соотвѣтствующая опредѣленію Прудона и представляющая отсутствіе власти, начальства, т. е. по их мнѣнію,—полное уничтоженіе государства, так как в их глазах «власть», «начальство являются синонимами государства». Из этих слов Папа видно, что он прекрасно понимает, что анархизм стремится не к безпорядку, не к хаосу, как об этом услужливо кричит хулиганская пресса. Анархическая коммуна даже в пониманіи Папа есть добровольная экономическая организація производителей, свободная рабочая ассоціація. Характерными чертами являются два обстоятельства: во-первых, анархическая коммуна есть организація экономическая и потому не знает ничего подобнаго полиціи, суду и какому бы то ни было другому политическому учрежденію; во-вторых, анархическая коммуна есть организація профессіональная, об'единяющая производителей извѣстной отрасли промышленности, а не жителей той или иной територіи,—она об'единяет не граждан, а работников. Спрашивается: как относится Пап к такому строю и чѣм коллективизм, по его пониманію, должен отличаться от анархическаго строя общества? Послушаем его самого. «Они (соціалисты) видѣли, что в главных отраслях современнаго производства крупныя предпріятія уничтожают мелкія и что централизація капиталов, все расши-

*) Стр. 24.

ряющееся примѣненіе совмѣстнаго труда и раздѣленіе его, непрекращающееся введеніе громадных паровых машин, приводящих в движеніе орудія труда, необходимое вслѣдствіе этого скопленіе рабочих масс в обширных фабриках,—все это с каждым днем увеличивает размѣры крупной промышленности. Отдѣльный рабочій—ремесленник уступает мѣсто совмѣстно работающим товарищам. Они видѣли, что эти рабочіе, сталкиваясь с организованными капиталистами, интересы котрых діаметрально противоположны их собственным интересам, обязательно соединяются для борьбы в профессіональные союзы, увлекая даже в это движеніе рабочих мелкой промышленности и что таким образом группировка по профессіям дѣлается всеобщей. И они пришли к заключенію, что эта естественная организація рабочаго класса должна служить основаніем новой общественой группировкѣ, напоминающей добровольную группировку средневѣковых общин. Обширность интересов должна неизбѣжно привести профессіональныя организаціи к союзам о взаимной поддержкѣ, которые перейдут к федераціям, вначалѣ мѣстным, потом областным и наконец международным. Затѣм, не ограничиваясь этими теоретическими наблюденіями, они начали проводить их в жизнь. Подобно англійским рабочим, они основывали трэд-юніоны, устраивали между ними федераціи и надѣются на таких же экономических федеративных началах создать международную ассоціацію. Таким образом, эту группировку професcіональных союзов, имѣющую свои корни в глубинѣ современной экономической жизни, они противопоставляют искусственной и устарѣвшей политической группировкѣ коммун и государств и предсказывают в будущем полное исчезновеніе послѣдних»*) Прибавим к этому, что, по мнѣнію Папа, статистика «в хорошо организованном обществѣ будет играть роль регулятора общественных явленій и особенно снабжать данными, необходимыми для управленія производством, сообразно с нуждами потребителей и для поддержки равновѣсія между количеством населенія и средствами к существованію**). Прибавим также, что, по мнѣнію Папа, государство и общины должны будуть передавать всѣ сколько-нибудь важныя общественныя работы со-

*) Стр. 17, 18, 19.

**) Стр. 17.

юзам рабочих*). Спрашивается: чѣм такая точка зрѣнія отличается от анархической? Чѣм коллективизм Папа отличается от синдикальнаго анархизма? Повидимому, только тѣм, что Пап подчиняет федерацію профессіональных союзов контролю какой-то другой инстанціи, чему-то вродѣ рабочаго сената. Зачѣм понадобилась эта бюрократическая затѣя—рѣшительно непонятно. Раз эта высшая инстанція не будет имѣть в своих руках карательной власти, то она вѣдь будет находиться в полной зависимости от профессіональных союзов и будет, таким образом, служить не средством контроля, а источником постоянных недоразумѣній и треній. Если же эта инстанція будет подкрѣплена организованной силой, то становится ясно, что вершителем судеб в будущем обществѣ будет именно она. Профессіональные союзы будут служить только так сказать профессіональными департаментами промышленности в руках соціаль-демократической бюрократіи. Что Пап склоняется несмотря на видимую путаницу в понятіях, именно к такому бюрократическому пониманію будущаго общества, видно из того, что послѣ блестящей критики государственнаго деспотизма, послѣ того, как он сам доказал «искусственность» государственной группировки и необходимость новой «добровольной группировки» людей по профессіям, послѣ того, как он сам убѣждал нас в том, что эта добровольная профессіональная группировка «коренится» в основах современаго способа производства, он неожиданно приходит к выводу, что пролетаріату собствен но говоря, нечего много измѣнять в государственной организаціи. «Завладѣв ею (государственной машиной), говорит Пап, они увидят, что государственная машина не требует больших измѣненій для того, чтобы работать на общее благо: нужно будет только выкинуть колесики, поставленныя эксплоататорами—буржуа и вставить другія, которыя им больше не нужны. Они увидят, что совсѣм не придется всецѣло перестраивать эту машину на новых основаніях. Когда все это будет сдѣлано, мы можем смѣло сказать: рабочіе, государственная машина в ваших руках!»**). Выходит, что всѣ прежніе длинные разговоры о «добровольной группировкѣ», об «устарѣлости политической организаціи» и о других умных вещах были только пустой болтовней, которая должна была пустить пыль в глаза недовѣрчивому пролетарію.

*) Стр. 14 и др.

**) Стр. 22.

Оказывается, что не только не предвидится необходимость полнаго разрушенія той машины, которая в теченіе тысячелѣтій своей исторіи всегда неизмѣнно была самым наглым орудіем угнетенія, порабощенія и всяческой эксплуатаціи рабочих классов, что эта государственная машина, полученная в наслѣдство от разбойничьих банд древних греческих и римских рабовладѣльцев и средневѣковых грабителей—баронов и служащая в настоящее время послушным и гибким оружіем в руках современных кровопійц-буржуев для охраны частной собственности и для подавленія всякой попытки к освобожденію труда,—словом, что современная государствен. организація не только не должна быть разрушена до тла как самое дьявольское изобрѣтеніе, созданное для увѣковѣченія рабства и эксплуатаціи, но и не должна быть даже перестроена на новых основаніях. Это ужаснѣйшее орудіе пытки сразу трогательно превращается в благодѣтельную производительную машину. Как всѣ эти вздорные выводы примирить со всѣм тѣм, что было сказано раньше, и с простым здравым смыслом, отвѣчать не берусь. Ясно только одно, что даже Пап, который лучше многих других коллективистов понял тенденцію развитія современнаго способа производства, все таки приходит к выводу, что государственная власть должна остаться незыблемой, будущее общество должно быть авторитарным, т. е. принудительным. Так же понимают основу будущаго строя жизни всѣ остальные теоретики коллективизма, хотя Карл Маркс, послѣ опыта Парижской Коммуны, нѣсколько колебался в этом взглядѣ. Так, напримѣр, в письмѣ к Кугельману, помѣченным 12 апрѣля 1871 г., Маркс между прочим говорит' «Если ты просмотришь послѣднюю главу «18 Брюмера», ты увидишь, что, по моему мнѣнію, ближайшій под'ем французской революціи будет имѣть задачей не передачу бюрократически—военной машины из однѣх рук в другія как это бывало до сих пор, а разрушеніе этой машины. Именно таково предварительное условіе всякой дѣйствительно народной революціи на континентѣ*)». Как бы то ни было, современные теоретики коллективизма, которые видят научность в том, чтобы упорно отстаивать взгляды, которые сам «учитель» признал устарѣлыми, видят в авторитетѣ со всѣми милыми украшеніями в видѣ закона, суда, полиціи и даже арміи необходимое условіе соціальной жизни.

---

*) № 11 «Вѣстник Жизни».

Рѣшив вопрос о том, как соціаль-демократы представляют себѣ основной характер будущих организаціонных отношеній, мы должны поставить теперь другой вопрос: как соціаль-демократы думают совершить переход от капитализма к коллективизму? Так как политическую организацію современнаго строя они оставляют нетронутой, то для соціаль-демократа вопрос звучит так: как передать средства производства в руки государства? как совершить экспропріацію?

Этим вопросом в послѣднее время вынуждены были заниматься всѣ видные теоретики коллективизма. Удѣлил ему свое вниманіе и самый видный из них—Карл Кауцкій. В своей брошюрѣ «На другой день послѣ соціальной революціи» он ставит себѣ вопрос: каким образом будет совершена экспропріація,—путем-ли выкупа или путем конфискаціи. Казалось бы, что такой вопрос не может существовать для партіи, которая считает собственность буржуазіи продуктом организованнаго грабежа и с гордостью называет себя «революціонной». Наивный читатель, пожалуй, не поймет, зачѣм нужно именоваться соціалистом и к тому же «революціонным», «научным» соціалистом, чтобы проповѣдывать выкуп рабочим классом им самим созданных общественных богатств. Неужели «научный» революціонизм состоит в том, чтобы идти навстрѣчу интересам собственников и тѣм продолжить страданія рабочаго класса? Интересно поэтому послушать самого Кауцкаго. У него, понятно, не хватает смѣлости откровенно заявить, что соціаль-демократія принципіально отказывается от конфискаціи во избѣжаніе революціоннаго столкновенія с буржуазіей и с буржуазным государством. Ему приходится поэтому, пытаться всякими изворотами раздобыть аргументы в пользу выкупа. Читая его, невольно вспоминаешь об аргументаціи наших россійских министров, которые с удивительной тонкостью всегда доказывали, что расширеніе землевладѣнія крестьян только принесет вред послѣдним и что безземелье и малоземелье есть чуть ли не благодать для русскаго крестьянства. Такою же благодатью оказывается для пролетаріата в устах г. Каուцкаго и выкуп в сравненіи с конфискаціей, т. е. безплатным возвращеніем народу ограбленных у него богатств. По его словам, цѣлый ряд соображеній говорит за то, что пролетарскій режим постарается избрать путь выкупа, т. е вознагражденія капиталистов и землевладѣльцев за отходя-

щую от них собственность*). «Ибо, прибавляет он, раз пролетаріат не прибѣгнет к конфискаціи, то нас могут спросить—какая же будет польза рабочему классу от экспропріаціи? Экспропріація приведет только к тому, что всякій капитал превратится в денежный капитал, в долговыя обязательства государства, общин и товариществ и что прибавочная стоимость, которую капиталисты выжимали до сих пор непосредственно, станут теперь брать с рабочаго государство, общины и товарищества и передавать ее капиталистам. Измѣнится ли от этого хоть чѣм нибудь положеніе рабочаго класса?**).

«Такой вопрос вполнѣ умѣстен (спасибо за признаніе!) Однако, если бы даже пролетарскій режим стал доставлять капиталу такую же массу прибыли, какую получал капитал и прежде, то экспропріація все таки представляла бы ту огромную выгоду, что всякое дальнѣйшее увеличеніе эксплоатаціи сдѣлалось бы невозможным. Уничтожена была бы возможность всякаго новаго помѣщенія капитала, а, слѣдовательно, и всякаго увеличенія его равно как и всякаго возвышенія земельной ренты. Одно уже это было бы грандіозным результатом пролетарской революціи (Ой-ли!). Всякое дальнѣйшее увеличеніе общественнаго богатства шло бы отнынѣ на благо всего общества» ***). Так разсуждает ученый «соціалист».

Что говорят нам эти разсужденія? Нас хотят увѣрить, что превращеніе всего капитала в денежный, так сказать, кристаллизація современной собственности, было бы «грандіозным результатом пролетарской революціи». Так ли это? Вѣдь в сущности говоря, это просто-на-просто значит искусственно остановить развитіе классовых противорѣчій и фиксировать их в той стадіи, которой они достигли теперь. Если, напримѣр, в настоящее время прибавочная цѣнность составляет приблизительно двѣ трети продукта, то соціаль-демократическая, с позволенья сказать, «экспропріація» кристаллизует эту норму эксплуатаціи, узаконяет ее на долгое время вперед, впредь до полнаго погашенія всего капитала. Выгода, которую получает пролетаріат, выражается только в том, что дальнѣйшій рост эксплуатаціи невозможен. Это было бы дѣйствительно утѣшительно, если бы теперешняя «норма» грабежа была бы хоть сколько-нибудь сносной. Но при теперешнем положеніи вещей соціаль-

*) Стр. 121.

**) Стр. 122.

***) Стр. 123.

демократическая реформа сводится к тому, чтобы драть с рабочаго только одну шкуру, а не три. Эта спасительная реформа которая именуется по «научному» «экспропріація», гораздо лучше и проще может быть достигнута и без «диктатуры пролетаріата» и без разных соціальных революцій. Достаточно для этого профессіональным рабочим союзам добиться подходящих «подвижных тарифов», регламентировать введеніе новых машин, установить болѣе строгій контроль над условіями об ученичествѣ, о пріемѣ новых рабочих, расширеніи предпріятій и т. д., и т .д. Это и дѣлают давно уже тихо, скромно и без шума самые мирные, даже самые реакціонные трэд-юніоны, не заявляя никаких претензій ни на какія «диктатуры», «революціи» и «экспропріаціи». Что новаго дает «научный» соціализм? Во-первых, ряд ученых терминов, которые имѣют назначеніе затуманить и сбить с толку простодушнаго рабочаго. Во-вторых, то, что трэд-юніоны стремятся сдѣлать собственными усиліями на почвѣ экономической борьбы, то соціаль-демократія мечтает совершить на политической аренѣ путем декретов и полицейских предписаній. Измѣняет ли это сущность вещей? Развѣ не ясно, что такая «экспропріація» является чисто буржуазной реформой, которая далека от идеала рабочих, как небо от земли? Вѣдь эта реформа не затрагивает принципа собственности, не является вторженіем в существующую систему права, а наоборот, признает существующую форму собственности, построена на почвѣ существующаго буржуазнаго права.

Сам Кауцкій, видимо, чувствует неловкость своего положенія и пытается спастись путем хитрости. «Там, гдѣ силой взять нельзя, там нужно полукавить», говорит старик Крылов. И вот наш «ученый» соціалист пускается во всѣ тяжкія, чтобы придумать лукавый исход. Для спасенія ему является (чтобы вы думали?) прямой налог. Оказывается, что «пролетарское» правительство обложит капиталистов прямым налогом на доход, причем лукавые министры соціаль-деомкратической республики постараются так организовать налог этот, чтобы поглотить часть выкупной суммы и приближаться таким образом к конфискаціи. Кауцкій однако чувствует, что и эта хитрость не вполнѣ спасает его, ибо бросает его в новую нелокость: невольно возникает вопрос—какой смысл имѣет одной рукой выкупать собственность, а другой посредством налога конфисковать выкупные платежи. На этот вопрос у него есть два отвѣта. Во-первых, благодаря налогу, по его мнѣнію, есть возможность не трогать мелких собственников. Во-вторых, «прямая кон-

фискація совершилась бы очень быстро, может быть, даже сразу, между тѣм как конфискація посредством обложенія налогом позволяет придать уничтоженію капиталистической собственности характер болѣе или менѣе длительнаго процесса, который подвигается вперед по мѣрѣ того, как крѣпнет и обнаруживает свое благотворное вліяніе новый порядок вещей. Она дает возможность растянуть операцію на десятки лѣт»... Он прибавляет, что «чѣм лучше он (пролетаріат) организован и чѣм выше стоит по своему умственному развитію, тѣм скорѣе можем мы ожидать, что он отдаст предпочтеніе утонченной формѣ конфискаціи пред примитивной». Иначе говоря, чѣм организованнѣе и сознательнѣе будет пролетаріат ко времени соціальной революціи, тѣм большим уваженіем будет он проникнут к карманам своих нѣжных хозяев и предпочтет «утонченно» и «научно» выкупать и облагать налогами свои собственныя имущества, растянув собственное рабство на «десятки лѣт», чѣм совершить «рѣзкую» и «болѣзненную» конфискацію, которая сразу подорвала бы корни эксплуатаціи. Так ли это? Посмотрим.

Раньше всего, сознательный пролетарій спросит г. Каућкаго: замѣм вы, г. «учитель», так боитесь конфисковать мелкій капитал? Вѣдь всѣ эти мелкія сбереженія имѣют в глазах мелкаго собственника только ту цѣнность, что они спасают его от ужасов голодной смерти. Раз соціалистическое общество уничтожает безработицу бѣдность, нищету и другія соціальныя бѣдствія, раз таким образом устранен страх голода и голодной смерти, зачѣм нужны мелкому собственнику или пролетарію его грошевыя сбереженія, которыя только в видѣ насмѣшки можно назвать «капиталом»? Развѣ соціалистическое общество не в правѣ сказать владѣльцам этих ничтожных сбереженій: «Вы скопили свои ничтожныя экономіи с цѣлью обезпечить себѣ право на извѣстную, хотя бы ничтожную долю общественнаго богатства. Мы теперь признаем такое право за всяким членом общества, стало быть, и за вами. Зачѣм же нужны вам ваши бумажки, которыя имѣют смысл в обществѣ основанном на всеобщем грабежѣ, но является чѣм-то вродѣ талисманов в обществѣ, основанном на общей человѣческой солидарности. В соціалистическом обществѣ всякій человѣк в одинаковой степени собственник, независимо от пріобрѣтенных или наслѣдственных прав, потому что собственником является все общество в цѣлом, весь союз работников». Думает ли г. Каућкій, что такое заявленіе соціалистическаго общества менѣе «научно» и менѣе

«утончено», чѣм его остроумные проекты о выкупѣ и обложенія налогом. Вдумчивый пролетарій позволит себѣ усомниться.

Затѣм, странныя размышленія возбуждает Кауцкій своею заботою о том, «чтобы растянуть операцію на десятки лѣт». Если экспропріація «болѣзненный процесс, то какой же умный врач захочет растянуть, продолжить болѣзненное состояніе? Развѣ медицина не преслѣдует противоположной цѣли—по возможности сократить время недуга, болѣзни? Если же экспропріація есть факт глубокой исторической необходимости, факт вызываемый переходом капитализма к соціализму, то почему бы рабочему классу, по крайней мѣрѣ, не стараться по возможности ускорить этот неизбѣжный и желанный переход от каторги капитализма в свѣтлый мір свободы и равенства? Разсужденія Кауцкаго производят впечатлѣніе, как будто пролетаріат должен всѣми силами стремиться замедлить момент наступленія своего собственнаго освобожденія. Неужели Кауцкій предчувствует, что у рабочаго класса нѣт особых мотивов слишком торопиться в царство коллективизма? Только это предположеніе могло бы в наших глазах придать нѣкоторый смысл совершенно безсмысленной болтовнѣ о «выкупѣ с налогом», об «утонченных» и «примитивных» методах экспропріаціи, о «болѣзненных» и «рѣзких» формах и других пустяках. Но зачѣм же не сказать это прямо, откровенно? Зачѣм вводить в заблужденіе простодушнаго читателя, не искушеннаго в тонкостях гегельянской діалектики?

Работа Кауцкаго отвлечена и дает только общіе штрихи соціаль-демократическаго пониманія соціалистическаго общества. Чтобы получить болѣе конкретное представленіе о коллективизмѣ мы должны обратиться к работѣ другого соціаль-демократическаго писателя г. Атлантикуса, сочиненіе котораго переведено на русскій язык («Производство и потребленіе в будущем соціалистичесчом государствѣ»). Что в этой работѣ Атлантикус выражает в общем не только свои личные взгляды, но и воззрѣнія, общепринятыя в «высших сферах» соціаль-демократіи, видно из предисловія Кауцкаго, которое заканчивается слѣдующими словами: мои возраженія не затрагивают существеннаго содержанія книги и не касаются статистическаго разсчета, который дан автором. Этот разсчет заслуживает, по моему мнѣнію, глубокаго вниманія. И так пожелаем этой книгѣ полнаго успѣха». Если Кауцкій рекомендует нашему «глубокому вниманію» книгу Атлантикуса, мы имѣем всѣ основанія, по

крайней мѣрѣ, в общем считать ее выраженіем средняго соціаль-демократическаго взгляда на данный вопрос. Мы далеки от мысли, что цифровые разсчеты Атлантикуса обязательны для всѣх коллективистов, что коллективизм примет как раз ту конкретную форму, которую дает ему автор. Коллективизм есть извѣстный общественный принцип, а не раз навсегда данная форма организаціи общества, с раз навсегда данным бюджетом, с постоянными рабочими платами и т. д. Впрочем, не это нас интересует. Мы хотим знать не то, каково в точности, дѣйствительно будет коллективистское государство, а то, каким хочет его видѣть г. Атлантикус, каким он себѣ рисует его.

Раньше чѣм перейти к наиболѣе интересующему нас пункту, к вопросу об общественных отношеніях при коллективизмѣ не мѣшает сдѣлать ряд предварительных замѣчаній. В одном мѣстѣ своего «Введенія» автор говорит: «Если переход к соціализму должен произойти мирным путем и в ближайшем будущем, то необходимо прежде всего уничтожить то пугало, которое превращает самаго мирнаго гражданина, имѣющаго хотя бы ничтожную собственность, в от'явленнаго врага соціаль-демократіи,—я говорю о безвозмездной экспропріаціи имущих. Даже безпроцентный выкуп (Кауцкій, Шефле) или выкуп с высокими платами в погашенія (Флюршейн) как бы они не были правильны с теоретической точки зрѣнія, с практической рѣшительно неудобны и встрѣтили бы самое упорное сопротивленіе»*) Кауцкій, выражаясь вульгарно, еще виляет по поводу «рѣзкости», «болѣзненности», «примитивности» конфискаціи и пытается скрыть от нас испытанный мотив предпочтенія выкупа. Атлантикус болѣе откровенно об'ясняет нам сущность этого явленія. Он совершенно отвергает в сторону разныя лукавыя изобрѣтенія генерала от марксизма и просто заявляет нам, что выкупать пролетаріат должен потому, что это необходимо для успокоенія собственников. Такая откровенность только говорит в пользу Атлантикуса. Дальше он прибавляет: «На мой взгляд, необходимо составить предварительную смѣту с таким разсчетом, чтобы огосударствленіе средств производства состоялось на условіях достаточно (?) выгодных для собственников, которые должны получать вѣчную ренту, равную удостовѣренной величинѣ получаемаго ими дохода (по реальной его цѣнности), при этом слѣдует, конечно (!) установить или очень (?) небольшую амор-

*) Страница 24.

тизацію ренты (около 1/10 ежегодно) или незначительный налог на наслѣдство. Для тѣх, которые владѣют естественной монополіей, слѣдовательно, прежде всего земельными угодьями, можно было бы установить ренту, которая превышала бы вычисленный чистый средній доход на 20—25%».

Итак, не только оказывается необходимым выкуп всѣх имуществ, но г. Атлантикус ревниво оберегает всѣ интересы капиталиста: по его мысли, владѣлец имущества должен быть обезпечен вѣчным доходом. При этом землевладѣльцы не только получают право на увѣковѣченіе своего теперешняго дохода, чего даже капитализм не в состояніи сдѣлать, но и награждается солидной надбавкой в 20—25%. На каком основаніи дѣлает это г. Атлантикус? Почему капиталист имѣет вѣчное право на тот доход, котрый он теперь, благодаря современной системѣ эксплуатаціи и насилія высасывает из рабочаго класса? Очевидно, этот ученый «соціалист» полагает, что современный доход капитала есть нѣчто весьма естественное, вытекающее из «производственных отношеній» и он хотѣл бы это милое положеніе вещей увѣковѣчить. Не об'яснит ли это нѣжное отношеніе к имущему природной сердечной добротой г. Атлантикуса? Это покажет дальнѣйшее. Теперь-же мы позволим себѣ процитировать еще нѣсколько интересных мѣст из того же предисловія.

Наградив «по царски» крупных помѣщиков и крупных капиталистов, г. Атлантикус, кокетливо заигрывает с другой привиллегированной группой. «Что же касается, говорит он, крупных собственников из крестьян. сельских управляющих, а отчасти и земельных собственников, словом—всѣх тѣх, которые теперь выполняют функцію правителей, то большая часть из них останется и в будущем при своих занятіях, с той лишь разницей, что вознагражденіе будет им повышено*). Как видите, даже сельскіе управляющіе не только не потерпят от соціальнаго переворота, но и выиграют от него. Какой разврат должны такіе взгляды вносить в рабочую срѣду! Вот это-то и называется «стоять на пролетарской точкѣ зрѣнія»...

Разбрасывая дальше плѣнительныя улыбки в сторону тѣх общественных групп, которыя стоят над рабочим классом, наш автор подходит к интеллигенціи. Оказывается, что безобидный коллективизм не может понятно обидѣть и эту общественную группу, которая играет такую видную роль в общественной жизни буржу-

*) Стр. 27.

азнаго общества. Во-первых, мы узнаем, что люди, которые выберут интеллигентную карьеру, будут совершенно освобождены от обязательных работ. Во-вторых, эти так называемые умственные работники получат гораздо болѣе обезпеченное и привиллегированное положеніе, чѣм теперь. «Вѣдь в таком случаѣ, говорит он, им нечего опасаться, что их милые родственники, т. е. дѣти современной интеллигенціи, перейдут при паденіи ренты в ряды обыкновеннаго (!) (какой ужас, как подумаешь) рабочаго класса. В будущем соціалистическом государствѣ этот класс будет к тому же стоять выше как в духовном, так и в матеріальном отношеніях» *). Теперь г. Атлантикус нам открыл новую поразительную вещь. Вѣдь до сих пор соціаль-демократія увѣряла, что она стремится к полному уничтоженію классов. Из уст г. Атлантикуса мы слышим, что новое общество представляет собою в сущности только новую перетасовку, а не разрушеніе классов. Во главѣ общества оказывается современный класс капиталистов, положеніе которых не только не измѣнилось к худшему, но сильно упрочилось. Капиталисты и землевладѣльцы получают свою прибыль и ренту как и раньше, но без прежней борьбы, безпокойств и неудобств. За классом капиталистов слѣдует другой класс—интеллигенція, которой создается такое же привилегированное и прочное положеніе. Атлантикус откровенно обѣщает ей, что ей не грозит опасность упасть в ряды «обыкновеннаго рабочаго класса», хотя и положеніе послѣдняго улучшится.

Чтобы вполнѣ охарактеризировать коллективизм этого соціаль-демократическаго ученаго, мнѣ остается указать еще только нѣсколько черточек. Во-первых, он предлагает соціал-демократіи не стремиться к отдѣленію церкви от государства и не воевать с духовенством вообще, так как этим соціаль-демократія упускает случай привлечь к себѣ «вѣрующих»**). Во-вторых, он считает необходимым сохранить современную форму семьи: ему кажется «непонятным, почему современныя брачныя нормы подлежат измѣненію». Тут же он прибавляет, что «о полном искорененіи проституціи в ближайшем будущем не может быть и рѣчи» и считает совершенно лишней «свободную любовь». В третьих, по его мнѣнію, монархія весьма легко может удержаться, «если она готова проводить всѣ мѣропріятія, которых требует народ и если она признает волю народа высшим законом»***). Наконец,

*) Стр. 29.
**) Стр. 30.
***) Стр. 31.

мнѣ остается только прибавить для полноты картины, что в будущем обществѣ не только будут «преступники", но и будет оставлено по необходимости войско с 25,000 офицеров во главѣ. Эти общіе штрихи не нуждаются в комментаріях. Перейдем лучше к разсмотрѣнію бюджета коллективистскаго государства. Вѣдь именно в бюджетѣ, по справедливому мнѣнію Кауцкаго, вскрывается истинный классовый характер всякаго государства.

Раньше всего, нам остается выяснить, какова общая сумма доходов коллективистскаго государства. Так как при коллективизмѣ доходы государства в сущности совпадают с цѣнностью всѣх продуктов національнаго производства, то раньше всего нам приходится открыть, сколько сможет произвести весь рабочій класс Германіи, когда населеніе возрастет приблизительно до 60.000.000... Атлантикус дает для Германіи слѣдующій болѣе или менѣе правильный подсчет, предполагая, что все населеніе до 17-тилѣтняго возраста освобождено от всяких обязательных работ, а всѣ взрослые люди, кромѣ имущих и интеллигенціи, обложены всеобщей рабочей повинностью в теченіе 10 лѣт, от 17 до 27.

«Общая цѣна, говорит он, всего того, что дает государству установленная всеобщая рабочая повинность, представится в слѣдующих цифрах:

	В милліонах марок*)
Пищевые продукты . . .	М. 22.420
Одежда и бѣлье	„ 6.600
Обувь	„ 1.000
Мыло и свѣчи	„ 500
Прочіе товары	„ 320
	М. 30.840

Если сюда прибавить доходы государства с продажи желѣзно-дорожных билетов, с морских поѣздок, с почты и телеграфа, плату за отопленіе, за театральные билеты, то г. Атлантикус исчисляет общую сумму доходов соціаль-демократическаго государства в 33.140 милліонов марок. Не будем входить в разбор того, возможно ли, чтобы в рабочем обществѣ пользованіе такими необходимыми учрежденіями как театр, почта, телеграф и желѣзная дорога, было поставлено в зависимость от какой бы то ни было платы. Такія учрежденія стали для современнаго человѣка абсолютно необходимыми, подобно воздуху и водѣ. Взымать за них плату значит просто на просто

*) Стр. 116.

продолжать старую систему монополій и привиллегій. Но пока оставим в сторонѣ этот спор и посмотрим, как соціаль-демкратическій теоретик распредѣляет эти государственные доходы.

Раньше всего, нужно, понятно, вознаградить помѣщиков и г. Атлантикус послѣ длиннаго ряда разсужденій о цѣнности современных помѣщичьих имуществ говорит: «Итак, если мы, достаточно соблюдая интересы землевладѣльцев (как трогательно это звучит в устах «соціалиста!»), положим на уплату за земельную собственность 10 милліардов, если мы даже насчитаем еще 10 милліардов на прирост капитала (предполагая, что огосударствленіе произойдет через 10 лѣт), то мы получим еще 125 милліардов или круглым счетом, в видах наивозможно меньшаго нарушенія интересов собственников, 130 милліардов. В настоящее время обычный размѣр дохода с солидных цѣнностей едва ли выше 3-3¼%. Мы, однако, примем во вниманіе, что придется платить полных 3½%. Тогда мы получим 4550 милліонов марок ежегоднаго процентнаго вознагражденія за экспропріированныя цѣнности»*). В этих словах характерно звучит предупредительное отношеніе к собственникам: к современной настоящей цѣнности имуществ соціаль-демократическое правительство прибавляет собственникам 10 милліардов, так сказать, на чай, а норму повышает чуть ли не на ½%. В результатѣ кучка народных эксплуататоров обезпечивается вѣчным доходом в 4550 милліонов марок. И это называется экспропріаціей... По-рыцарски наградив собственников г. Атлантикус оплачивает услуги интеллигенціи. Раньше всего идут учителя. «Средній размѣр жалованья, помимо даровой квартиры при школьном зданіи, мы можем принять слѣдующій: для учителя 3500 марок (низшій оклад 2500 марок, а высшій 4500 марок), для учительницы 2500 марок**).

Нѣсколько большую плату получает сельско-хозяйственный управляющій: на содержаніе 3500 марок+1500 марок наградных, всего 4500 марок в год.

«Что касается правительственных чиновников в тѣсном смыслѣ слова, то на первом планѣ стоят управляющіе 30.000 государственных товарных складов, которые возьмут на себя и завѣдыванье кассой, т. е. выплату пенсій рабочим. Кромѣ того потребуется еще около 20.000 человѣк судей и иных правительственных чинов-

*) Страница 118.

**) Страница 118.

никовъ»*). Здѣсь обращает наше вниманіе странный намек на «иных правительственных чиновников». Невольно возникает вопрос: кого это разумѣет Атлантикус под «иными правительственными чиновниками», кромѣ учителей, «чиновников в тѣсном смыслѣ слова», судей и всяких промышленных управляющих, о которых он говорит отдѣльно? Остается не упомянутой только одна категорія правительственных чиновников—так называемые чины жандармскаго вѣдомства... Неужели их разумѣет г. Атлантикус? Зачѣм же не сказать прямо? К чему это зловѣщее выраженіе «иные правительственные чиновники»? Кто разгадает? Во всяком случаѣ управляющим складами, судьям и «иным чиновникам» назначается недурной оклад в 5000 марок на человѣка.

Особенно распинается ученый «соціалист» за высших правительственных чиновников. « Для высших правительственных чиновников, говорит он, необходимо, разумѣется (великолѣпное разумѣется!), так же, как и теперь установить жалованье от 6 до 10 или даже от 15 до 25 тысяч марк»**).

Нѣкоторую нѣжность обнаруживает автор и к завѣдующим и к директорам фабрик. «Завѣдующіе фабриками и директора должны, разумѣется, получать большое вознагражденіе—от 10 до 12 тысяч марок и кромѣ того еще преміи за лучшіе успѣхи»***).

Зато врачам, техникам, химикам, инженер-механикам, инженерам путей сообщенія и учителям средне-учебных заведеній назначается плата только в 5000 марок. Профессор получает, понятно, больше—8000 марок в год.

Наградив и оплатив собственность, государственные «труды», организаторскій труд и науку, г. Атлантикус не обходит своею милостью и искусство. Вѣдь в «благоустроенном государствѣ» рядом с полиціей, духовенством, судьями и «иными правительственными чиновниками» необходимы чиновники по департаменту искусства. Театральным чиновникам (артистам, музыкантам, декораторам) назначается жалованье в 4000 марок в год. Г. Атлантикус сознает при этом, что искусство нужно развивать. Но, что могло бы в будущем обществѣ наиболѣе содѣйствовать этому развитію? Может быть, вы думаете, что в будущем обществѣ, когда с человѣка будут сняты всѣ путы, связывающія его духовную личность,

*) Страница 119.
**) Страница 119.
***) Страница 119.

когда человѣкъ освободится от каторги долгаго и подневольнаго труда, высокій под'ем духовных потребностей человѣчества ярким образом отразится и на искусствѣ? Может быть, вы вѣрите, что из глубины народа выйдут многія могучія личности, которыя до сих пор были задавлены тяжким трудом и позорным рабством, и в захирѣвшее, сѣрое искусство буржуазнаго міра внесут новыя, свѣжія и яркія струи жизни? Может быть, на этом основаніи вы дерзнете предсказать, что именно этот необычайный духовный под'ем создаст такое искусство, котораго до сих пор не знал еще мір, на котором вѣчно лежало проклятье братоубійственной борьбы и клеймо позорнаго рабства? Если вы так думаете, то вы только жалкій «утопист»... «Научный соціализм» имѣет другое, болѣе рѣшительное и болѣе простое средство развитія и обновленія искусства: назначить болѣе высокій оклад лучшим артистам,—и дѣло с концом. А для того, чтобы первоклассные артисты могли получать болѣе значительное вознагражденіе, извѣстное число театров должно имѣть большіе бюджеты и взимать поэтому болѣе высокую входную плату. «Средняя цѣна билетов, при условіи полнаго сбора, не должна превышать 60, 80 пфеннигов (30, 40 копеек), и можно быть увѣренным (спѣшит он успокоить артистов, встревоженных такой высокой входной платой), что при таких цѣнах незанятых мѣст будет очень мало»*). Как просто рѣшаются всѣ вопросы, если «стать на пролетарскую точку зрѣнія»!

Так щедро и великодушно воздав должное всѣм сильным міра сего, г. Атлантикус вспоминает, что он забыл еще о двух категоріях умственных «работников»: о духовенствѣ и арміи. Он просто и откровенно декретирует: «На 3000 духовных лиц государству придется расходовать 100,000,000 марок», а 25,000 офицеров, которые должны исполнять благородную службу защиты отечества, он назначает, разумѣется, не менѣе высокую плату—5000 марок в год. «Пока существует нынѣшнее натянутое отношеніе, глубокомысленно разсуждает «научный соціалист», между государствами, нечего и думать (sic!) о том, чтобы распустить войско и забросить профессіональное военное образованіе. Необходимо, конечно, (милое словечко!) сохранить хотя бы однолѣтнюю воинскую повинность. Прямо перейти к милиціонной системѣ было бы во всяком случаѣ рисковано (почему, мудрый Эдип)? Для военной подготовки было бы, конечно, достаточно одного года обязательной службы, так как в

*) Стр. 121.

будущем всѣ молодые люди получат такое школьное образованіе, которое требуется теперь от вольноопредѣляющагося 1-го разряда; помимо того, и сама школа может дать нѣкоторую военную подготовку»*). Болѣе наглое издѣвательство над всѣми идеалами рабочаго класса трудно было бы себѣ представить. Если до сих пор «ученый» соціалист строил на наших глазах форменный грабеж народнаго труда, чтобы подкупить крупных собственников, интеллигенцію, судей и «иных» чиновников, грязью все, что есть свѣтлаго в соціализмѣ. Не только оставляется духовенство—этот вѣчный источник мракобѣсія, не только сохраняется постоянная армія с военной повинностью и, стало быть, с ея притупляющей казарменной жизнью, но и будущая школа, на которую направлено столько трогательных надежд всѣх свободомыслящих, от которой все передовое человѣчество ждет дѣйствительнаго духовнаго обновленія и полнаго искорененія всѣх грубых человѣконенавистнических инстинктов военщины и низкопоклонства;—эта самая соціалистическая школа будет, под руководством соціаль-демократических авантюристов, давать военную подготовку подростающему соціалистическому поколѣнію. Слишком долго комментировать такіе взгляды было бы величайшим оскорбленіем для читателя. Но может быть, не лишнее прибавить еще одну многопоучительную цитату. «Как соціальное государство, прибавляет г. Атлантикус, Германія могла бы выставить значительно большія силы, чѣм теперь»... «Когда средства перейдут к государству, придется тратить на военныя суда только матеріал и труд. Если каждый мужчина будет работать ¼ года сверх установленнаго срока, то мы получим для постройки военных кораблей 12,500 рабочих дней, что вполнѣ достаточно для того, чтобы в теченіе 3—4 лѣт построить такой флот, который будет могущественнѣе англійскаго флота». Вмѣсто долгих безполезных коментаріев невольно хочется задать вопорс: чѣм отличается г. Атлантикус, развивающій теорію коллективизма, от г. Гогенцоллерна, управляющаго Германской Имперіей? Идеалы тѣ же, средства различны...

Оставим в сторонѣ длинныя разсужденія Атлантикуса о разных пенсіях и наградных для выслужившихся интеллигентов и посмотрим в общих чертах, как вознаграждается «в идеальном» обществѣ труд работников. Читатель будет поражен, когда узнает, что послѣ гро-

*) Стр. 121.

мадных тысячных окладов, которые так щедро расточались имущим и чиновникам, работникам и работницам назначается довольно скромная плата: первым 800 марок в год, послѣдним только 700. Понятно, что на такую плату совершенно немыслимо жить. Г. Атлантикус хочет поэтому нѣсколько задобрить читателя. Первым долгом, оказывается, что «каждый рабочій и работница должны имѣть по меньшей мѣрѣ одну*) отдѣльную комнату». Если читатель все еще скептически настроен и скажет, что даже при даровой комнаткѣ, которую даст рабочему попечительное начальство, на 700 марок в год (350—400 руб.) роскошной жизни не устроишь, г. Атлантикус заявляет: «Как из практических, так и из физіологических соображеній нельзя высказаться за то, чтобы рабочіе (а интеллигенты и имущіе?) вступали в брак до окончанія своего срока всеобщей обязательной повинности. При нашем климатѣ мужчина достигает полной физической зрѣлости не раньше 25 лѣт, женщина не раньше 20. Не было бы, разумѣется, вреда (для кого? очевидно, для г. Атлантикуса), еслибы мужчина вступал в брак 27 лѣт, а женщина послѣ 22»**)). Тут в высшей степени истересно обратить вниманіе на 2 момента. Во-первых, человѣк, который имѣет дерзость называть себя «соціалистом», считает возможным дозволить соціаль-демократическому государству наложить свою грязную лапу на одну из наиболѣе интимных сторон личной жизни,—дѣло, на которое до сих пор не рѣшалось еще ни одно правительство***). Во вторых, в обществѣ, состоящем из работников, построенном на господствѣ труда, такое ограниченіе смѣют наложить именно на рабочих и только на рабочих, потому что имущіе и представители интеллигентных профессій свободны от «всеобщей рабочей повинности», в продолженіе которой и существует это достойное ограниченіе.

Однако, указанная выше плата относится только ко времени рабочей повинности, от 17 до 27 лѣт. По отбытіи этой повинности работник и работница получают извѣстную пенсію: мужчина 800 марок, а женщина «соот-

---

*) Характерно, что интеллигентам обѣщана просто хорошая квартира, а рабочему комната. Хватит, мол, этой сволочи и одной комнаты...

**) Стр. 123.

***) Только одно предположеніе могло бы пролить свѣт на эту безсмысленную затѣю: именно, что запрещается законный брак и соціаль-демократическое начальство вводит государственную проституцію, разумѣется, на новых «научных началах», прямо вытекающих из основ марксизма... Отчего бы в «будущем обществѣ» рядом с духовенством, офицерами, судьями и «иными» чиновниками не фигурировать и проституткѣ.

вѣтственно меньшей производительности» только 500 марок. Спрашивается: каким образом можно жить на такую сумму, которой едва может хватать на порядочную квартиру? Г. Атлантикус раскрывает нам эту тайну: «Работая по выслугѣ пенсіи, всякій будет в состояніи пріобрѣсти себѣ или отдѣльный домик или же право на часть городского дома. Необходимые плоды, зелень и т. д. каждая семья может разводить у себя, получая даже излишек для продажи имущим (!). Можно даже с увѣренностью сказать—за участіе в производствѣ предметов роскоши и тому подобное рабочіе получат около ½ из тѣх 8875 милліонов, которые приходятся на долю имущих» *). Дѣйствительно, загадка рѣшается очень просто: рабочій дополняет свое скудное государственное жалованье «услугами» и за это получает об'ѣдки со стола имущих. Да будет стыдно ученому коллективисту!

Мы могли бы оставить теперь отвратительную работу дальнѣйшаго разбора той грязи, которую нам преподносит теоретик коллективизма в видѣ плана коллективистскаго государства, но нам интересно подвести итог всему сказанному. Оказывается, что общая сумма доходов государства—М. 33.140 милліонов.

I. Из них тратится:

		в милліонах
На плату работникам и работницам . .	М.	6.520
На пенсіи всѣм отбывшим рабочую повинность	„	16.170
Всего рабочему классу . .	М.	22.690

II.

Учителям	М.	1.080	мил.
С.-Хозяйств. управляющ. .	„	450	„
Государствен. чиновникам .	„	260	„
Техникам	„	200	„
Машинистам	„	120	„
Преп. сред. и высш. уч. зав.	„	150	„
Театральному персоналу .	„	540	„
Духовенству и офицерам .	„	225	„
На стипендіи учащимся .	„	50	„
Пенсіи	„	950	„
Всего интеллигенціи .	„	4335	„

Имущим	М.	4550	мил.
Рабам—неграм за работу в колоніях . .	„	450	„

*) Стр. 124.

Стало быть прибавочная цѣнность равняется:

$$\frac{\text{Плата интеллиг.} + \text{плат. имущ.}}{\text{Плата раб.} + \text{пенсіи} + \text{плат. рабам}} = \frac{4335+4550}{6520+16170+450} = 38{,}4\%$$

В заключеніе, повторяю еще раз, что я далек от мысли, что коллективизм непремѣнно должен принять такую безобразную форму. Что выкладки г. Атлантикуса дѣйствительно доказывают, так это то, что составляет тенденцію коллективизма—поставить над рабочим классом новую аристократію, аристократію умственнаго труда, которая в союзѣ с остатками буржуазіи будет, под видом «организаціи производства», командовать трудом не лучше дворян и капиталистов. Соціаль-демократы хотят казаться выразителями интересов рабочаго класса, но на дѣлѣ они только представители «новаго средняго сословія»—буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенціи. Они хотят казаться соціалистами, но они только болѣе послѣдовательные демократы.

XI.

Либерализм, соціализм и анархизм.

Никогда человѣчество не видало еще такого грандіознаго развитія матеріальной культуры, как эпоха господства буржуазіи. За один вѣк техника сдѣлала болѣе поразительные успѣхи, чѣм во всю предшествовавшую исторію человѣчества. Но едва ли не болѣе поразительны еще успѣхи культуры умственной—этой грандіозной смѣны потоков идей.

Всѣ идеи, всѣ идеалы, которыми человѣчество жило вѣками, как будто внезапно поблекли, отжили. Философія, наука, нравственность, искусство подобно всему экономическому и политическому укладу жизни, понесли коренную ломку. С какой-то необ'яснимой любовью и страстью отдалась передовая интеллигенція передового класса, интеллигенція буржуазіи, суровому и великому дѣлу безпощаднаго разрушенія строя крѣпостничества и мракобѣсія. Этот грандіозный порыв разрушенія называется. Великой Революціей.

Какая же идея руководила интеллигенціей в ея борьбѣ с феодализмом? На чем хотѣла она построить новое общественное зданіе на мѣстѣ старых феодальных развалин? Во имя чего вела она свою разрушительную работу?

Этой руководящей идеей была идея политической свободы. Буржуазная интеллигенція об'явила, что она не видит никаких разумных причин для существованія крѣпостничества и не может найти никакого оправданія для существованія кастовых привиллегій. Только в безпросвѣтном невежествѣ видѣла она источник диких общественных учрежденій средневѣковья. Отмѣну крѣпостничества она назвала «свободой», отмѣну кастовых привиллегій она признала «равенством» и мечтала о том, что «братство»

будет вѣнцом этой свободы и этого равенства. Она не лгала, не лицемѣрила и не скрывала своих цѣлей перед врагом: оттого-то она до сих пор окружена каким-то ореолом величія и славы. Когда враг оказался упорным и не захотѣл уступить поля без кровавой битвы, она не поблѣднѣла, не отступила, а шла вперед с античным мужеством: она отточила топор для врагов внутренних и об'явила дерзкую войну всѣм врагам внѣшним. И она из гигантской борьбы вышла побѣдительницею. Она окончательно сломила или навсегда подломила страшныя силы мрачнаго прошлаго и создала новую жизнь, ту жизнь о которой она мечтала. Так родился, воевал и побѣдил либерализм.

Но еще раньше, чѣм полный тріумф увѣнчал борьбу буржуазной интеллигенціи, раздоры начали разрушать ея прежнее единство. Одна часть ея сочла достаточным добытое и хотѣла помириться с остатками прошлаго, чтобы обезпечить за собою настоящее и предохранить себя от грядущих бурь темнаго будущаго. Это умѣренное крыло интеллигенціи имѣло за собою крупную буржуазію, которая по своему общественному положенію могла быть наименѣе взыскательной. Что нужно крупному капиталисту? Ему нужен «вольный» и голодный пролетарій, как владѣлец и продавец рабочей силы: освобожденіе крестьян доставило ему вдоволь этого живого матеріала. Ему нужна хорошая полиція для охраны «порядка» и «собственности»: революція с первых шагов создала ее. Капиталисту нужно еще возможно дешевое правительство: монархическая конституція вводит извѣстный порядок в систему государственных доходов и расходов. И крупный капиталист скоро утомился революціей и с удовольствіем поддерживал умѣренную, конституціонно-монархическую интеллигенцію. Крупный капиталист не может быть послѣдовательным либералом. Поэтому вездѣ, гдѣ дворянство и духовенство благоразумно уступали революціонному напору и дѣлали частичныя уступки либерализму, крупная буржуазія охотно бросала непривычный фригійскій колпак и вступала в союз с реакціонными силами стараго міра. Так было в Германіи, в Австріи... Вздорная глупость, будто в этих случаях крупная буржуазія «измѣняет народу», «продает дѣло свободы». Наоборот, она измѣняет себѣ, своим кровным интересам, когда она пялит на себя революціонно-демократическій плащ и рядится в тогу народнаго трибуна. Неудивительно, что вскорѣ послѣ первых успѣхов революціи она охотно пошла за самыми умѣренными интеллигентными представителями своего класса.

Рядом с этим умѣреннымъ теченіем в буржуазной интеллигенціи обнаружилось другое направленіе которое своей революціонностью внушило страх всей остальной интеллигенціи. Чтобы сломить упорное сопротивленіе реакціи, нужны были крупныя общественныя силы: их могли доставить только народные низы. Чтобы привлечь на сторону революціи крестьянство и всю мелкую буржуазію, интеллигенція должна была сдѣлать всѣ крайніе выводы буржуазнаго либерализма: их освятила конституція 93 года.

Но вмѣстѣ с мелкой буржуазіей поднялись и городскіе рабочіе, на авансценѣ появился пролетаріат. И вот среди буржуазнаго ликованья раздался первый грубый пролетарскій свист, который заставил всполошиться всю буржуазію, и жестокія кары обрушились на головы первых туманных идеологов рабочаго класса. Но все же рядом с ликующим либерализмом появился страшный призрак—соціализм.

Напрасны были всѣ усилія буржуазіи задержать рост соціализма. Ни замалчиванье, ни суровая критика новаго ученія, ни жестокая расправа с первыми соціалистическими обществами не остановили развитія соціалистической идеи. Идея крѣпла, от туманных грез она перешла к положительному ученію, соціалистическая партія из утопической секты сложилась в международную соціальную демократію. Ученіе соціализма широко распространилось в народных массах и даже в средѣ господствующаго класса. Соціаль-демократія проникла в парламенты, ландтаги, муниципалитеты, из которых нѣкоторые цѣликом завоеваны соціалистами.

Но странное дѣло! Соціаль-демократія стала грозной силой в цѣлом рядѣ европейских стран, господствующій класс боится ея и заигрывает с ней, были даже попытки приглашенія соціалистов на министерскіе посты, а между тѣм реальная сила соціаль-демократіи видимо падает. В ея собственных рядах чувствуется какое-то смятеніе: повсюду расколы, часто из-за пустяков, как в нашей отечественной соціаль-демократіи, разногласія растут, количество ея членов, т. е. сознательных соціаль-демократов, а не голосующих, крайне туго растет даже в Германіи и сильно падает во Франціи, Голландіи, Италіи и др. странах. Замѣчательно, что в самых свободных странах соціаль-демократія не может укрѣпиться и теряет почву там, гдѣ кое-как пустила корни. Напрасны заклинанія, которыя в изобиліи творят разные с'ѣзды в видѣ многошумных резолюцій: соціаль-демократія, видимо,

страдает, от какой-то внутренней болѣзни, загадочной и неизлѣчимой.

В то же время пускает все болѣе глубокіе корни новая идея, которая долго, почти незамѣтно жила и развивалась. Эта идея вездѣ вытѣсняет соціализм, неуклонно подрывает к нему довѣріе в рабочих массах и становится новым символом вѣры рабочаго люда. Как нѣкогда либерализм неистово-враждовал с соціализмом, так послѣдній теперь свирѣпо преслѣдует своего могильщика. Клевету, ложь и насиліе соціалисты считают вполнѣ годными средствами для борьбы с этим новым ученіем. Его сторонники подобно первым соціалистам, должны прятаться в подземельях и вдали от зоркаго ока вездѣсущей власти ковать оружіе для борьбы с врагом. Для них нѣт пощады, нѣт законов, для них возстановлена в Испаніи инквизиція, они населяют тюрьмы «республиканской» Франціи и других «свободных» стран, в которых соціалисты считаются почтенными гражданами и принимают участіе в изданіи законов и управленіи страной. Они настоящіе отщепенцы современнаго общества, но к ним же все больше обращается вниманіе всѣх; их ненавидят, но их боятся' их ученіе презирают современные рабовладѣльцы, но оно льет бальзам в измученныя сердца современных рабов... Кто же эти люди, окруженные таинственным ореолом величія и героизма? Как зовут они свое ученіе? Этих заклятых врагов современнаго строя зовут теперь анархистами и их идеал-Анархія. Идея анархіи—вот то ученіе, которое идет на смѣну соціализму, подобно тому как соціализм когда-то смѣнил либерализм.

В чем же причины этой смѣны идей? Какія силы подорвали корни соціализма и безпрерывно питают всѣм ненавистный анархизм. Каково классовое содержаніе этих двух великих ученій?

Мы без труда отвѣтим на эти вопросы, внимательно разсмотрѣв содержаніе и взаимное отношеніе либерализма, соціализма и анархизма.

Либерализм отрицает кастовыя привиллегіи, но отстаивает экономическое неравенство, т. е. классовыя противорѣчія. Он отрицает родовую аристократію, но признает денежную. Он ненавидит меч дворянина, но преклоняется перед мѣшком банкира.

Соціализм идет дальше и требует уничтоженія современнаго дѣленія общества на классы имущих и неимущих, на буржуазію и пролетаріат. Он стремится к уничтоженію той пропасти, которая теперь существует между отдѣльными общественными классами. Но хочет-

ли соціализм добиться полнаго экономическаго равенства? Хочет ли он добиться полной политической свободы? Нѣт и нѣт: соціализм оставляет наемный труд и неравенство заработков; а, главное, он оставляет государственную власть и тѣм сохраняет послѣднюю антагонистическую форму дѣленія людей на управляющих и управляемых, правителей и подданных. Он готов наложить свою руку на частнаго капиталиста, но почтительно останавливается перед полицейским и чиновником.

Анархизм дѣлает послѣдній шаг по пути к освобожденію личности: он добивается полнаго уничтоженія власти во всѣх ея видах, уничтоженія государства, хотя бы в видѣ демократіи.Его идеал не жандарм, охраняющій рабочаго, а полное уничтоженіе самого института жандармеріи, уничтоженіе всѣх организацій насилія, превращеніе буржуазнаго государства не в соціальную республику, а в рабочее общество, в свободный союз свободных рабочих ассоціацій.

Наивному человѣку может показаться, что эти три ученія отличаются друг от друга только большею послѣдовательностью и логичностью. Но этот дѣтскій взгляд не выдерживает никакой критики. Классы борются не для защиты оскорбленной священной логики, а для охраны своих интересов. Если какая-нибудь общественная группа хочет остаться «нелогичной», «непослѣдовательной», «трусливой», то в этом скрывается тайна ея групповых интересов, тайна, благодаря которой кажущіеся «пороки», превращаются в классовыя «добродѣтели». Смѣшно, поэтому, бичевать ее за эти «пороки», глупо читать ей лекціи о морали и смѣшить ее тошным повтореніем законов логики. Вмѣсто этих безполезных комических усилій, которыя так сильно напоминают басню о добродѣтельном и глупом поварѣ и порочном, но хитром котѣ, лучше поставить себѣ вопорс: почему же данный класс дѣйствует именно так, а не иначе? Какіе интересы сознательно или безсознательно руководят его тактикой, диктуют ему опредѣленныя симпатіи, создают опредѣленные взгляды?

С этой точки зрѣнія классовое содержаніе либерализма теперь уже внѣ всякаго сомнѣнія. Теперь уже никто не станет отрицать, что либерализм есть чистѣйшее выраженіе интересов буржуазіи в цѣлом. Либерализм сыграл великую революціонную роль в борьбѣ с мраком средних вѣков, но он глубоко реакціонен, как только заходит рѣчь о преобразованіи капитализма.

Но какому общественному классу служит современный соціализм, который так гордится самозванным чи-

нам научности? Чьи интересы выражает этот «научный соціализм»?

Спросим раньше всего самих соціалистов: какой класс представляете вы в современном обществѣ? Они с гордостью дают нам отвѣт: «мы единственные представители рабочаго класса. Только мы боремся за его полное освобожденіе и только мы охраняем его интересы всегда и вездѣ».

Но так ли это, господа? Не ошиблись ли вы? Вы сами нас учите, что о партіях и классах нужно судить не по тому, что они говорят, а по тому что они дѣлают. Развѣ либерализм не клянется до сих пор, что он защитник интересов всего человѣчества, что он храбрый, постоянный защитник культуры, прогресса, свободы и других великих общественных сокровищ? И хотя либерализм, дѣйствительно, оказал грандіозные услуги освобожденію человѣка, хотя он когда-то с'умѣл так глубоко и сильно воодушевлять борцов и создал цѣлую плеяду титанов с крѣпким умом и гордым сердцем, мы бросаем ему в лицо дерзкій окрик: «Ты лжешь, ты лжешь! Ты чванишься тѣм, будто бы защищаешь «культуру». Но ты благоразумно умалчиваешь, что эта культура—буржуазная, что она служить кучкѣ бездѣльников и тунеядцев, а питается плотью и кровью забитых, обѣднѣвших рабочих масс. Ты кичишься охраной «свободы», но эта буржуазная свобода есть вѣрный залог вѣчнаго рабства тѣх святых тружеников, которых ты безстыдно клеймишь «подлой чернью». Ты сторонник прогресса, но твой жалкій прогресс только звук пустой, ты прикрываешь им твое глубокое желаніе держать в вѣчном невѣжествѣ народ. Ты на дѣлѣ не защитник человѣчества, а вѣрный лакей буржуазіи».

Почему говорим мы так либералам? Развѣ потому, что они сознательно лгут? Нѣт! Но потому, что на дѣлѣ их слова противорѣчат их дѣйствіям, а только в тактикѣ обнаруживается тайна классового происхожденія.

Почему должны мы сдѣлать исключеніе для вас, соціалистов? Почему мы должны вам вѣрить на слово? Гдѣ ваши великія дѣла, ради которых мы должны питать к вам исключительное довѣріе? Припомните всю ту массу грязи, которой вы покрыли себя во всѣх странах? В Германіи вы еще недавно вступили в союз с попами, а на Іенском с'ѣздѣ отказались рѣзко порицать даже тактику Бюлова этого германскаго Плеве, чтобы показать свою лойяльность и патріотизм... В Бельгіи вы отказались дать женщинам избирательное право; посредством предательскаго союза с либералами в 1902 г. погубили

вы, генеральную стачку, когда она готовилась стать дѣйствительно революціонной. В бельгійских соціалистических кооперативах вы продаете житія святых, четки не меньше, чѣм монастырскія лавки. В Испаніи вы боролись против забастовавших рабочих и убѣждали англійских пролетаріев не помогать их несчастным братьям—испанским «вольным» рабочим. Во Франціи вы в теченіе цѣлых лѣт братаетесь с буржуазіей и часто предлагаете законы, которые кажутся реакціонными даже радикальным буржуа. В этой же Франціи, в Лиможѣ ваш муниципалитет оффиціальально отрекся от возставших рабочих, которые напали на оружейные магазины послѣ того, как солдаты стрѣляли в безоружных рабочих, женщин и дѣтей. Вы, что живете соками рабочих и засѣдаете в парламентах и муниципалитетах, вы заявили в Лиможѣ, что снимаете с себя отвѣтственность за печальныя событія по поводу рабочих безпорядков и назвали (поймите весь ужас ваших слов), этих героев-пролетаріев бандитами. В Голландіи вы так позорно измѣнили рабочим во время их всеобщей забастовки, что возбудили к себѣ лютую ненависть пролетаріата и только с большим трудом, по вашим собственным словам, немного утихомирили возмущенных рабочих... В Швейцаріи вы имѣете своих полицейских приставов... Религію вы об'явили «частным дѣлом», чтобы не пугать отсталых масс и купить себѣ их довѣріе и голоса измѣной своим убѣжденіям. Вездѣ вы кичитесь своим патріотизмом и прививаете любовь к «отечеству» тѣм самым пролетаріям, которых это милое отечество кормит свинцом и кровью... А Мильеран? Вы забыли это имя и уже торопитесь в Россіи во «временное правительство»... Вы забыли, что у «пролетаріата нѣт отечества», вы забыли, что честный человѣк не может присягать на вѣчность экономическому и политическому строю, который он хочет уничтожить—только для того, чтобы получить парламентское кресло... Вы все забыли, все, что мѣшает на спинѣ пролетарія пролѣзть в парламент... Чтож, господа, продолжайте в этом духѣ, бросьте революціонную фразеологію и дѣйствуйте откровенно... Мы, анархисты, идем за вами слѣдом, зорко слѣдим за каждым вашим шагом, строим свои батальоны и... скоро настанет уже день, когда мы похороним вас со всѣми остатками рабства, лжи и бѣдности... Да здравствует Анархія!

Какому же классу служит современный соціализм фактически, а не на словах? Мы отвѣчаем прямо и без обиняков: соціализм есть выраженіе интересов не рабочаго класса, а так называемой разночинной, или деклассиро-

ванной интеллигенціи. Об'яснимся—что мы хотим сказать этим?

Интеллигенція не представляет однороднаго цѣлаго—она рекрутируется преимущественно из крупной и мелкой буржуазіи. Выходцы из среды крупной буржуазіи—профессора, высшіе чиновники, масса юристов, врачей и т. д.—ничѣм не отличаются от своей прежней среды: это чистые буржуа не только по образу жизни, но и по убѣжденіям; они теоретики и сторожевые псы буржуазнаго міра и самые заклятые, опасные враги рабочаго класса. Иное значеніе имѣет мелкобуржуазная интеллигенція. Она представляет из себя группу, далеко отличную от крупной буржуазіи. Если для буржуазной интеллигенціи ея знаніе является своего рода выгодно помѣщенным капиталом, приносящим часто весьма недурные проценты,—для мелкой буржуазіи «образованіе стало товаром», который далеко не всегда находит себѣ полный сбыт и доставляет их владѣльцам часто полунищенское существованіе. Эту многочисленную группу мы и будем называть разночинной или деклассированной интеллигенціей, так как она не совпадает ни с одним классом. От буржуазіи и от буржуазной интеллигенціи она отдѣлена непроходимой стѣною и служит для них таким же предметом эксплуатаціи, как и рабочій класс; она далека и от пошлаго торгашества мелкой буржуазіи и от чисто трудовой жизни наемнаго рабочаго крупной промышленности. Это—группа дѣйствительно деклассированная, разночинная. Психологію этой общественной группы и выражает современный соціализм.

В самом дѣлѣ, каковы интересы разночинной интеллигенціи? Разночинец раньше всего непримиримый враг деспотизма, искренній и беззавѣтный демократ—республиканец, ибо всякое стѣсненіе политической свободы ложится на него невыносимым бременем: его товар—образованіе может имѣть сносный сбыт только в политически свободной странѣ. Свобода печати и слова для него являются таким же непремѣнным условіем жизни, как свобода собраній и стачек для рабочаго. Всякій шаг на пути демократизированья государства является для него новым поприщем для приложенія его сил. Разсмотрите современные парламенты, муниципалитеты, всѣ представительныя учрежденія всѣх государств... Спросите: какой общественный элемент преобладает в них? Вы найдете, что вездѣ орудует все тот же нервный, шумливый и пронырливый разночинец. Не трудно понять, что «свобода» должна быть настоящим символом вѣры разночиннаго интеллигента: не легко найти того разночинца, у котора-

го сердце не забилось бы сладкой тревогой от этих двух музыкальных слов: политическая свобода.

На первых ступенях капитализма разночинец и был исключительно борцом за «свободу», исключительно демократом. Это он наложил свой рѣзкій отпечаток на Великую Французскую Революцію. Из среды разночинной интеллигенціи вышли—Камиль Демулен, Робеспьер, Дантон, Марат и др. Так как сама по себѣ она своей численностью никогда не представляла значительной силы, она всегда нуждалась в народной опорѣ. Понятно, что легче всего она могла найти серьезную помощь в рядах мелкой буржуазіи, с которой у нея тогда были во многом сходные интересы. Союз разночинца и мелкаго буржуа и создал европейскую демократію, которая господствовала повсемѣстно до второй половины XIX в. Пролетарій играл в ней незначительную, подчиненную роль.

Но развитіе капитализма подкосило устои мелкой буржуазіи. В испугѣ перед грозно наступающим капитализмом, она бросается в об'ятія реакціи—монархизма и антисемитизма. Разночинец, который до сих пор остался и не мог не остаться вѣрным демократом, «солдатом революціи», как любил называть себя типичный разночинец Либкнехт, почувствовал, что у него почва зашаталась под ногами. Он оказался без опоры, висящим в воздухѣ, старым генералом без арміи...

Что дѣлать? Как быть? Гдѣ найти силу для защиты старых идеалов? Кто возьмет на себя тяжелое дѣло искорененія и защиты Республики? С грустью глядит вокруг себя разночинец и привычным опытным взглядом он ищет. К кому он пойдет? Понятно, не в чинные салоны аристократіи, гдѣ прозябают послѣдніе жалкіе экземпляры когда-то могучей породы воинственнаго феодальнаго дворянства: его плохонькій пиджак там так же презирают, как крестьянскую серьмягу и рабочую блузу... Нѣт, с этими беззубыми хищниками разночинец будет продолжать свою старую славную борьбу, борьбу за свѣт против мрака, против душнаго средневѣковья... Не пойти ли ему в богатую гостинную, гдѣ послѣ плотнаго обѣда в дружеской бесѣдѣ с «конкурентом» крупный буржуа рѣшает «рабочій вопрос». Там иногда так долго говорят о реформах, мѣрах, мѣропріятіях, проэктах... особенно послѣ сильных рабочих безпорядков, когда «подлая чернь» пытается взять себѣ с бою свое право на жизнь... Но нѣт! И в буржуазной гостинной не мѣсто разночинцу; тут смѣются над республикой и свободой так же искренно, как и в аристократических салонах: дворянин готов все промѣнять на хорошую «наслѣдственную» долж-

ность, а чего; чего порядочный капиталист не продаст за хорошую концессію? Только жиденькій, хитрый, умѣренный либерал может еще найти опору в кошельках и умах крупной буржуазіи, но не он — разночинец, этот честный радикал-демократ, который так много, так славно боролся за «свободу»...

Может быть, попытаться все таки сохранить за собою свою старую опору—мелкую буржуазію—и взять на себя охрану ея от убійственнаго капитализма?.. Может быть, «черный передѣл»—новое распредѣленіе всѣх земель между мелкими сельскими производителями,—мелкій кредит, коопераціи смогут оживить еще раз когда-то горделивую мелкую буржуазію? И вот во всѣх странах разночинец старается вырвать мелкую буржуазію из рук реакціи, без конца сыплет обѣщаніями, которых он никогда не сможет исполнить. Он идеализирует свой; «народ», строит планы, мечтает, организует свои «партіи» или идет рядом с другими, родственными по духу... Во Франціи эти разночинцы называют себя поссибилистами (жоресисты и бруссисты), в Германіи ревизіонистами, в Россіи соціалистами-революціонерами.

Но увы! Результаты усилій плачевны.... Нельзя оживить трупа; никакіе труды разночинной интеллигенціи не воскресят стараго свободнаго духа в жалкой душонкѣ мелкаго лавочника. Дух свободы ушел из среды мелкой буржуазіи навсегда ушел из маленькой лавочки и крестьянской хижины в просторныя фабрики крупных городов, чтобы там, под грохот машин, пѣть пролетарію великую, чудную пѣснь о счастьѣ, о волѣ всего человѣчества.. Только один великодушный пролетарій является теперь самым смѣлым стражем свободы, человѣчности и правды... Крупные, средніе и мелкіе буржуазные коршуны рвут на части его богатство, плоды его рук, а он—тот, кто все производит, хочет только одного: «жить работая или умереть сражаясь»... Это он-наивный пролетарій—выходил из своих предмѣстій умирать на баррикадах, как только ему чудилась блѣдная зоринька свободы... Это он об'явил в 48 г., что он требует «права на труд», между тѣм как всѣ классы добиваются только права на праздность... Это он создал Коммуну. Есть ли хоть одно мѣстечко в мірѣ, необагренное твоей горячей кровью, брат наш рабочій? А ты по прежнему в рабствѣ.

Неудивительно, что и разночинец скоро разгадал, какую могучую силу представляет многочисленный и вѣчно растущій пролетаріат, и он сказал себѣ устами Плеханова: «революція не восторжествует никогда или восторжествует, как движеніе рабочих». Он увидѣл, что этот

мятежный пролетаріат куда-то идет, часто сам не сознает ясно куда, но никогда не становится на защиту реакціи —только там, гдѣ свѣт и свобода, борется и умирает пролетарій. Он увидѣл, как инстинктивно пролетаріат начал стремительно организовывать свои силы и вступил в неравную борьбу со своим хищным врагом—буржуазіей—и со всей ея страшной машиной—организованной властью. Разночинец, понял, что на смѣну старому народу средневѣковья явился новый народ, народ рабочій, пролетаріат, который носит в себѣ самом великую миссію—разсѣять мрак и уничтожить рабство, разорвать всѣ человѣческія и божескія цѣпи.

Разночинец взглянул на самого себя и почувствовал что его что-то связывает с этим вѣчным бунтарем-пролетаріем... Развѣ его интеллигентный труд не так же сильно убивает его силы, как труд рабочаго? Развѣ его не эксплуатирует так же безстыдно буржуазія? Развѣ он,—вѣчно ищущій, свободолюбивый разночинец—может когда либо помириться с капитализмом, с этим наглым насиліем над трудом и личностью? Во что превратил буржуа его красивый, сіяющій девиз: свобода, равенство и братство! Эти слова звучат теперь только грубой насмѣшкой над порабощенным, ограбленным и униженным рабочим народом. Развѣ свободен нищій пролетарій, который должен продавать свою шкуру, чтобы только дышать? Развѣ голодный рабочій, этот современный раб, может быть равен сытому капиталисту, господину буржуазнаго міра? А братство? Над ним откровенно смѣется буржуа: не даром он написал это слово на всѣх своих тюрьмах, куда он сажает своих «преступников», т. е. голодных и недовольных.

Что же дѣлать, чтобы наконец осуществить желанную свободу? спрашивает себя разночинный интеллигент и сам себѣ отвѣчает: нужно обезпечить каждаго человѣка трудом и заработком, нужно дать пролетарію «право на труд»—нужно устроить так, чтобы каждый желающій работать, всегда находил работу: тогда исчезнет пропасть между людьми... Но это «право на труд» непримиримо со свободной конкуренціей: нужно поэтому «организовать производство», т. е. отнять распоряженіе орудіями производства у маленькой монопольной группы капиталистов и передать его демократическому государству. Вот и все!

К чему сводится перемѣна? Государство рядом с полиціей, образованіем и почтой получает еще одну функцію—организацію производства и обмѣна. Рядом со всѣми «правами» гражданин получает еще одно право—пра

во на труд. Полиція и чиновничество получают новую обязанность—блюсти порядок не только на улицах, но и на фабриках и заводах. Республика—эта вѣчная возлюбленная разночинца с ея парламентами, в которых он так любуется своим краснорѣчіем—не умирает, а получает новые соки и достигает невиданной силы: она получает только новый эпитет «соціальная». А он, разночинец, нисколько не измѣнил своим старым, дорогим убѣжденіям, он по прежнему ярый демократ с тѣм же безобидным эпитетом «соціальный».

Но как же приблизить этот «рай земной»? Разночинец, который уже по своему соціальному положенію всегда склонен ставить все на голову, отвѣчает: современный строй держится властью парламента, овладѣть этим парламентом значит овладѣть государственной властью, сдѣлать буржуазное государство пролетарским. Но парламент носит свой теперешній ярко буржуазный характер потому, что он состоит из буржуазных интеллигентов... Нужно их замѣнить соціаль-демократами, т. е. разночинцами, и свирѣпая голова буржуазной Медузы превратится в прекрасную голову пролетарской Венеры...

С твердым видом выпрямляется разночинец: он нашел разгадку соціальнаго сфинкса. Он нашел средство спасти пролетаріат от нищеты и смерти, не нанося тяжелаго удара буржуазіи; разрушить современное общество «развивая его», т. е. поддерживая и укрѣпляя его; «упразднить» государство, создавая новую государственную власть; добиться свободы личности, уничтожив святое святых личности—свободу труда, вдвинув личность в рамки планомѣрнаго (т. е. обязательнаго, принудительнаго производства*); а главное, уничтожить господство человѣка над человѣком, став самому организатором про изводства, т. е. настоящим господином... И для этого «рая» нужно так мало. Нужно только пролетарію оставить всякія «утопическія» мечтанія крѣпким ударом кулака свалить на землю своего буржуазнаго вампира, ждать, набраться терпѣнія и только каждыя нѣсколько лѣт подать свой голос за того или иного разночинца интеллигента до тѣх пор, пока их не станет большинство, а тогда... тогда...Но что будет тогда, современный демократ считает лишним говорить; он чувствует, что он не может сказать всю правду рабочему человѣку.

Но тут возвышает свой голос анархист, этот вѣчный «грубіян» и природный мятежник. Он говорит рабочему люду: ты разрушил дворянскую Бастилію в 89 г., но толь-

*) К. Кауцкій «Соціальная революція» стр. 159.

ко для того, чтобы построить себѣ Бастилію буржуазную: по прежнему стонет рабочій в каждом городѣ, на каждой фабрикѣ, стонет от ига наемнаго труда. Почему ты ничего не добился во время Великой Французской Революціи? Потому, что ты боролся не за свое дѣло, потому, что шел под чужим знаменем, ты шел за буржуазіей добывать ей политическую свободу: ты убивал дворян и попов, чтобы обогатить своего хозяина—капиталиста, своего злѣйшаго врага. Что ты дѣлал в 48 и 71 г.г. во Франціи? Горьким опытом ты научился уже не довѣрять сытым буржуа, но ты нашел себѣ новых командиров-интеллигентов, которые в качествѣ соціалистов через твои спины перелѣзли во временное правительство (в 48 г.) и Совѣт Коммуны (в 71 г.), но, повидимому, только для того, чтобы дать тебѣ новое разочарованіе, показать тебѣ, как ты довѣрчив и наивен и научить тебя простой и великой истинѣ—что рабочій класс нигдѣ не должен искать себѣ спасителей: ни в туманных облаках пустого неба, ни в роскошных дворцах царей, ни в палатах богачей, ни в каких парламентах. А ты, русскій рабочій, повторяешь старую ошибку твоих братьев европейских рабочих. Во имя чего шел ты в Петербургѣ 9 января и падал от вѣроломной пули свирѣпаго казака? Во имя чего твои дѣти и жены обагрили кровью холодные камни столичных улиц? Во имя стараго жалкаго буржуазнаго обмана—во имя политической свободы, во имя буржуазной Бастиліи—парламента, гдѣ будет командовать тобою твой хозяин-кровопійца.

За что умирал ты в Варшавѣ, Лодзи, Одессѣ, во всѣх городах нашей обширной родины-мачехи? За ту же лживую свободу дохнуть с голоду на другой день послѣ побѣды. И все потому, что ты, наивный рабочій, вѣришь твоим новым благодѣтелям, соціалистам, что вѣчно ждешь спасенія свыше, от начальства. А ты сам должен стать своим спасителем. «Освобожденіе рабочих должно быть дѣлом самих рабочих».

Брат наш рабочій! прислушайся хорошенько к рѣчам твоих новых командиров-соціалистов. Что обѣщают они тебѣ хотя бы в далеком будущем? Только новое рабство Теперь ты работаешь на отдѣльных капиталистов, в соціалистическом государствѣ ты будешь работать на свое начальство: парламент будет тебѣ указывать как, гдѣ, сколько работать, когда начать рабочій день, когда кончать его, какія машины употреблять и какія оставлять, какую плату давать тебѣ за твой тяжелый труд... Словом, ты опять будешь на фабрикѣ не распорядителем, не господином, а тѣм же подчиненным рабочим, той

же живой машиной, которою вертят другіе: теперь—капиталист, а потом парламент. Ты не будешь имѣть права выбирать себѣ труд по душѣ; тебя погонят на работу, как когда-то гоняли на барщину, только без кнута, а по указу начальства—парламента.

Как ты в началѣ боролся за интересы буржуазіи и добивался для нея политической свободы, так ты борешься теперь за интеллигентов, чтобы создать им соціалистическое общество, в котором они будут хозяевами жизни, ибо, подумай, брат наш, многіе ли из рабочих, задавленных нуждою, попадут в парламент, гдѣ нужны именно интеллигенты.

Нѣт! Нѣт! Ты должен взять судьбу свою в свои же руки. Ты должен уничтожить всякое господство Капитала и Государства. Рабочіе должны соединяться в вольные союзы свободных профессіональных обществ и не признавать над собою никакого начальства, никаких законов: ни бога, ни хозяина, ни власти! Да здравствует Анархія!

Так говорим мы, анархисты... Мы не знаем, поймет ли сейчас русскій рабочій народ святую правду наших слов... Может быть, он повѣрит лживой сказкѣ политиканов и честолюбцев и пойдет за них проливать свою кровь и ковать себѣ новыя цѣпи. Кто знает? Нельзя пронзить теперь взглядом туманную даль... Но мы пойдем вперед с открытым забралом, твердой рукой и крѣпкой вѣрой в рабочій народ. Мы не знаем страха перед врагом и не дадим ему пощады: мы об'являем войну всѣм царям и парламентам, буржуа и соціалистам—всѣм врагам рабочаго люда.

Старый мір нищеты и насилія хотим мы разрушить до тла и создать новый мір—мір труда и свободы... С крѣпостных стѣн современнаго общества хотим мы сорвать, растоптать в пыли трехцвѣтное знамя буржуазіи и развернуть над всей землею черное знамя рабочаго класса—знамя Анархіи.

XII.

Классовый характер соціаль-демократіи.

Соціальдемократизм не есть выраженіе интересов рабочаго класса, а является идеологіей разночинной интеллигенціи или так называемаго «новаго средняго сословія». Присмотримся к этому положенію.

Одним из самых главных положеній «научнаго» соціализма является тот взгляд, что вершителем исторических судеб являются об'ективныя силы экономических отношеній, что роль личности ничтожна в сравненіи с могучими силами стихійнаго процесса. Из этого взгляда соціаль-демократы совершенно правильно дѣлают тот вывод, что соціальная революція не может быть сознательно сдѣлана, что революцій не совершают, ибо онѣ только совершаются.

Но за то—странное противорѣчіе! Когда рѣчь заходит о политическом переворотѣ, о буржуазной революціи, они откровенно измѣняют своим научным взглядам, они сознательно «готовят революцію, готовят революціонную армію», готовятся к временному правительству, словом готовят цѣлую программу революціи. Почему такая непослѣдовательность? Почему дворянско-поповско правительство нужно свергать сознательно-организованным насиліем, а буржуазное правительство может быть свергнуто только стихійными силами экономическаго развитія? Почему остатки крѣпостничества, остатки феодальнаго строя могут быть сознательно разрушены революціонным пролетаріатом, а обветшалое зданіе буржуазной эксплуатаціи может быть опрокинуто только стихійным ростом об'ективных сил?

Почему пролетаріат может быть безпощадным, пока рѣчь идет о феодальных эксплуататорах, но должен почтительно трепетать перед буржуазной собственностью? Откуда происходит такая двойная мѣра по отношенію

к двум одинаково враждебным пролетаріатv эксплуататорам?

На всѣ эти безконечныя «почему» может быть только один отвѣт: соціаль-демократія есть партія интеллигенціи. Интеллигенція угнетена экономически, но она нисколько не страдает от политическаго гнета в так называемых свободных странах. Поэтому в республиканских и конституціонных государствах они должны бороться только за уничтоженіе современной формы капитализма и должны сопротивляться всѣми силами уничтоженію современнаго государства, которое является в ея руках таким могучим орудіем власти.

Вот почему они должны всѣми силами бороться за «политическую свободу». Гдѣ этой свободы нѣт или гдѣ ей угрожают, она должна, естественно, забыть о всяких об'ективных силах, исторических процессах и других пустяках. Когда рѣчь идет о реальных интересах, реальные люди плюют на метафизику. Понятно, что соціаль-демократическая интеллигенція готова на всякое усиліе и насиліе, чтобы раздобыть или сохранить политическую свободу. Русскіе соціаль-демократы поэтому сознательно готовят революцію.

Даже самые умѣренные, т. е. самые послѣдовательные из с.-демократов, люди, вродѣ Бернштейна, стоят за необходимость сознательно подготовленной революціи, когда буржуазное правительство посягнет на главную опору интеллигенціи, на всеобщее избирательное право. Но раз избирательное право добыто, с.-демократическая интеллигенція перестает быть непримиримым врагом существующаго общества. Наоборот, она вступает в это общество законным сыном.

Она получает в свои руки орудіе, с помощью котораго она может или надѣется преобразовать существующій строй. Она перестает быть в прежней оппозиціи ко всей буржуазіи в цѣлом,—она становится только крайней лѣвой. Из презрѣннаго гонимаго пасынка она превращается в капризнаго и требовательнаго сынка.

С буржуазіей у соціаль-демократіи одна и таже почва—существующій политическій режим—парламент, с той только разницей, что буржуазія хочет посредством парламента «упрочить господство капитализма»*), а соціаль-демократія хочет «при помощи парламентаризма его разрушить», правильнѣе преобразовать.

Между тѣм феодальное правительство стремится совершенно уничтожить парламентаризм и хочет таким об-

*) Парвус. Искра № 110.

разом отнять у интеллигенціи основныя условія ея жизни и господства. Отсюда: непримиримая война «феодальной реакціи» и кокетливая улыбка буржуазному либерализму. Бомбы, ружья, кинжалы и всякое насиліе для строптиваго правительства дворян и рыцарская любезность буржузаному министерству, превознесеніе массовой политической стачки и пренебреженіе генеральной революціонной стачкой. Отсюда же вытекает и «научная» теорія революціи, которая подобно Янусу, имѣет два лица: одно мрачное, воинственное («суб'ективное»), направленное в сторону феодальнаго дворянства и другое нѣжное, миролюбивое («об'ективное»), ласково созерцающее буржуазію.

Но перейдем от разбора ученія к его исторіи. Что она говорит нам?

С первых страниц мы узнаем, что соціаль-демократія далеко не всегда была такой, какой мы видим ее теперь,—и она умѣла быть революціонной. В пору своей юности, когда на ея молодых плечах еще не лежало бремя «государственных забот», когда она еще не была допущена в «хорошее общество», она тоже умѣла выпрямляться в весь свой рост и говорить таким тоном, что трепет охватывал бѣдных мирных буржуа.

«Коммунисты считают позорным скрывать свои цѣли. Они говорят откровенно, что их цѣль может быть достигнута только насильственным разрушеніем существующаго строя. Пусть господствующіе классы дрожат перед коммунической революціей. Пролетаріям нечего в ней терять, кромѣ своих цѣпей. Им предстоит пріобрѣсти цѣлый мір. Пролетаріи всѣх стран соединяйтесь!»

Это говорит не какой-нибудь невѣжественный утопист-анархист, который не понимает, что революціи нельзя совершать. Это говорит «сам» учитель Маркс. Может быть такой революціонный тон был только случайным явленіем далекаго прошлаго? Послушаем Либкнехта. В 1869 г. он сказал, что соціализм не является болѣе вопросом теоріи, а есть «вопрос силы». Он не может быть рѣшен в парламентѣ, но на улицах, в битвѣ. Парламент полезен только мелким буржуа. Бебель сказал на партейтагѣ в Ганноверѣ: «кто хочет добиваться цѣли соціализма посредством парламентаризма или не знает этой цѣли, или хочет обманывать».

В органѣ гедистов (французских ортодоксальных соціаль-демократов) 21 января 1880 года мы читаем: «наше дѣло не в том, чтобы имѣть много депутатов в пар-

ламентѣ, наше дѣло организовывать рабочих для революціи».

Поль Брусс—один из самых ярых выразителеи современнаго оппортюнизма, говорит в 1888 году: Единственное положеніе, которое должен принять народ во всякой странѣ состоит в том, чтобы разрушать свое правительство постоянно, но никогда в пользу новаго.

Как видите, соціль-демократы умѣли говорить не только почтительным тоном государственных людей, но и языком революціонеров.

Около 80 годов в одной странѣ раньше, в другой позже, в международной соціаль-демократіи обнаруживается новое теченіе. Прежній революціонный язык совершенно изчезает, исчезает прежнее непримиримое отношеніе к буржуазному строю. Одни за другими наперерыв вожди соціаль-демократіи не только вступают в сдѣлки с буржуазным режимом, но возводят их в принцип.

Либкнехт, тот самый Либкнехт, который с таким презрѣніем говорил о парламентской дѣятельности, написал цѣлую брошюру против всяких компромиссов и был ярым защитником насилія*), начинает толковать о реакціонном вліяніи насилья и революціонном значеніи легальности. Он не только, говорит, он дѣйствует! Он присягает на вѣрность экономическому и политическому строю, чтобы войти депутатом в саксонскій ландтаг. Еще рѣшительнѣе отказался от своего революціоннаго прошлаго Бебель. Ученый теоретик Карл Кауцкій взял на себя доблестную задачу обосновать научно эту измѣну революціонным принципам. Он нашел, что прежняя непримиримая революціонная тактика подобала соціаль-демократам, пока они были слабы; когда же соціаль-демократы стали силой, они должны заняться политической работой, т. е. дѣлать мелко-буржуазную работу по старому выраженію Либкнехта, обманывать рабочій класс, как любил когда-то выражаться Бебель. Скоро дѣло дошло до того, что начали отрицать всякое значеніе за самостоятельной дѣятельностью рабочаго класса, начали отрицать стачки и все спасеніе видѣли только в одном—в ростѣ числа депутатов.

Впервые рѣзко проявилось новое теченіе на Эрфуртском с'ѣздѣ. С одной стороны, впервые заговорили Фольмар и другіе оппортюнисты, с другой стороны, громко возвысили свой голос так называемые «молодые», которые были представителями самаго крайняго лѣваго кры-

---

*) В брошюрѣ «Без компромиссов» он говорит, что «сила есть орушіе не только королей, но и народов .

ла с-д-іи, предтечи современных революціонных синдикалистов, как они называют себя во Франціи, или анархо-соціалистов, как они называют себя в Германіи. Между двумя крайними теченіями стояла громадная масса непослѣдовательных и нерѣшительных соціаль-демократов с Бебелем во главѣ. Эти так называемые ортодоксы хотѣли сохранить старую фразеологію и принять новую тактику. Так как дѣло важнѣе фраз, ортодоксы соединились с оппортюнистами и с трогательным единодушіем исключили из партіи всѣх «молодых», т. е. самые свѣжіе революціонные элементы тогдашней соціаль-демократіи. Прошло 15 лѣт со времени Эрфуртскаго с'ѣзда, что дали эти долгіе годы борьбы и испытаній? Они показали только одно, что будущее принадлежит не Бебелю и Кауцкому, а Фольмару и Бернштейну. Теперь ни для кого не может быть сомнѣнія, что оппортюнизм побѣждает вездѣ. Чѣм об'ясните вы это господа? Неужели вы и теперь станете утверждать, что оппортюнизм временное явленіе, увлеченіе нѣскольких лиц? Посмотрите вокруг себя: можете ли вы отличить—по совѣсти говоря—ортодокса от реформиста? Вы безсильны отвѣтить на этот вопрос, потому что откровенный отвѣт обнаруживает классовую сущность соціаль-демократіи.

Кто хочет дѣйствительно понять характер и причины совершившейся эволюціи соціаль-демократіи, должен стать на мою точку зрѣнія. Нужно признать, что соціаль-демократія всегда была партіей интеллигенціи и потому всегда была авторитарной, т. е. стояла за власть, за авторитет. Пока она не была признана законом, пока она не имѣла доступа в парламент, она должна была искать опоры в рабочем классѣ. Как буржуазія в эпоху французской революціи самоотверженно шла на борьбу и браталась с рабочим людом, так и соціаль-демократическая интеллигенція пережила пору восторженной юности.

Когда она была политически угнетена, она естественно не церемонилась с буржуазіей, не страдала от половинчатости и искренно почти цѣликом переходила на «точку зрѣнія» рабочаго класса. Этим об'ясняется рѣзкій тон Манифеста «коммунистической партіи« и вызывающія выходки Либкнехта, Бебеля, Геда и др. ортодоксов. Когда всеобщее избирательное право открыло доступ в парламент интеллигентам, когда они почувствовали близость власти в своих руках благодаря росту партіи, они не могли сохранить старую тактику: безумно было рисковать карьерой, рисковать своей жизнью для революціонной пропаганды, когда им в руки попало

такое могучее орудіе, как государственная власть. Как буржуазія забыла всѣ свои прежнія революціонныя фразы, как только она сама стала у кормила правленія, так и соціаль-демократическая интеллигенція распростилась со своим прошлым едва она стала твердою ногой в парламентѣ. Теперь старая тактика, которая выдвинула столько славных самотверженных бойцов, кажется политиканам только жалким донкихотством. Стыдитесь, господа, вы отрекаетесь от самаго лучшаго, самаго прекраснаго періода вашей исторіи! Дух революціи ушел от вас, как только вы стали «государственными людьми» и перешел к тѣм, которых вы теперь так величественно третируете «утопистами». Дух революціи ушел к анархистам. Для подтвержденія нашего взгляда на соціаль-демократію, мы можем указать еще хотя бы на исторію ея возникновенія в различных странах.

Вспомните, кто составил главное ядро соціаль-демократіи в Германіи. Развѣ не так называемые «эйзенахцы» с Бебелем во главѣ. А вѣдь они прямо, непосредственно, вышли из рядов буржуазной партіи. А Маркс? Энгельс? А весь союз коммунистов вслѣд за ними развѣ не шли долгое время под руководством буржуазіи? Развѣ они не издѣвались над всякой попыткой самостоятельной организаціи рабочих внѣ буржуазно-демократической партіи? Развѣ всѣ вожаки основатели соціаль-демократической партіи не вышли из рядов буржуазіи?

Но нѣт, я не буду останавливаться на всѣх этих фактах. Послушаем лучше немного самих соціаль-демократов. Понятно, что они в обыкновенное время не скажут нам всей правды. Мы должны разпросить их в такой момент, когда они болѣе склонны к откровенности, в особенности в моменты фракціонной полемики. В таких случаях они не останавливаются перед тѣм, чтобы выдать партійную тайну.

Одна брошюра, вышедшая под заглавіем: «Большинство и меньшинство» особенно интересна. Автор ея в борьбѣ с Лениным иногда настолько выбалтывает нѣкоторыя «конспираціи», что заставляет г. Дана дѣлать ему серьезныя внушенія в видѣ примѣчаній.

«Интеллигенція, говорит автор брошюры, страдает прежде всего от самодержавія, поэтому большинство интеллигентов больше всего интересуется политическими вопросами. Рабочій класс страдает главным образом от классового господства, поэтому его интересует соціальный вопрос в цѣлом—и экономическая и политическая стороны его. В этом кроются причины противоположности их стремленій».

«Большинство интеллигенціи выставляет на первый план сверженіе самодержавія, всю тактику партіи она направляет против крѣпости самодержавія, пренебрежительно относится к профессіональной борьбѣ и изгоняет ее из вѣдѣнія соціаль-демократической партіи: профессіональная борьба, но лишь постольку, поскольку она служит средством политической агитаціи—вот в какую сторону направляет большинство интеллигентов партію пролетаріата».

Автор, очевидно, не имѣет никакого представленія о тактикѣ европейских соціаль-демократических партій. Он наивно думает, что стрѣляет в одного Ленина, а на самом дѣлѣ попадает во всю международную соціаль-демократію. Он констатирует коренное различіе в интересах между интеллигенціей и пролетаріатом, он признает противоположность их стремленій и в то же время не замѣчает, что руководит всѣми соціаль-демократическими партіями именно эта интеллигенція, что соціаль-демократія всей своей тактикой, всей своей дѣятельностью отстаивает именно политическіе интересы интеллигенціи, что ея стремленіе торжествует повсемѣстно. Наивное недоразумѣніе, которое выяснится автору, как только русская соціаль-демократія войдет в обычное русло и получит наконец долгожданный парламент.

Наш грузинскій соціаль-демократ видит характерную черту интеллигентской психологіи в пренебреженіи к профессіональной борьбѣ. И опять таки наивный автор не знает, что его стрѣла попала в сердце самых ортодоксальных соціаль-демократов, людей вродѣ Бебеля. Еще недавно Бебель говорил, что рабочіе синдикаты не только не приносят пользы рабочему дѣлу, но вредят освобожденію рабочих, ибо отвлекают их вниманіе от самой главной, самой насущной задачи, от завоеванія политической власти посредством парламента. Наш автор, повидимому, не подозрѣвает, какую жестокую борьбу пришлось выдержать нѣмецким синдикатам с германской соціаль-демократіей, которая стремилась всѣми силами подчинить их себѣ, превратить в простые избирательные комитеты. Недаром нѣмецкіе синдикаты не хотят праздновать первое мая, которое выродилось только в пустую политическую манифестацію. Но не только в Германіи, в Австріи, но и во Франціи, Италіи, Испаніи, в Америкѣ, в Англіи, словом вездѣ только, гдѣ существует соціаль-демократія, вездѣ признается «профессіональная борьба», но «лишь по стольку, по сколько она служит средством политической агитаціи». Значит, если вѣрить нашему грузинскому соціаль-демократу, вездѣ торжеству-

ет интеллигентская психологія, вездѣ соціаль-демократія по своей тактикѣ есть партія интеллигенціи.

Мнѣ скажут—цитируемый неизвѣстный не может быть выразителем соціаль-демократіи. Обратимся же к такому видному, авторитетному теоретику, как г. Георгій Плеханов.

В 1888 году, когда русская соціаль-демократія только зарождалась, заботы русских соціаль-демократов естественно направлялись на то, чтобы организовать партію. Интересно поэтому послушать их в такой момент, узнать от них самих, на какіе общественные элементы они хотят опереться, каковы их главныя задачи, в чем их идеал. В такой-то момент написана г. Плехановым статья: «Как добиться конституціи?» Уже само названіе характерно: соціаль-демократическая партія организуется не для полнаго уничтоженія порабощенія работника капиталом, а для того, чтобы «добиться конституціи».

Далѣе, к кому обращается этот будущій вождь русской соціаль-демократіи? Не к русским рабочим, а к русским либералам. В одном мѣстѣ он так и говорит: «мы думаем, что еслибы наши либералы дѣйствительно хотѣли добиться политической свободы, то они в концѣ концов не могли бы придумать ничего лучшаго, как пристать к соціалистам»*).

Итак «философ» соціализма полагает, что соціаль-демократія есть лучшее убѣжище для буржуазных либералов. Он доходит до того, что откровенно выставляет самой главной задачей соціаль-демократіи—политическую свободу, ради которой он готов не только вступить в союз с либералами, но и отказаться от соціализма.

«Если бы могли хоть немного приблизить его (т. е. политическій переворот) своим превращеніем в либералов, колебаться было бы нелѣпо и преступно. Мы не только могли бы, но мы обязаны были бы забыть обо всем на свѣтѣ, кромѣ этих двух слов: политическая свобода. Всѣ тѣ, которые вздумали бы тогда говорить о соціализмѣ, были бы не друзьями, а врагами народа, потому что своим доктринерством они задержали бы его политическое развитіе. Бѣда лишь в том, что в дѣйствительности дѣло обстоит совсѣм иначе: превратившись в либералов, соціалисты только замедлили бы дѣло политическаго освобожденія Россіи».

Обратите вниманіе на то, что теоретик русской соціаль-демократіи считает бѣдой: «бѣда» для него в том, что он не имѣет возможности вполнѣ превратиться в ли-

*) «На два фронта» стр. 99.

берала, т. е. совершенно отказаться от клички соціалиста. Плеханов—либерал не потому, что это необходимо для соціализма, но он называет себя соціалистом потому, что это необходимо для торжества либерализма. Можно ли болѣе ясно выразить мысль, что современный, так называемый «научный» соціализм есть только послѣдовательный демократизм? Старые демократы опирались на мелкую буржуазію, преимущественно крестьянство и интеллигенцію, и их экономическая программа естественно, вращалась в области расширенія мелкаго землевладѣнія, дешеваго кредита и т. д. Новая демократія поняла необходимость опереться на пролетарскія массы и потому внесла в свою программу ряд рабочих требованій и назвала себя соціаль-демократіей. Но она плоть от плоти. кость от кости буржуазной демократіи.

Другое цѣнное призваніе дает нам другой видный лидер русской соціаль-демократіи Ленин в своей прекрасной работѣ «Что дѣлать?» Он успѣшно приводит ту мысль, что соціализм нисколько не вытекает из условій жизни и борьбы рабочаго класса, трэд—юніонизм ни коим образом не ведет к соціализму. По его мнѣнію, соціалистическое сознаніе приносится рабочим извнѣ интеллигенціей. Да и в самом дѣлѣ, какое отношеніе имѣет рабочій синдикат, созданный для непосредственной борьбы с капиталом, с грезами о «захватѣ» парламента? Профессіональная борьба есть борьба за долю продукта; логически развиваясь, она может и должна привести к борьбѣ за весь продукт, за коммунизм. Но каким образом она может привести к необходимости захвата власти посредством избирательной записки? Далѣе. Профессіональный союз есть организація работников, занимающих однородное положеніе в процессѣ производства, организація, которая самой жизнью толкается к участію в руководствѣ производством (норма рабочаго дня, гигіена, пріем и разсчет рабочих и т. п.) Отсюда с теченіем времени может логически развиться идея о переходѣ всей организаторской роли по отношенію ко всему производству в руки исключительно свободных союзов работников. Это—анархизм и ничего общаго не имѣет с вожделѣнієм соціаль-демократов, чтоб руководство производством было передано в руки демократическаго начальства. Тысячу раз прав Ленин, когда он заявляет что соціализм нисколько не вытекает из экономической борьбы работников, что соціал-демократы должны «совратить» рабочих с экономики на политику.

Трудно ярче выразить ту мысль, что «научный» соціализм есть продукт буржуазной интеллигенціи, кото-

рая свое кровное дѣтище хочет подбросить и навязать рабочему классу, чтобы «совратить» его с пути, который ведет к полному уничтоженію всѣх существующих общественных отношеній, и толкнуть на путь буржуазнаго политиканства. Трудно точнѣе выразить мысль, что соціаль-демократія есть организованная интеллигенція, которая ведет за собою одураченныя темныя массы рабочих.

XIII.

Захват власти.

Я придаю громадное значеніе разногласіям в пониманіи идеала. Я даже пытался доказать, что пониманіем идеала опредѣляется сама тактика. Но все же я должен тут сказать, что партія не религіозная секта, а политическій союз, который ставит себѣ опредѣленныя чисто практическія задачи уже в настоящем, а не ко времени второго пришествія. Практическія задачи требуют опредѣленных практических дѣйствій. Именно эти дѣйствія, т. е. тактика, кладут непроходимые барьеры между партіями. Анархист может по чисто научным соображеніям считать болѣе осуществимым коллективизм, чѣм коммунизм. В Испаніи и до сих есть анархисты-коллективисты. Но анархист перестает быть самим собою, когда под какой-либо формой становится на точку зрѣнія парламентаризма. Точно так же соціаль-демократ может быть коммунистом, не переставая быть соціаль-демократом, но он дѣлает крупный шаг в нашем направленіи, отвергнув парламент и признав революціонную всеобщую стачку. Слово, партіи, подобно людям, отличаются друг от друга больше своим повседневным образом жизни, чѣм своими представленіями о далеком будущем.

Основная тактическая идея соціаль-демократіи выражается двумя простыми словами: захват власти. Эрфуртская программа—этот классическій документ международной соціаль-демократіи—гласит так: «Он (рабочій класс) не может осуществить передачи средств производства в руки общества, не овладѣвши политической властью». В резолюціи, принятой на международном парижском конгрессѣ 14—21 іюня 1889 г., мы читаем: «Парижскій международный конгресс постановляет:

Что во всѣх странах, гдѣ пролетаріи обладают изби-

рательными правами, они должны вступить в ряды соціалистической партіи, не идущей на компромиссы с другой политической партіей и пользуясь своими правами голоса, стремиться на почвѣ даннаго строя к завоеванію политической власти; что во всѣх странах, гдѣ пролетаріи лишены избирательнаго права и конституціонных прав, они должны бороться за право полученія голоса всѣми средствами, которыми располагают».

На международном конгрессѣ в Лондонѣ 1896 г. резолюція о «политических дѣйствіях» выражается так:

«Под политическими дѣйствіями конгресс понимает борьбу, организованную во всѣх формах ея проявленія, для завоеванія рабочим классом политической власти с цѣлью своего освобожденія и для приложенія этой власти в законодательной и идминистративной (?) работѣ в государствѣ и общинѣ;

2) «Конгресс об'являет, что завоеваніе политической власти есть лучшее средство для рабочих достигнуть полнаго освобожденія--человѣческой и гражданской свободы, благодаря которой они смогут установить соціалистическую республику.

Он обращается к рабочим всѣх стран и призывает их об'единится в одну, отличную от всѣх буржуазных партій, и выставить слѣдующія требованія:

Всеобщую подачу голосов всѣх взрослых;
Право быть выбранным для каждаго взрослаго;
Избраніе путем баллотировки;
Право петицій и референдума, мѣстнаго и національнго;

. . . .

5) «Он (конгресс) призывает трудящихся всѣх стран бороться рука об руку с рабочим классом всѣх стран и сорганизоваться с ним, чтобы низвергнуть международный капитализм и установить господство соціаль-демократіи».

Наконец, резолюція парижскаго конгресса 1901 года заключает слѣдующую важную мысль: «При современном демократическом правленіи завоеваніе политической власти пролетаріатом не может явиться результатом какого-нибудь смѣлаго нападенія, но как слѣдствіе долгой и трудной работы по организаціи пролетаріев на экономической и политической почвѣ, как результат физическаго и нравственнаго возрожденія рабочаго класса и постепеннаго завоеванія муниципалитетов и законодательных собраній».

Так говорят авторитетные оффиціальные документы международной соціаль-демократіи Сочиненія ея вы-

дающихся представителей раз'ясняют эти мысли на тысячу ладов. На партейтагѣ в Іенѣ Бебель выразился так: «По той самой логикѣ, по которой угнетенные классы в исторіи человѣчества до сих пор захватывали государственную власть, чтобы затѣм преобразовывать государство и общество в своих классовых интересах, и послѣдній угнетенный класс—пролетаріат, должен захватить политическую власть, чтобы с ея помощью создать тѣ соціальныя установленія, которыя сдѣлают его мощь несокрушимой»*).

В одном мѣстѣ К. Кауцкій говорит: «пролетаріат освободит себя лишь тогда, когда он организуется в самостоятельную политическую партію, которая завоюет государственную власть»**). В другом мѣстѣ эту же мысль он выразил нѣсколько иначе.

«Уже теперь, говорит он, всѣм становится ясным, что истинно парламентскій режим может быть таким же орудіем диктатуры в руках пролетаріата, каким он сейчас является в руках буржуазіи». «Важнѣйшим шагом по пути пролетарской революціи является в истинно парламентских странах завоеваніе всеобщаго избирательнаго права; в странах же конституціонных к этой задачѣ присоединяется еще другая—утвержденіе истинно парламентскаго режима»***).

Я очень подробно цитировал соціаль-демократическіе источники потому что для пониманія теоріи «захвата власти», необходимо ея всестороннее освѣщеніе. Теперь она представляется нам довольно ясной во всѣх своих существенных чертах. Она, повидимому складывается из трех главных положеній: о роли государства, как фактора прогресса, о значеніи современнаго парламента и о цѣнности всеобщаго избирательнаго права.

Первородным грѣхом соціаль-демократіи является ея глубоко ошибочное пониманіе характера государства. В соціаль-демократической литературѣ вы найдете несчетное количество взаимно-противорѣчивых опредѣленій значенія государства в будущем. Но во всем, что касается прошлаго и настоящаго у всѣх соціаль-демократических теоретиков несомнѣнно господствует одна идея что государство было и является носителем культуры. Отсюда, естественно, дѣлается вывод, что каждый угнетенный и прогрессивный класс должен стремиться овла-

---

*) А. Бебель «О политической массовой стачкѣ». Изд. «Луч». стр. 26.

**) К. Кауцкій «Республика и с-д-ія во Франціи». Издан. Алексѣевой 1906. стр. 28.

***) К. Кауцкій «Парламентаризм и народное законодательство». Изд «Демос» 1905. стр. 111.

дѣть этим орудіем прогресса-государственной властью. Взгляд этот не выработан марксистами, а заимствован у буржуазных революціонеров. С особенной силой развивали и примѣняли эту теорію французскіе якобинцы. Бабеф, вышедшій из их среды, унаслѣдовал этот взгляд цѣликом; от него он перешел к бланкистам, которые передали его Марксу. От послѣдняго это печальное наслѣдство перешло к современным соціаль-демократам. Ортодоксальные соціаль-демократы отличаются от якобинцев и бланкистов только пониманіем наилучшаго способа захвата власти, но не в оцѣнкѣ самого значенія этой власти. Бланкисты отстаивали необходимость тайной, конспиративной организаціи революціонеров, которая при благопріятных обстоятельствах вооруженным нападеніем на государство захватывает власть в свои руки. Соціаль-демократы считают мирный, легальный, парламентскій способ болѣе вѣрным и болѣе близким. Бланкисты—конспираторы и революціонеры' марксисты—легалисты и эволюціонисты. Но и тѣ и другіе—настоящіе идопоклонники государства; и тѣ и другіе соціальную революцію считают революціей политической (в узком смыслѣ слова).

Раньше всего, мы должны отмѣтить, что этот фетишистическій взгляд на государство находится в вопіющем противорѣчіи со всей человѣческой исторіей. Государство никогда и нигдѣ не играло роли носителя прогресса. Оно создано господствующим классом в незапамятныя времена с явной цѣлью защиты его господства. Оно мѣняло свои формы в пространствѣ и во времени но оно никогда не брало и не могло брать на себя фантастической роли носителя какого-то культурнаго прогресса. Да и что такое этот прогресс? Кто стоит на классовой точкѣ зрѣнія, знает, что нѣт прогресса вообще, а есть прогресс того или иного класса. Государство всегда «носило» только свой собственный прогресс, т. е. интересы господствующаго класса в цѣлом. Эти интересы оно должно было отстаивать извнѣ от нападеній иностранных господ, извнутри—от угнетенных. Иногда с общеклассовыми интересами господ сталкиваются частные интересы отдѣльных членов господствующей касты. Тогда государству приходится вступить в борьбу и с отдѣльными лицами командующаго класса. Но и это обстоятельство только подтверждает наш взгляд, что государство не что иное как спеціальный механизм, имѣющій только одно назначеніе—поддерживать основы существующаго строя. Государство ни реакціонно, ни прогрессивно, оно абсолютно консервативно по самому существу. Нужно поэтому быть

таким бюрократом как Ф. Лассаль, чтобы сказать: «Но в том-то и состоит задача и назначеніе государства, чтобы облегчить великіе культурные успѣхи человѣчества и помогать им. В том его призваніе. Для этого оно и существует; на это оно всегда служило и должно служить»*).

Государство не только не знало «призванія» «облегчать» и «помогать», но и уступало самым назрѣвшим реформам с большим трудом. Всякія крупныя перемѣны до сих пор проводились фактически самим возставшим народом и когда государственная власть не в силах была взять их обратно, она узаконяла их. Государство не создает, а регистрирует побѣдоносную реформу. Эта мысль так очевидна, что ее признал косвенно «сам» Кауцкій, который о Французской Революціи говорит так: «Они (мѣщане, крестьяне и пролетаріи) вооружились, штурмовали Бастлиію, сжигали замки феодалов, сбросили с себя всѣ феодальныя тягости и начали сами управлять своими общинами. Учредительное Собраніе узаконило только то, что совершил сам народ**))». В другом мѣстѣ той же книги он утверждает: «Подобное имѣло мѣсто в ночь на 4-ое августа 1789 г., когда дворянство и духовенство добровольно отреклось от свих привиллегій, которыя, если трезво смотрѣть на это событіе, возмутившійся народ уже значительно раньше фактически разбил вдребезги».

Можно смѣло сказать, что вся исторія является опроверженіем социаль-демократической мысли будто, по выраженію Бебеля, угнетенные классы захватывали государственную власть чтобы затѣм преобразовать государство и общество в своих классовых интересах. Вѣрно как раз противоположное: угнетенные классы раньше с оружіем в руках преобразовывали экономическія отношенія, а затѣм создавали новую политическую организацію для охраны совершившагося переворота. Я подчеркнул «новую», чтобы отмѣтить другую ошибку, которую проповѣдуют соціаль-демократы. Они предлагают пролетаріату овладѣть существующей государственной властью— парламентом, чтобы с его помощью произвести соціальную революцію, между тѣм как французская революція на которую они любят ссылаться, дает совсѣм другой примѣр. Французская буржуазія не стремилась овладѣть королевским деспотизмом, чтобы заставить его служить

---

*) Ф. Ласасль «Гласный отвѣт». Изд. «Буревѣстник» 1905, стр. 34.

**) К. Кауцкій «Республика и с-д-ія во Франціи». Изд. Алексѣевой 1906, стр. 12.

своим интересам; наоборот, она разрушила эту старую форму политической власти и создала новую, специфически—буржуазную форму господства--парламентаризм. Чтобы быть болѣе послѣдовательными подражателями французских якобинцев, соціаль-демократы должны были бы ставить себѣ цѣлью уничтоженіе современной буржуазной парламентарной формы государства и созданіе новаго пролетарскаго государства для проведенія в жизнь требованій пролетаріата. Но и этот болѣе послѣдовательный взгляд, как мы видѣли уже, в корнѣ невѣрен. На дѣлѣ не новая политическая власть преобразовала экономическія отношенія, а наоборот, она сама выросла из фактическаго уничтоженія феодальных привиллегій, из фактическаго ниспроверженія экономической основы феодализма. Экономическая революція предшествовала политической. Иронія судьбы: соціаль-демократы уши прожужжали своим экономическим матеріализмом, а когда им приходится коснуться вопроса о государствѣ, они становятся на чисто идеалистическую точку зрѣнія. В самом дѣлѣ, каково отношеніе экономики к политикѣ по ученію марксистов? Они никогда не затрудняются отвѣтить, что политика есть только «надстройка» над *экономической базой. Каким же образом эта надстройка может радикально передѣлать самую базу, над которой она возвышается? Каким образом государство—надстройка старых общественных отношеній—может провести в жизнь новый соціальный принцип? Как может марксист, стоя на своей пресловутой матеріалистической точкѣ зрѣнія, стремиться к завоеванію политической власти раньше, чѣм не уничтожена старая экономическая база? Куда дѣвают «ортодоксальные марксисты» свое матеріалитсическое пониманіе (?) исторіи?

Гораздо послѣдовательнѣе разсуждает Бернштейн, так несправедливо оклеветанный ортодоксами за его прямодушіе, откровенность и послѣдовательность. Бернштейн исходит из того чисто марксистскаго взгляда, что экономика вполнѣ опредѣляет политику. Поэтому рабочій класс достигнет господства тогда, когда этого будут требовать экономическія отношенія и рабочій класс постепенно созрѣет. Но тогда не нужно «захватывать» ее: она неизбѣжно перейдет в руки рабочих.

Поэтому, теперь Бернштейн» считает только пустой революціонной фразеологіей всякіе разговоры о «захватах», «диктатурах» и других страшных вещах и предлагает чисто по-марксистски сосредоточить все вниманіе и работу на экономикѣ—трэд-юніонизмѣ, коопераціях,

реформах. На эти резонныя и чисто-марксистскія разсужденія ортодоксальные политиканы отвѣтили безпрерывным градом оскорбленій, но взгляд Бернштейна остался неопровергнутым. Правда, ортодоксы не могут никогда открыто признать правоту Бернштейна, потому, что такое признаніе есть уничтоженіе послѣдних остатков революціонизма, т. е. революціонной фразы, из которой ловкіе политиканы умѣют извлечь все человѣчески возможное. Когда они обращаются к власти, они говорят буквально то же самое, за что залили грязью Бернштейна. Когда им приходится спорить с нами, революціонерами, они одѣвают старые боевые доспѣхи—и тогда земля начинает дрожать от звучных слов: революція, диктатура, захват власти, упраздненіе государства, полное уничтоженіе эксплуатаціи и т. д., и т. д. Но этот набор фраз не может скрыть от нас того несомнѣннаго факта, что послѣдовательность на сторонѣ Бернштейна, а не Кауцкаго, и что, стало быть, послѣдовательный марксизм ведет к мирной тактикѣ реформ, а не к революціи. Еслиб не было нас, зловредных анархистов, ортодоксія давно уже открыто признала бы выводы Бернштейна. Но она прекрасно знает, что это признаніе оттолкнуло бы от соціаль-демократіи всѣ революціонные элементы к нам и постепенно лишило бы ее всякаго вліянія на рабочія массы. Вот почему приходится дурачить простодушных и нерѣшительных революціонными фразами, в которыя сами авторы не вѣрят.

Ортодоксія не могла справиться с критикой Бернштейна, который на почвѣ марксизма непобѣдим. Это чувствует даже сам «великій» Кауцкій, который свою книгу против Бернштейна начинает с оригинальнаго признанія, что Бернштейн, собственно, ничего не внес в тактику и многіе взгляды Бернштейна были раньше его высказаны им самим, г. Кауцким, и такими заядлыми и нахальными ортодоксами, как Парвус, Люксенбург и др. Дѣйствительно, кто хочет выпутаться из паутины фраз, должен порвать совершенно с марксистским взглядом на государство.

Государство не надстройка над чѣм бы то ни было. Только идіоту придет в голову считать, напримѣр, такой орган, как руки, надстройкой над тѣлом. Государство есть общественный орган, который взрастил и развил господствующій класс для охраны своих привиллегій. Государство мѣняет свою форму не потому, что метафизически «отражает» экономическія отношенія, а потому, что господствующій класс приспособляет форму власти к экономическому строю жизни так, чтобы всего лучше

охранять свои привиллегіи. Безсмысленно поэтому, с помощью государства, созданнаго и служащаго для охраны современнаго экономическаго строя, стремиться разрушить послѣдній. Добиваться захвата данной государственной власти или созданія новой должна такая общественная группа, которая нуждается в организованной силѣ для охраны новых привиллегій. Поэтому буржуазія, уничтожая феодальныя привиллегіи собственности, создала и новый орган для своей защиты—современное буржуазное государство. Но какія привиллегіи намѣрен создать пролетаріат, во имя котораго его самозванные представители стремятся к власти на плечах рабочих? Анализ соціальнаго состава руководящих и направляющих сфер соціаль-демократических партій дает нам ключ к пониманію вопроса. Активный и вліятельный элемент соціаль-демократіи цѣликом рекрутируется из так называемаго «новаго третьяго сословія»—управляющих, директоров, техников, инженеров, адвокатов, журналистов, чиновников, словом из той группы, которую нужно считать по справедливости организатором, руководительницей современой экономической жизни. Как бы ни падало вознагражденіе за так называемый организаторскій «труд», привиллегированное положеніе организатора несомнѣнно. Капиталист может не получать никакой прибыли от предпріятія, он может совершенно раззоряться, но в своем самом убыточном предпріятіи он все таки эксплуататор, потому что занимает привиллегированное положеніе Подобное положеніе занимает и организаторская группа. Перепроизводство интеллигентных сил понижает жалованье умственных работников, но тѣм не менѣе, независимо от своего жалованья инженер или управляющій занимает в предпріятіи привиллегированное положеніе: он получает плату не за опредѣленное количество своего труда, а за то, что дѣлает чужой труд возможно болѣе производительным и прибыльным для капиталиста.

Собственно говоря, теперь дѣйствительным, непосредственным эксплуататорам рабочаго класса является не буржуазія, а это «новое среднее сословіе». К своему глубокому сожалѣнію, оно только не пользуется выгодами своей эксплуатаціи.

В этом отношеніи эта группа занимает теперь положеніе, поразительно подобное тому, которое занимала буржуазія до своей революціи. Буржуазія тогда фактически рукоовдила всей экономической жизнью, но прибыль, добытая ею, в большей части уходила в бездонные карманы духовенства, дворянства и двора. К чему она стремилась? Она хотѣла уничтожить фикцію-феодаль-

ную форму собственности, благодаря которой она, буржуазія, реальная руководительница экономической жизни, должна была дѣлиться своей добычей. В таком же положеніи теперь современная организаторская группа. Фактически она во главѣ экономическаго строя, но добыча, которую она высасывает из рабочих, в значительной части переходит к капиталисту только благодаря устарѣвшей фикціи—фикціи частной собственности. Чего должно хотѣть это «новое среднее сословіе»? Того же, что и старое: устраненія этой фикціи и замѣны ея такой формой собственности, которая передала бы всю прибавочную цѣнность фактическим организаторам. Для этого должны быть уничтожены всѣ привиллегіи собственности, но должна получить признаніе послѣдняя из привиллегій—организаторство, так называемый умственный труд Нужно оставить право господствовать только за группой организаторов. Соціаль-демократическое государство наилучше удовлетворяет этим полусознательным и полуинстинктивным вожделѣніям новаго средняго сословія. Вѣдь, каждому ясно, что стремиться к созданію правительства, которое руководило бы всѣм производством, обмѣном и распредѣленіем, значит создавать именно правительство спеціалистов промышленнаго производства, правительство управляющих, инженеров, техников и т. д. Такое государство уничтожает привиллегіи собственности, но создает новую и послѣднюю привиллегію—привиллегію организаціи труда. До сих пор эта привиллегія соединялась с какой-нибудь другой: напримѣр, владѣніем рабочими, владѣніем землею, владѣніем вообще. Буржуазная революція уничтожила всѣ привиллегіи кромѣ двух: привиллегіи собственности и привиллегіи организаціи. Коллективисты хотят уничтожить и привиллегію собственности, но оставляют послѣднюю базу господства--организаторство, команду производителями. В соціаль-демократическом государствѣ до них существовавшая привиллегія—организація труда—выступает впервые в оголенном видѣ, без всяких прикрас. Это можно здраво об'яснить только тѣм, что направляющая группа в соціаль-демократическом движеніи—«новое среднее сословіе»--заинтересовано в сохраненіи послѣдней привиллегіи. Оттого соціаль-демократическіе вожди не жалѣют пыла для критики частной собственности. но пишут злобой, клеветой, и грязью на нас за то, что мы критикуем государство. Государство должно остаться, потому что разрушеніе его уничтожает привиллегію «умственнаго труда». Оттого его и нужно захватить вопреки исторіи, логикѣ и самому марксизму. Оттого

же мы—революціонные анархисты стремимся к свободному сотрудничеству, хотим не захватить, а совершенно разрушить государство и замѣнить принудительную организацію труда свободными союзами самих производителей.

XIV.

Двѣ диктатуры.

Соціаль-демократія считает необходимым условіем соціальной революціи захват власти. Но как захватить власть в современном обществѣ? В этом отношеніи соціаль-демократія пережила серьезную эволюцію. В началѣ в пору своей юности, когда ея вожаки еще не были «государственными мужами», она видѣла только одно средство—вооруженное возстаніе. «Манифест Коммунистической Партіи» прямо говорить о необходимости «насильственнаго ниспроверженія всего существующаго строя». В 60-х и 70-х годах даже в средѣ германской соціаль-демократіи презрѣніе к мирному парламентаризму было широко распространено. Теоретическим выразителем тогдашняго антипарламентаризма был сам «солдат революціи» Вильгельм Либкнехт. Его брошюра*) до сих пор является прекрасным оружіем в руках врагов троицы—парламентаризма, легализма и оппортюнизма. Во Франціи враждебное отношеніе к парламенту было очень сильно еще в 90-х годах. В это время французскіе ортодоксы, гедисты, далеки были от теперешней вѣры в «революцію посредством избирательнаго листка» и проповѣдывали всеобщую стачку и возстаніе.

Каковы бы ни были причины, заставившія измѣнить взгляд на парламент, несомнѣнно только одно: теперь международная соціаль-демократія стала партіей парламентарной и, стало быть, легальной и оппортюнистической по необходимости. Теперь, как мы видѣли выше из многих цитат, орудіем соціальной революціи считается парламент, совершить соціальную революцію значит овладѣть большинством в парламентѣ. Но кто хочет со-

*) «Тактика соціаль-демократіи. как политической партіи».

вершить революцію посредством законов, должен уважать существующіе законы. Отсюда ясно, что признаніе парламентскаго захвата власти необходимо ведет к признанію существующаго строя законным, пока законная власть не перйдет законным образом в руки социаль-демократіи. Это есть отказ от революціи, который превратил соціаль-демократію фактически в партію, стоящую на почвѣ буржуазнаго міра, в партію буржуазную, как бы часто соціаль-демократы ни склоняли слово «революція». Вожди соціаль-демократіи это прекрасно понимают и часто достаточно честны, чтобы это откровенно выставить. Бебель никогда почти не упускает случая живо протестовать против тяжкаго обвиненія в «револціонности». В своей Ганноверской рѣчи против Бернштейна он говорит с обычным самодовольством: «Если сторонники буржуазнаго общества так глупы, что думают, будто мы желали бы произвести насильственную революцію и пробить своими черепами стѣну, то мы, право, неотвѣтственны за их глупость» *). В другом мѣстѣ он говорит: «Нелѣпо думать, что соціаль-демократы желают силой измѣнить современное положеніе вещей; они желают понятно, насколько это от них зависит, лишь мирнаго развитія. Экономическія отношенія невозможно измѣнить насильственно»**).

Кауцкій с своей стороны, не жалѣет крѣпких слов по адресу тѣх, кто полагает, что буржуазія не откажется добровольно от своих привиллегій, и потому насильственную революцію считают необходимой. Странна при этом терминологія его. Насильственную революцію он называет «революцію в полицейском смыслѣ слова», а «революцію» посредством законнаго овладѣнія парламентским большинством он называет «революціей в настоящем научном смыслѣ»***). Почему насильственная революція попала в немилость у политиканов, заигрывающих с высшими «сферами» и соперничающих с г. Бюловым в пониманіи «истинно государственных интересов» и «истиннаго патріотизма»—вполнѣ понятно. Не понятно только, почему революція с разрѣшенія полиціи не называется ея настоящим именем—полицейской, а титулуется почему-то «научной». Неужели научно только то, что разрѣшено полиціей? Неужели наука и полиція синонимы? Преклоненіе пред законностью и мирностью было еще характерной чертой Ласаля. Потом Эн-

*) Изданіе «Буревѣстник». 1905. стр. 49.

**) Бебель «Грѣхи центра». Изд. Козмана, 1905. стр. 8.

***) «Нѣт больше соціаль-демократіи».

гельс пришел к выводу, что на «законности» соціаль-демократы «нагуливают» себѣ красныя щеки». В резолюціи против анархистов, вынесенной на с'ѣздѣ германской соціаль-демократіи в Сен-Галленѣ в 1887 году, мы читаем: «Тактика единоличнаго примѣненія насилія не ведет к цѣли и, ослабляя в массах чувство законности*), является положительно вредной, а потому и предосудительной». С тѣх пор воспѣвать законность вошло в обыкновеніе. В настоящее время соціаль-демократія понимает захват власти в смыслѣ законнаго захвата парламентскаго большинства, под диктатурой пролетаріата она понимает парламентскую диктатуру.

Мы отвергли теорію захвата власти вообще. Тѣм болѣе понятно наше отрицательное отношеніе к мирному, легальному захвату парламента. Если теорія революціоннаго захвата власти нам кажется утопической, потому что ставит себѣ утопическую задачу—произвести переворот во всѣх общественных отношеніях при помощи декретов и полиціи, то проповѣдь легальности и «воспитаніе чувства законности» нам представляются уже открытой измѣной рабочему классу. У нас нѣт достаточно сильных слов, чтобы заклеймить этот постыдный подмѣн революціоннаго возстанія народа безобидно-мѣщанской подачей избирательнаго билетика. Да, мы давно об'явили себя неутомимыми врагами парламентской диктатуры главарей одураченнаго пролетаріата. Значит ли это, что мы против «диктатуры пролетаріата» вообще?

Раньше, чѣм отвѣтить на этот вопрос, нам нужно об'яснится. Почему мы против соціаль-демократической «диктатуры»? Потому-ли, что мы против насильственнаго давленія пролетаріата на реакціонные классы? Это идеологія поповскаго «непротивленія злу», а не идея революціоннаго анархизма. Революціонные анархисты тѣм и отличаются от соціаль-демократических миротворцев и соглашателей, что всегда без обиняков твердили рабочему народу, что нечего надѣяться на миролюбіе или «здравый смысл» буржуазіи при рѣшеніи рабочаго вопроса, что нужно будет неизбѣжно прибѣгнуть к вершителю всѣх судеб, к послѣднему дѣйствительному судьѣ в гражданской войнѣ—к насилію. Мы, стало быть, против парламентской диктатуры не потому, что она предполагает насиліе, а потому, что она безполезна, ибо невозможно произвести соціальную революцію посредством декретов; вредна, ибо лишает рабочих иниціативы. Если всякую теорію насильственнаго переворота в обще-

*) Ослабляет чувство законности! Da liegt der hund bergaben.

ственных отношеніях называть диктатурой, то мы самые страстные защитники диктатуры, но не кучки депутатов, а широких масс пролетаріата, и не в парламентах, а на улицѣ. Мы единственные, послѣдовательные защитники дѣйствительной, а не фиктивной диктатуры.

Как же представляется нам дѣло? Первым необходимым условіем «диктатуры» пролетаріата является всеобщая стачка. Соціаль-демократы сдѣлали все мыслимое, чтобы затуманить этот поразительно-ясный вопрос и нам волей-неволей приходится остановиться на нем. На международном соціалистическом конгрессѣ в Цюрихѣ в 1893 году была вынесена резолюція, которая до послѣдняго времени выражала общепринятое мнѣніе в соціаль-демократических кругах. Вот что гласит эта резолюція. «Полагая, что успѣшное веденіе стачек возможно только при особых обстоятельствах и с особой цѣлью, которыя не могут быть опредѣлены заранѣе; что всемірная стачка неудобоисполнима по причинѣ весьма различной степени экономическаго развитія разных стран, но лишь только она станет возможной, как исчезнет в ней надобность; полагая сверх того,, что всеобщая стачка даже в предѣлах одной страны может дать благотворные резуль таты лишь в том случаѣ, если она ведется мирно, потому что первыми страдать от голода будут стачечники, а это должно их принудить к сдачѣ, и потому, что стачка, сопровождаемая насиліями будет безжалостно раздавлена за это правящими классами.

Конгресс об'являет:

При современных политических и общественных условіях всеобщая стачка может быть проведена с успѣхом самое большее в отдѣльной отрасли промышленности; массовыя стачки, правда, при извѣстных условіях, могут оказаться очень сильным орудіем не только в экономической борьбѣ, но и в борьбѣ политической. Впрочем, для цѣлесообразности пользованія этим орудіем требуется могучая синдикальная и политическая организація рабочаго класса. Поэтому конгресс рекомендует соціалистическим партіям всѣх стран энергично работать над созданіем такой организаціи и от вопроса о всемірных стач ках переходит к порядку дня». Эта резолюція является в своем родѣ классической,—ибо сконцентрировала в себѣ рѣшительно всѣ доводы против всеобщей стачки, так что слѣдующіе конгрессы только ссылались на нее. Мы должны поэтому удѣлить ей нѣсколько наше вниманіе. Будем разсматривать ее по порядку, с самаго начала.

...«Успѣшное веденіе стачек возможно только при особых обстоятельствах и с особой цѣлью». Несомнѣн-

ная, святая истина! Мы охотно принимаем это положеніе без всяких возраженій. Но я понять только не могу, какое отношеніе имѣет эта мысль к отрицанію всеобщей стачки? Не только успѣшныя стачки, но и вообще всякое успѣшное человѣческое дѣйствіе мыслимо «только при особых обстоятельствах и с особой цѣлью». Я скажу еще больше: не только успѣшныя дѣйствія, но и всякія дѣйствія вообще возможны не иначе, как при опредѣленных условіях. Что же такое эта мудрая фраза, как не переливаніе из пустого в порожнее?

«Всемірная стачка неудобоисполнима по причинѣ весьма различной степени экономическаго развитія разных стран». Раньше всего, нужно отмѣтить, что анархисты никогда не думали втянуть в стачку, эксимосов, индійцев, самоѣдов, чукчей и прочіе народы той же ступени развитія. Даже азіатскіе и африканскіе народы не входят в наши разсчеты. Мы думаем посредством всеобщей стачки приступить к уничтоженію буржуазнаго господства и уж по этой простой причинѣ мы не можем мечтать о всемірной стачкѣ, потому что не вездѣ имѣются необходимые элементы—буржуазія и пролетаріат. Наша всеобщая стачка относится только к странам капиталистическим. А в этих странах, как показал опыт, который выше доктринерских фраз политиканов, «весьма различная степень экономическаго развитія» не является препятствіем всеобщей стачкѣ. Испанія, Италія, Франція, Бельгія, Голландія, Швеція, Швейцарія, Россія—страны, сильно отличающіяся в промышленном развитіи, а всѣ были ареной болѣе или менѣе грандіозных всеобщих стачек. В нѣкоторых странах эти стачки были бы еще грандіознѣй, еслибы трусливые «вожди» пролетаріата не вступили в постыдный союз с буржуазіей и не били бы отбоя как раз в тот момент, когда стачка грозила принять революціонні характер, как напримѣр, в Бельгіи и Голландіи*). Возможность всеобщей стачки опредѣляется не количеством крупных фабрик и заводов, а революціонным настроеніем работников. Этим об'ясняется что страны, менѣе развитыя в промышленном отношеніи,

*) С каким безстыдством ведет себя Германская соціаль-демократія по отношенію ко всеобщей стачкѣ, показывает знаменитый инциндент с тайным совѣщаніем по этому поводу в февралѣ 1906 г. вскорѣ послѣ Іенскаго партейтага. Хоть нѣкоторое представленіе об этом позорном инциндентѣ, в котором обнаруживается вся лицемѣрная лживость политиканов, можно получить из брошюры, изданно; книгоиздательством «Интернаціонал» под заглавіем «Мангеймскій партейтаг Германской соціаль-демократіи. Доклады и пренія о массовой стачкѣ. Предисловіе П. Орловскаго». С.Петербург 1907 года.

могут быть болѣе подготовлены ко всеобщим стачкам, чѣм болѣе передовыя промышленныя страны, если пролетаріат не успѣл еще проникнуться развращающей любовью к законности и холопской вѣрой в благодѣтельность солдатской дисциплины и гдѣ он вѣрит еще в свои собственныя силы. Зависимость всеобщей стачки именно от революціонности рабочих видно, между прочим, из того, что всеобщія стачки особенно распространились в тѣх странах, гдѣ укрѣпился анархизм—в Испаніи, Италіи, Франціи, и Голландіи. Знаменитая всеобщая стачка в 1886 г. в Чикаго велась под непосредственным руководством анархистов. Именно потому, что анархисты практиковали и проповѣдывали всеобщую стачку, соціаль-демократы долго отказывались пользоваться даже в своих интересах этим драгоцѣнным оружіем. Боязнь уступить анархистам, а не различіе в экономическом развитіи различных стран, является дѣйствительным мотивом «неудобоисполнимости» всеобщих стачек *).

...«Лишь только она станет возможной, как исчезнет в ней надобность». Это самый милый довод, поистинѣ, достойный діалектиков. В основѣ его, очевидно лежит слѣдующее разсужденіе. Всеобщая стачка возможна только тогда, когда рабочіе станут сознательными. Зачѣм же им тогда пытаться «пробить своими черепами стѣну», как выразился Бебель? Не лучше-ли вмѣсто того, чтобы во время стачки рисковать головами, послать в парламент соціаль-демократическое большинство голосов, которое быстрѣе и лучше, а главное безопаснѣе рѣшит все дѣло? Критиковать этот вздор послѣ того что уже было сказано раньше, совершенно излишне. Думать что избирательная бумажка может сдѣлать «излишней» всеобщую стачку значит потерять всякое реальное представленіе о борьбѣ классов и в войнѣ, в гражданской войнѣ Труда с Капиталом вооружать рабочих картонными мечами.

«Всеобщая стачка даже в предѣлах одной страны может дать благотворные результаты лишь в том случаѣ если она ведется мирно, потому что стачка, сопровождаемая насиліями, будет безжалостно раздавлена за это

*) Даже перенимая у нас это тактическое оружіе эти господа никогда не упускают случая отмѣтить, что их (?) всеобщая стачка ничего общаго не имѣет с анархической. Джентельмены! Кому вы замазываете глаза этими словами? Мы и так хорошо знаем. что цѣль ваших всеобщих стачек совсѣм иная: на то вы и мелко-буржуазные демократы, чтобы все свести к избирательной урнѣ. Но развѣ сама всеобщая стачка перестает от этого быть всеобщим прекращеніем работ? А вѣдь именно это вы до послѣдняго времени считали не только невозможным, но и гибельным для пролетаріата.

правящими классами». Русская революція дала блестящее опроверженіе этого убѣжденія миротворцев. Ноябрьская стачка, которая сопровождалась насиліями, дала блестящіе результаты, а декабрьская стачка провалилась именно потому, что она во многих мѣстах прошла слишком мирно. Всеобщая стачка есть открытая гражданская война, а во всякой войнѣ побѣждает не болѣе мирный и болѣе корректный, а болѣе воинственный, болѣе дерзкій. Нападающій всегда имѣет преимущество перед обороняющимся, хотя бы уже тѣм, что от него зависит время и мѣсто битвы,—условія громадной важности на войнѣ. Мы с увѣренностью говорим, что всеобщія стачки тѣм болѣе успѣшными будут, чѣм менѣе онѣ будут мирными манифестаціями. Всеобщія стачки никоим образом не должны заставить стачечников «первыми страдать от голода» и «принудить их к сдачѣ». Экспропріація продуктов должна непремѣнно сопровождать их. Нѣт той силы на землѣ, которая могла бы помѣшать это сдѣлать бастующему городу. Полиція помѣшает экспропріаціи в одном мѣстѣ, послѣдняя состоится в другом, в тысячѣ других мѣст. Каждое удачное нападеніе на собственность подымет увѣренность и дерзость стачечников и весь бастующій класс вступит в генеральное сраженіе с государственной властью. Это сраженіе может быть проиграно, но оно непремѣнно будет выиграно, когда рабочіе поймут, что единственная надежда их только в полной, рѣшительной побѣдѣ над врагом в открытой, вооруженной борьбѣ. Конца резолюціи я не стану критиковать, так как самый наивный читатель видит, в каком вопіющем противорѣчіи он находится с началом и логикой. Глупость и ничтожество доводов против возможности всебщей стачки доказали особенно русскія событія послѣдних лѣт. Россія показала, что всеобщія стачки могут принять грандіозные размѣры и без фантастически могучей синдикальной и политической организаціи рабочаго класса. Нужно только поменьше постепеновщины и «чувства законности» и побольше здраваго революціоннаго смысла, который сильно развит в русских рабочих долгой революціонной борьбой с правительством и капиталом.

Но достаточно ли всеобщей стачки для соціальной революціи? Нѣт! Мы сказали уже выше, что всеобщая остановка есть только предварительное условіе «диктатуры» пролетаріата. Всеобщая стачка сильно ослабляет правительственный механизм и подымает революціонный дух рабочих. Это два очень важных условія, которыя подготовляют неизбѣжное нападеніе на государственную

власть и уничтоженіе ея. С этого момента и начинается диктатура пролетаріата. Вооруженные отряды повстанцев истребляют возможно полнѣе всѣх врагов рабочаго класса, огнем и мечем уничтожают всѣ реакціонные элементы; они дают возможность самим рабочим организаціям приступить к организаціи производства и обмѣна на новых началах—равенства и братства. Эти же военные отряды не только терроризуют и истербляют реакціонные и хулиганскіе элементы, но стараются расширить революцію до крайних возможных предѣлов. С этой цѣлью они идут в другіе города и дервни, чтобы помочь народу вездѣ стряхнуть вѣковое иго Капитала, Государства и Церкви.

Так понимаем мы «диктатуру». Она существенно отличается от соціаль-демократической диктатуры. Во-первых, носителем нашей «диктатуры» является не жалкая группа болтунов, облеченных законодательсной властью, а сам передовой слой революціоннаго пролетаріата. Этим мы избѣгнем великой ошибки Парижской Коммуны 71 года, которая погибла не столько от пуль версальских разбойников, сколько утонула в своей собственной бездонной и безполезной болтовнѣ. Во-вторых, наша диктатура носит ярко разрушительный характер; ея задача—возможно скорѣе и полнѣе уничтожить всѣ остатки рабства и открыть рабочему классу возможность постепенно построить свою общественную жизнь согласно принципам братства и справедливости. В-третьих, наша диктатура представляет собою дѣйствительную силу, стало быть, не фиктивную, а реальную диктатуру, которая посмѣет и сможет наложить свою руку на всѣ святыни стараго міра. Мы не только не должны будем почтительно отступить перед частной собственностью, как это сдѣлали парижскіе коммунары, но и не постѣснимся уничтожить тюрьмы, участки, казармы наравнѣ с церквами: :бог такой же заклятый враг свободы и радостей жизни, как жандарм или капиталист.

Такова наша «диктатура» в общих чертах, о частностях тут говорить неумѣстно.

XV.

Реформы, парламентаризм, самодѣятельность.

Нам часто говорят: «Допустим, что соціальная революція не может быть совершена парламентски-бюрократическим путем. Но почему вы отказываетесь совершенно пользоваться парламентом? Вѣдь этим вы лишаете себя возможности проводить реформы, которыя так или иначе облегчают положеніе работников». Чтобы освѣтить наше отношеніе к вопросу о реформах, нам нужно разсмотрѣть три положенія: во-первых, какія реформы вообще сколько нибудь возможны в буржуазном обществѣ; во-вторых, что могут работники получить парламентским путем; наконец, нѣт ли у работников другого внѣ парламентскаго орудія которое гораздо проще и вѣрнѣе доставит работникам возможныя реформы.

Всѣ реформы сводятся к четырем группам. Однѣ из них чисто политическія и касаются системы избирательнаго права, референдума, иниціативы и пр. Вторыя заключают общегражданскія реформы, подоходный налог, отмѣна косвенных налогов, отдѣленіе церкви от государства, народную милицію. Третьи охватывают так называемыя политическія свободы, свободу стачек, союзов, собраній, печати и слова. Наконец: в четвертую группу входят экономическія реформы. Разсмотрим значеніе каждой группы отдѣльно.

Первую группу мы вправѣ теперь совершенно игнорировать, так как самостоятельнаго значенія эти реформы не имѣют. Та или иная система избирательнаго права может имѣть какую либо цѣнность только в том случаѣ, когда самому парламенту придается какое нибудь значеніе, как орудію революціи или реформы. Мы отвергли за ним всякое революціонное значеніе. Если окажется, что и в смыслѣ реформы он ничего дать не может, само со-

бою становится очевидным абсолютное ничтожество самых демократических систем избирательнаго права.

Разсмотрим раньше всего общегражданскія реформы. Читатель, слишком пропитанный вѣрой в закон и парламент, сильно удивится, когда мы скажем ему, что эти реформы или совершенно неосуществимы или безмѣрно безполезны. Он еще больше удивится, когда узнает, что мы это мнѣніе подкрѣпляем несомнѣнными «авторитетами» и очень внушительными фактами. Начнем с подоходнаго налога.

С чисто абстрактной точки зрѣнія нѣт ничего невозможнаго в том, чтобы отмѣнить всѣ косвенные налоги и замѣнить их всѣ одним прямым налогом на доходы. Рабочіе не платили бы налогов на спички, водку и другіе предметы потребленія. Но гдѣ гарантія за то, что их плата осталась бы на прежнем уровнѣ? Неужели капиталисты так просто и позволили бы взвалить себѣ на плечи такое громадное бремя, которое равносильно чрезвычайному повышенію рабочей платы и пониженію прибыли? Неужели они не постарались бы сбросить с себя бремя хотя бы тѣм, что значительно сократили бы рабочія платы? Неужели у работников оказалась бы сила, которая могла бы устоять против упорнаго, солидарнаго нападенія всѣх капиталистов? Если да, то прогрессивный налог совершенно лишняя вещь для работников: гораздо проще сразу поднять плату на сумму косвенных налогов. Вѣдь сам по себѣ косвенный налог ничего дурного не заключает:: он даже удобнѣе подоходнаго, потому что уплачивается по частям, по мелочам, почти нечувствительно. Если же профессіональныя рабочія организаціи недостаточно сильны, чтобы устоять против стремленій капиталистов понизить плату, то несомнѣнно, что введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога приведет к одновременному паденію рабочей платы всѣх наемных рабочих, и пролетаріат потеряет прямо на рабочей платѣ то, что он косвенно выиграет от отмѣны косвенных налогов. Тут происходит тоже, что имѣет мѣсто, напр., при переходѣ от бумажной к золотой валютѣ: капиталисты далеки от того, чтобы платить рабочим в золотѣ столько же, сколько они платили в бумажных деньгах. Заставить их согласиться на такое повышеніе платы может только сильная профессіональная организація, а не закон. Выгода от подоходнаго налога могут таким образом оказаться совершенно фиктивными. Дѣйствительно выиграет от этой налоговой реформы не пролетаріат, а тот общественный класс, который живет не наемным трудом, а доходом с собственнаго хозяйства, именно—мелкая буржуазія. Не

зависия от капиталиста, она внѣ опасности от его попыток переложить на ее налог под какой нибудь благовидной формой. Поэтому подоходный налог принесет дѣйствительную выгоду только мелкой буржуазіи,—самостоятельному крестьянству, городскому мѣщанству и мелким чиновникам. Но этого мало. Введеніе прогрессивнаго подоходнаго налога и отмѣна всѣх косвенных совершенно невозможны. И это очень недурно доказал... Фридрих Энгельс. Критикуя французскую соціалистическую программу, он говорит между прочим: «Возьмем напримѣр Англію. Там государственный бюджет простирается до 90 милліонов фунтов стерлингов. От 13½ до 14 милліонов из них доставляют налоги на доходы, остальные же 76 милліонов получаются от обложенія разных сдѣлок (почта, телеграф, штемпель), в огромном большинствѣ от обложенія народнаго потребленія путем постепеннаго урѣзыванія—маленькими, незамѣтными, но собирающимися во многіе милліоны суммами—доходов всѣх граждан, преимущественно же наиболѣе бѣдных. И в современном обществѣ вряд ли возможно иным способом покрыть государственные расходы. Предположим, что всѣ эти 90 милліонов в Англіи взимаются прогрессивным налогом на доходы в 120 фунтов стерлингов (1200 р.) и выше. Среднее годовое накопленіе, ежегодное увеличеніе національнаго богатства Англіи, составляло по Гиффену в 1865—1875 г.г. 240 милліонов фунтов стерлингов. Скажем, что оно теперь равняется 300 милліонам ежегодно; налоговое время в 90 милліонов поглотило бы почти треть всего дохода. Иначе говоря, ни одно правительство, кромѣ соціалистическаго, не может провести ничего подобнаго»*).

Абсолютная невозможность отмѣны всѣх косвенных налогов настолько очевидна, что серьезные теоретики соціаль-демократіи не раз откровенно это признавали. Так, Карл Кауцкій в своей брошюрѣ: «На другой день послѣ соціальной революціи» повторяет вышеизложенную мысль Энгельса и утверждает, что отмѣна косвенных налогов может быть проведена только соціалистическим правительством послѣ пролетарской революціи. Зачѣм же эта реформа фигурирует в программѣ минимум? Очевидно, только для одного—чтобы ослѣплять рабочих и привлечь мелкую буржуазію призраком радикальных реформ на почвѣ современнаго строя.

---

*) Фридрих Энгельс. «К аграрному вопросу на Западѣ». Изд. Е. М. Алексѣевой. 1905. стр. 13—14.

Посмотрим теперь, что означает замѣна постоянных армій народной милиціей. Опять таки, с внѣшней стороны реформа кажется довольно соблазнительной. Но при нѣкотором вниманіи она мигом теряет свою обаятельность. Думаете-ли вы, что народная милиція, по крайней мѣрѣ, свободна от опасности служить орудіем в руках буржуазіи в ея борьбѣ с пролетаріатом? В таком случаѣ глубоко ошибаетесь. В Швейцарской республикѣ милиція служит так же недурно буржуазіи, как постоянная армія во Французской Республикѣ и наемные солдаты в «Великой Американской Республикѣ»--Соединеных Штатах.

Какова бы ни была форма вооруженной силы, вездѣ в буржуазном обществѣ она должна служить буржуазіи, подобно тому, как в буржуазном обществѣ всякое правительство по необходимости должно быть буржуазным, капиталистическим. В ту минуту, когда милиція перестала служить слѣпо охраной капитализма, современное общество пало, соціальная революція—совершившійся факт. С другой стороны, спросим себя: возможно-ли уничтоженіе постоянных армій в современных больших капиталистических странах? Во-первых, ни одна капиталистическая нація не может обойтись без внѣшних рынков. Раззоряя свой собственный народ, буржуазія должна постоянно искать покупателей заграницей, особенно в неразвитых промышленных странах. Во-вторых, она всегда, каждую минуту должна оберегать свои земли и интересы от завистливой сосѣдки. Как же может когда-либо буржуазія добровольно отказаться от опоры своего международнаго могущества—громадной постоянной арміи? Только такая маленькая страна как Швейцарія, которая почти не имѣет крупной промышленности, почти не имѣет народной торговли, оторвана от всего міра нейтралитетом, может держаться народной милиціей. Но в таких странах как Франція, Германія и Россія уничтоженіе постоянной арміи равносильно уничтоженію господства буржуазіи. Понятно, что пока буржуазія сохранит за собою хоть тѣнь власти, она не распустит постоянной арміи. Все, что можно сдѣлать при сохраненіи частной собственности и государства, сводится к нѣкоторому сокращенію постоянных армій и к рѣшенію маловажных вопросов международным третейским судом. Если же соціаль-демократы хотят дѣйствительно сколько-нибудь ослабить военныя силы буржуазіи, у них есть только один исход: не выставлять утопических и полудемогогических требованій в родѣ отмѣны постоянных армій при капитализмѣ, а приглашать всѣх пролетаріев от-

казываться от военной службы, бросать позорныя знамена братоубійства, портить или передавать народным борцам оружіе, уничтожать особенно способных и враждебных народу военных начальников, убѣдить рабочих не работать в тѣх заводах, которые производят оружіе для государства и т. д.

Еще болѣе призрачна и фиктивна цѣнность отдѣленія Церкви от Государства. Без сомнѣнія, было бы благодѣяніем для рабочаго человѣчества уничтожить или значительно ослабить могущество Церкви—этого вѣчнаго врага свободы и свѣта. Но достигается ли эта цѣль политической реформой? Нѣт! Сила Церкви не в том, что священники получают жалованье от Государства. В Бельгіи и Соединенных Штатах Церковь отдѣлена от Государства,—развѣ церковь слаба в этих странах? Развѣ в Бельгіи попы не командуют всей страной? Могущество Церкви не в союзѣ с Государством, а в двух факторах: матеріальном и духовном. Она обладает громадной экономической силой благодаря своим капиталам и землям; она пользуется нравственным авторитетом, благодаря народному невѣжеству. Как вырвать это двойное могущество у Церкви? Есть только одно средство: во-первых, сжечь и истребить всѣ церкви, монастыри и лавры, как опасныя моральныя заразы; конфисковать и передать народу движимое и недвижимое имущество духовенства. Во-вторых, всѣми средствами разсѣивать народную темноту не только пропагандой революціонных идей, но и устройством соціалистических школ, университетов и т. д. Рядом с этим должно идти систематическое уничтоженіе разных чудотворцев, знахарей и других подобных религіозных шарлатанов, которые поддерживают и сгущают убійственный мрак вокруг народа. А отдѣленіе Церкви от Государства является только пустой фразой, ибо оно дѣйствительно полезно только буржуазному свѣтскому государству, которое посредством этого акта освобождается от матеріальной обузы и получает возможность использовать освободившіяся средства на усиленіе арміи, флота, бюрократіи, шпіонства и других таких-же «культурных» учрежденій.

Теперь нам предстоит разсмотрѣть другую группу реформ, которыя всѣ обычно охватываются двумя словами: политическая свобода. Давно уже стало одним из самых милых полемических пріемов наших противников притворно ужасаться тому, что мы «отрицаем» политическую свободу. Это тяжкое обвиненіе—сущій вздор: анархисты никогда не отвергали политической свободы, хотя отказывались воспѣвать ту свободу, которая якобы

существует на Западѣ. Они показывали, что конституціонныя свободы Запада чисто бумажнаго свойства и нигдѣ не дают рабочему классу очень серьезных гарантій. Не только в полуфеодальной, полицейской Германіи, гдѣ на всѣх публичных собраніях присутствует полиція, которая имѣет право закрыть немедленно собраніе, как только найдет себя оскорбленной в свом «достоинствѣ», но и во Франціи, в Швейцаріи, даже в Соединенных Штатах существуют каторжные законы против анархистов, к которым буржуазное глубокомысліе причисляет, к нашей чести, всякаго честнаго, непримиримаго революціонера. Даже в Англіи рабочіе в послѣдніе годы убѣдились, что их «неот'емлемыя» политическія права вполнѣ от'емлемы, когда суды вдруг стали привлекать стачечников к суду за вполнѣ мирныя стачки. Во Франціи ни одна манифестація не возможна без предварительнаго разрѣшенія полиціи. Тѣм не менѣе полиція и гвардейцы всегда проявляют к демонстрантам такую безсмысленную грубость, что рабочіе называют этих «охранителей» «казаками» и «убійцами». Гдѣ же основаніе приходить в восторг от «политической свободы» Запада? Дѣйствительно отрицаем мы не политическую свободу, а тот способ, который соціаль-демократы предлагают для ея завоеванія или защиты. Мы настойчиво утверждаем, что параграфы закона крайне слабая гарантія народных вольностей. Не только одни параграфы всегда удивительно легко замѣняются другими, когда это нужно буржуазіи, но и любой, самый выгодный рабочим параграф превращается в мертвую букву под сильной рукой буржуазнаго государства и капиталистов. Это особенно интересно проявляется в «странѣ свободы»—в Соединенных Штатах Америки. Не только правительство может в случаѣ серьезнаго рабочаго волненія об'явить военное положеніе и оффиціально упразднить «вѣчную» конституцію и отнять неот'емлемыя права, но суд может отмѣнить любой закон, признав его неконституціонным. Когда штат Нью-Іорк издал закон в пользу сокращенія рабочаго дня, суд просто об'явил его противным конституціи и этих нѣскольких слов достаточно было, чтобы обратить закон в мертвую букву. Словом, мы утверждаем, что закон является для буржуазіи только покрывалом, которое она безцеремонно бросает на землю, когда находит это полезным. И потому конституція и законность самыя плохія опоры народной свободы.

Как же раздобыть и охранять политическія вольности? Обратимся раньше всего к нашей авторитетной учительницѣ—Исторіи. Вспомним, напр., каким образом бы-

ла добыта в Англіи самая высшая из всѣх свобод—свобода союзов. «В настоящее время, говорит англичанин Смит, когда посмотришь, сколько почтенія удѣляется трэд-юніонам, трудно представить себѣ, что еще сравнительно недавно эти самые трэд-юніоны были внѣ охраны закона, и закон и правительство дѣлали все возможное, чтобы раздавить их. Снова и снова люди посылались в тюрьмы, на основаніи стараго Акта о Заговорах, за то, что они пользовались правом союзов для защиты от хищничества и жестокости хозяев. как же трэд-юніонисты тогдашняго времени отвѣтили на это преслѣдованіе? Посмотрѣли ли они на вопрос с легальной точки зрѣнія и подчинились закону вмѣсто того, чтобы руководиться болѣе высоким принципом? Обращались ли они с петиціями к разным господам с покорнѣйшей просьбою помочь им раздобыть признаніе со стороны закона и свободное пользованіе их неоспоримым правом? Если бы они поступали так, наши трэд-юніоны донынѣ не были бы еще признаны законом. Трэд-юніонисты тогдашняго времени не были так пропитаны уваженіем к закону, как теперь. Раз закон отказывался признать трэд-юніоны они отказывались признать право закона вмѣшиваться в их дѣла. Снова и снова они перед лицом закона утверждали свое право соединяться в союзы, и так упорна была их агитація, что правительство, безсильное в виду этой энергіи и роста народнаго недовольства, боясь революціи, не видя никакого исхода из затруднительнаго положенія, созданнаго им самим, узаконило треэд-юніоны (т. е. посредством парламентскаго акта дало им позволеніе дѣйствовать так, как они дѣйствовали раньше без парламентской санкціи» *). Так обстояло дѣло в Англіи. А какова исторія этой свободы во Франціи? Послушаем Карла Кауцкаго:

В 60-х годах во Франціи начался значительный промышленный под'ем и французскій пролетаріат пришел в движеніе. «Профессіональная организація стала настоятельнѣйшей потребностью, которую они всѣми способами старались удовлетворить, и если это не удавалось законным путем, то приходилось прибѣгать к незаконному... Если в 40-х годах мы встрѣчаемся с этими «обществами сопротивленія», то в 60-х годах сила их и значеніе до того вырастают, что правительству приходится с ними считаться... С 1881 г. мы встрѣчаемся со стремленіями буржуазных республиканцев подвести под профессіональныя организаціи правовую почву вмѣсто ненадежной

*) Direct action versus legislation. Blair Smith. Glasgow, p. 20.

терпимости, «дабы обезпечить соціальный мир» в странѣ**)».

Как видите исторія свободы одна и та же вездѣ: закон отрицает право, рабочіе вопреки ему пользуются правом, правительство начинает опасаться за соціальный мир и узаконяет то, что раньше преслѣдовало. Вот и все Однако, нам не зачѣм так далеко ходить за подобными фактами. Что говорит нам исторія русской политической свободы? Каким образом добились мы тѣх свобод, которыми мы пользуемся теперь и которыя безпрерывно возростают? Ждали ли мы конституціи, чтобы устраивать стачки, союзы, печатать свободное слово, вести устную агитацію? Долгонько пришлось бы нам ждать законнаго признанія каких-нибудь свобод. Нѣт! Мы раньше фактически пользовались тѣми свободами, которыя нам нужны были. Когда правительство не в силах было лишить нас завоеванных нами на практикѣ свобод, оно начало укрѣплять их за нами юридически.

Закон не только ничего не прибавляет к тому, что уже фактически завоевано, но я откровенно утверждаю, что самый либеральный закон только ограничивает свободу. В самом дѣлѣ—что такое любая политическая свобода, как не право граждан вступать в тѣ или иныя отношенія между собою? Если закон хочет дать нам дѣйствительную свободу сноситься с согражданами всѣми средствами—словом, печатью, собраніем,—он совершенно лишній. Вѣдь, что может быть естественнѣе того, чтобы люди, живущіе вмѣстѣ, имѣли право говорить между собою. Если у меня есть нормальный мозг, я даже против своей воли мыслю; мысли невольно выражаются звуками, словом, дѣйствіем. Запретить мнѣ говорить—значит запретить имѣть мозг. Этого фактически не может сдѣлать ни один закон. Зачѣм же закон берет на себя задачу—регулировать мое слово, мои дѣйствія? Еслиб его задачей было расширить свободу, он был бы абсолютно излишним: вѣдь нелѣпо же издавать, напримѣр законы о том, что каждый человѣк имѣет право смѣяться, когда ему этого хочется. Естественныя потребности удовлетворяются без всякой помощи закона. Ясно, что закон, берущій якобы под свою защиту мою естественную свободу слова, не только ничего не может придать мнѣ, но непремѣнно имѣет своей цѣлью поставить удовлетвореніе моей естественной потребности в особыя условія, которыя дают возможность государству лишить меня моего человѣческаго права, как только я из него дѣлаю

**) К. Каущкій «Республика с-д-ія во Франціи» стр. 77, 80, 81.

«преступное» употребленіе, т. е. пользуюсь им несоотвѣтственно видам господ существующаго общества. Всякая совбода, якобы гарантируемая законом, дѣйствительна только в предѣлах этого закона. Закон не может гарантировать свободы, потому что это внѣ его силы; он всегда только ограничивает ее. Самое лучшее средство— дать народу полную политическую свободу: это отмѣнить всѣ ограничительные законы. Тогда слово, печать, собраніе будут так же свободны, как мысль, смѣх, плач и другія естественныя проявленія индивидуальной жизни. Оформить свободу юридически, поэтому, всегда в интересах не народа, а правительства. Зачѣм же нам анархистам, добиваться оффиціальной, юридической свободы? В настоящее время всякій уважающій себя свободомыслящій человѣк считает унизительным для себя вмѣшательство государства в его семейную жизнь. Он справедливо полагает, что это личное дѣло мужа и жены. Но развѣ и всѣ так называемыя политическія свободы не такого же характера? Я хочу образовать союз—это касается меня и других членов союза. Я выступаю в публичном собраніи с рѣчью—это касается меня и моих слушателей, которыя могут аплодировать мнѣ и осмѣять меня. Какое дѣло государству, кому, о чем и гдѣ я говорю? Очевидно, во-первых, что свободное пользованіе моими естественными дарованіями даже с согласія моих сограждан невыгодно, опасно государству. Какая же наивность нужна, чтобы ждать от этого постояннаго врага моей естественной свободы защиты этой свободы! Очевидно, во-вторых, что мѣра моей свободы опредѣляется не степенью покровительства закона, а степенью моей смѣлости и силы в нарушеніи воли моего врага—закона. Если я хочу освободить себя от паутины закона, который безстыдно врывается во всѣ уголки моей жизни и стремится всю ее поставить под свой бдительный надзор, я должен вѣчно бороться с ним, т. е. совершенно игнорировать его и устраивать свои отношенія к своим друзьям и согражданам так, как это нравится нам вопреки закону. Понятно, что государство будет преслѣдовать нас. Но если право, которое мы незаконно осуществляем, дѣйствительно нужно народу, наш примѣр найдет себѣ подражаніе, закон потеряет всякую силу, и правительство поспѣшит дать нам разрѣшеніе дѣлать то, что мы раньше дерзали дѣлать без его разрѣшенія. Так всегда до сих пор добывались свободы и так будет впредь: чтобы добиться права, нужно его раньше осуществлять. Поэтому в противовѣс конституціонным мечтаніям соціаль-демократов мы выставляем тактику революціонной самодѣятельно-

сти (action directe) *).

Наше отношенiе к послѣдней группѣ реформ—к экономическим реформам—само собою очевидно теперь. Длина рабочаго дня, высота рабочей платы, другiя условiя труда касаются исключительно договаривающихся сторон—капиталистов и рабочих. Смѣшно надѣяться, что буржуазная государственная власть возьмет на себя безкорыстную «охрану труда». Правительство охраняет труд лишь по стольку, поскольку оно боится рабочих. Поэтому всѣ экономическiя реформы пролетарiи могут добыть только одним путем—революцiонной самодѣятельностью. Если мы хотим добиться 8 часового рабочаго дня, начнем самовольно оставлять фабрики, проработав 8 часов. Если мы это будем практиковать упорно и во все растущих размѣрах, мы добьемся своего. Нас не должно смущать то, что мы не раз должны будем возвращаться на фабрики на старых условiях: всякая война ведется с перемѣнным счастьем. Стачки являются наиболѣе распространенным средством экономической борьбы. Но мирныя частичныя стачки все больше теряют свою силу с развитiем капиталистических трэстов, против которых безсильны отдѣльныя стачки. Поэтому, рядом со стачками с каждым днем должны прiобрѣтать все большее значенiе другiе методы революцiонной самодѣятельности, например, уничтоженiе имущества капиталиста, угроза его жизни, устраненiе особенно вредных директоров или мастеров. Эти террористическiе акты не только внесут смятенiе в сонное болото буржуазнаго благополучiя, но и подымут революцiонную смѣлость работников.

Итак, каково наше отношенiе ко всей совокупности реформ, которыя обычно называются программой минимум соцiаль-демократiи? Наш анализ показал, что нѣкоторыя из них ничего не дают рабочим, другiя неосуществимы при господствѣ буржуазiи, третьи могут быть наилучше добыты внѣпарламентским путем, путем революцiонной самодѣятельности рабочаго класса. Значит ли это, что мы отвергаем реформы только потому, что онѣ не революцiя? Значит ли это, что мы совѣтуем рабочему классу отказаться от всякой попытки улучшить сколько нибудь свое положенiе теперь? Нѣт! Мы только напоминаем работникам, что уступки, которых мы можем добиться от буржуазiи при сохраненiи частной собственно-

---

*) Термин « action directe » непереводим на русскiй язык вполнѣ точно. Выраженiя, в родѣ «прямое воздѣйствiе» или «прямая дѣятельность» мнѣ кажутся менѣе удачными, чѣм «прямая борьба» или «революцiонная самодѣятельность» или еще «тактика захватнаго права».

сти и государства, крайне ничтожны. Мы доказываем, что даже эти ничтожныя уступки можем мы добыть только путем неустанной борьбы самих рабочих масс, а не посредством дипломатических фокусов политиканов-депутатов. Этим мы не только спасаем работников от тяжелых послѣдствій неизбѣжнаго разочарованія, которое порождают всѣ реформаторскія иллюзіи, но и революціонизируем умы рабочаго народа: мы пріучаем народ брать даже мелкія реформы путем самостоятельной борьбы Когда он, наконец, откроет глаза свои и увидит всю пустоту реформаторских потуг, когда он поймет необходимость освѣжающей бури соціальной революціи, чтобы смести с лица земли всю гниль буржуазнаго міра, он не будет ждать уже позволенія и руководства соціаль-демократических «отцов-командиров», а «самовольно» развернет черное знамя безпощаднаго разрушенія всѣх форм эксплуатаціи, рабства и невѣжества. Самодѣятельность создает самоувѣренность. А нам жизненно необходимы самоувѣренныя, гордыя личности, ибо без них невозможна великая революція. Мы должны превратить народ не в дисциплинарное стадо, а в могучій союз свободных, гордых и смѣлых личностей. Не дисциплиной побили французы в 92 году соединенныя силы всей реакціонной Европы, а горделивой любовью к своей свободѣ. Нам, пролетаріям, предстоит величайшая из битв, какія когда-либо видѣл мір, ибо ареной борьбы станет вся земля, все человѣчество распадается на два воюющих лагеря—и на карту будет поставлена судьба человѣчества, судьба культуры, Как подготовиться нам к этой великой войнѣ? Создадим возможно больше свободных, гордых и смѣлых личностей; разбудим в массах задавленный нуждою революціонный идеализм—любовь к свободѣ и братству, любовь к великому и доброму. Матеріальные интересы не создают героев, дисциплина не создает мужества, а всякая война нуждается в героях и мужественных войнах. Поэтому, не только преступно укрѣплять казарменныя наклонности к «пролетарской» дисциплинѣ, которой, к несчастью, слишком много у нас всѣх, а нужно безпрерывно будить в народѣ мятежный дух непокорности и бунта. Поэтому, преступно принижать борьбу работников к борьбѣ за матеріальные интересы, принижать лучезарную рабочую революцію к жалкой перемѣнѣ правительства. Поэтому же, мы не должны отказываться и от небольших улучшеній, раз они добываются самим народом, его собственной революціонной самодѣятельностью. Ничтожное улучшеніе, может быть, завтра сведется к нулю благодаря проискам

бдительных врагов народа—Капитала и Государства, но никогда не пропадет нравственный результат всякой стойкой борьбы: это горделивое сознаніе своей силы, чувство личнаго достоинства, мужественное уваженіе к своим товарищам-соратникам, презрѣніе к опасностям и мелочным интересам. Всякая война создает мучеников и героев. Пусть же пролетарій привыкнет вѣчно бороться вѣчно воевать, хотя бы в началѣ за незначительныя реформы: вѣрьте—скоро, скоро расширится его кругозор, он оставит безплодную борьбу за экономическія, политическія и нравственныя реформы и смѣло подымет знамя борьбы за единую экономическую, политическую и нравственную революцію.

XVI.

Трэд-юніонизм, соціаль-демократизм и революціонный синдикализм.

Интересы работников и капиталистов взаимно-противоположны. Рано или подзно это противорѣчіе интересов должно повести к открытой борьбѣ.

В началѣ борьба эта по необходимости, носит временный, случайный характер. Эта черта опредѣляется тогдашним положеніем пролетаріев. для которых наемный труд не является еще исключительным источником дохода. В большинствѣ случаев это мелкіе крестьяне, полуразорившіеся, но владѣющіе еще небольшим клочком земли. Для них фабричный труд только средство раздобыть небольшую сумму наличных денег на уплату податей и на другіе необходимые расходы. Словом, для этих работников наемный труд подсобный, а не главный промысел. Понятно, что на этой стадіи своего развитія пролетаріат не может возвыситься до сознанія своего классового единства. Его борьба по необходимости лишена постоянства и опредѣленности, она внезапно вспыхивает и так же внезапно гаснет. Другая черта этой ступени развитія рабочаго класса—это стихійность его борьбы. Стычки с хозяевами лишены всяких элементов сознательности и планомѣрности. Работники долго и безсмысленно терпят самый возмутительный гнет. Потом внезапно чаша терпѣнія переполняѐтся и вся накипѣвшая злоба выливается в ряд жестоких актов: уничтожаются машины, поджигаются фабрики и т. д. Но вот вспышка прошла, взбунтовавшіеся рабы смиряются и покорно склоняют свою голову под прежнее иго. Вся буря миновала, не оставив никакого полезнаго слѣда в положеніи рабочих, так как борьба была чисто стихійной и лишенной всякаго плана. Кромѣ стихійности классовая борьба в

эпоху зарожденія прелетаріата отличается еще одной замѣтной чертой-замкнутой, почти цеховой профессіональностью. Работники ведут борьбу изолированными группами. Чуть ли не каждая фабрика борется со своим капиталистом, совершенно не интересуясь борьбой остальных рабочих. Наконец, мы должны еще указать на узко-мѣстный характер первоначальной борьбы пролетаріев. Рабочіе одного города совершенно оторваны от своих товарищей по профессіи в других городах. Но всѣ эти характерныя черты первой стадіи развитія рабочаго класса рѣзко мѣняются с развитіем капитализма.

С торжеством крупнаго производства цѣлыя области мелкой промышленности погибают, создаются цѣлые кадры пролетаріев, которые уже не временно и не отчасти должны прибѣгать к наемному труду, а всегда и всецѣло должны находить источники пропитанія в продажѣ своей рабочей силы. Вмѣстѣ с этим борьба рабочих с хозяевами должна навсегда потерять прежній характер случайности и превратиться в постоянную войну двух вѣчно враждебных классов. Одновременно же должна исчезнуть стихійность борьбы. Раз стычки с капиталистами становятся постоянным явленіем, работники неизбѣжно горьким опытом убѣждаются, что борьбу необходимо осмыслить, организовать. Тогда возникают профессіональные рабочіе союзы. Тот же процесс развитія капитализма лишает борьбу рабочих ея узко—профессіональнаго и исключительно мѣстнаго характера. Дѣло в том, что в крупном производствѣ скоро исчезают сколько-нибудь серьезныя отличія между различными предпріятіями, по крайней мѣрѣ, одной отрасли промышленности. Условія работы и положеніе работников данной отрасли промышленности во всей странѣ становятся одинаковыми; является возможность и необходимость об'единить борьбу рабочих, вырвать ее из тѣсных рамок опредѣленной личности и узкой профессіональности и выставит болѣе широкіе, общіе лозунги борьбы. Это—эпоха созданія національных профессіональных союзов, т. е. таких, которые охватывают работников цѣлой профессіи во всей странѣ. Так борьба рабочих становится постоянной, сознательной, болѣе широкой по пространству и болѣе глубокой по содержанію.

Дальнѣйшее развитіе капитализма еще больше видоизмѣняет формы борьбы работников. Развитіе техники все больше упрощает труд. Этим ослабляется различіе в положеніи работников в отдѣльных профессіях старый барьер между ними падает, борьба принимает общеклассовый характер. Отнынѣ друг против друга стоят уже не

отдѣльныя кучки рабочих и капиталистов, а класс работников и класс капиталистов, Труд и Капитал. Но вокруг чего идет борьба между этими двумя громадными силами? Она вертится в началѣ почти исключительно вокруг двух пунктов: рабочей платы и рабочаго дня. Однако, рабочим организаціям скоро становится ясно, что одного нормированья платы и дня недостаточно для того, чтобы удержать достигнутый standard of life (уровень образа жизни). Тогда рабочіе союзы начинают вмѣшиваться в распорядки внутри самой фабрики и мастерской. Идеалом является такое положеніе вещей, когда хозяин обязуется принимать на работу только членов рабочаго союза и на условіях, выработанных наперед на основаніи коллективнаго договора.

В таком случаѣ фабрика получает в Соединенных Штатах названіе Union Shop и на всѣх продуктах ея есть штемпель профессіональнаго союза—лабель (label). Таким образом изолированная, стихійная борьба рабочих с капиталистами превращается в планомѣрное, сознательное стремленіе принять участіе в регулированіи производства. Тенденція трэд-юніонизма—расколоть общество на два класса, отдѣльно организованных на почвѣ своих матеріальных интересов и об'единенных как бы в федеративный союз. Конечным пунктом развитія является тот воображаемый момент, когда рѣшительно всѣ рабочіе организованы в профессіональные союзы, всѣ капиталисты об'единены в трэсты и когда вся экономическая жизнь регулируется коллективными договорами обѣих организованных общественных сил. Этого пункта не достигла еще ни одна страна, но он все же составляет идеал вождей трэд-юніонизма.

Всякій идеал, в сущности, представляет собою предвосхищеніе конечной точки развитія извѣстной эпохи. Но так как законы этого развитія нам никогда не извѣстны в точности, то идеалы всегда невольно подвергаются жестокому испытанію со стороны неумолимой жизни. Строя идеал свой, мы невольно уменьшаем значеніе и силу старых, враждебных нам сил и не предвидим тѣх новых, которыя должны еще выступить. Мы безсознательно вѣрим, что путь развитія будет опредѣляться только нами. В этом источник трагизма всякаго широкаго идеала, в этом же и причина не трагизма, а полнаго крушенія трэд-юніонизма.

Трэд-юніонизм вѣрит, должен вѣрить, что с'организует весь пролетаріат или, по крайней мѣрѣ, громадное большинство его и таким образом станет несокрушимой силой в производствѣ. В этом его первая утопія. Совершенно безсмысленно мечтать, что при капиталистических

условіях возможно организовать хотя бы большинство пролетаріев. «Как бы быстро ни развивались профессіональныя организаціи, говорит Кауцкій, онѣ никогда не будут в состояніи охватить собою весь рабочій класс. Профессіональное движеніе по самому существу своему всегда будет находить и предѣлы своему росту и поддержку в тѣх слоях пролетаріата, которые принято называть рабочей аристократіей», говорит Бернштейн в послѣсловіи к нѣмецкому изданію «Исторіи трэд-юніонов» супругов Вебб. Мы согласны с этим»*).

Трэд-юніонизм вѣрит, что посредством касс, стачек и других мирных средств можно безпрерывно улучшать положеніе хотя бы организованных рабочих. Это его вторая утопія. Кассы капиталистов полнѣе, легче и быстрѣе наполняются, чѣм союзныя кассы самых богатых рабочих. К тому же в руках капиталистов могучее орудіе —современная государственная власть—которая всегда умѣет ловко вмѣшиваться в спор капитала и труда и, понятно, не для того, чтобы склонить вѣсы в сторону рабочих. Безсиліе легальных мирных средств борьбы видно между прочим из статистики стачек, которая открывает поразительный факт: в Германіи, по словам Бебеля, только 57% всѣх стачек в год промышленнаго расцвѣта кончились частичным успѣхом. В болѣе промышленных странах этот процент не выше, а ниже; в годы кризисов борьба рабочих превращается в одно сплошное пораженіе. Причина, по всеобщему признанію, коренится в развитіи союзов капиталистов—в трэстах.

«В борьбѣ с неограниченными средствами и обезпеченной монополіей с абсолютным единодушіем современных капиталистических левіафанов--четверть милліонное состояніе самаго богатаго союза и возмущеніе двухсот тысяч упорных и озлобленных рабочих так же безсильны, как и стрѣла, брошенная в броненосец». Так говорят супруги Вебб и с ними согласны теоретики соціаль-демократіи. Даже из очень крупных стачек за послѣднія 10 лѣт ни одна ни в одной странѣ не кончилась побѣдой рабочих: всѣ кончались болѣе или менѣе полным пораженіем, благодаря экономической мощи трэстов или грубому вмѣшательству государства.

Наконец, трэд-юніонизм обольщает себя фантастической мечтой о мирном сотрудничествѣ двух антагонистических классов посредством добровольных соглашеній. Это его третья и самая главная утопія. Пролетаріат и

*) К. Кауцкій Профессіональное движеніе и политическія партіи пролетаріата, изд. «Луч», стр. 5.

буржуазія представляют собою двѣ силы, приложенныя к одной точкѣ и направленныя в противоположныя стороны. Между ними возможно равновѣсіе только в случаѣ равенства, которое на дѣлѣ совершенно невозможно, и сотрудничество, о котором мечтают вожаки трэд-юніонизма в Англіи и Соединенных Штатах Америки, на дѣлѣ есть безпрерывная война. Миролюбіе рабочих не только не полезно им, но еще ослабляет их боевую готовность и увеличивает дерзость их врага капиталиста.

Много еще других грѣхов на совѣсти трэд-юніонизма, но всѣ они ведут к одному и тому же плачевному результату: не улучшая совсѣм или очень мало улучшая условія труда, трэд-юніонизм топчется безсильно на мѣстѣ в рамках закона, тратит безцѣльно массу энергіи на завѣдомо утопическія цѣли, убивает в рабочих массах революціонные порывы, внѣдряет в них жалкія матеріалистическія стремленія к мѣщанскому благополучію, превращает организованный пролетаріат не в боевой авангард всего рабочаго человѣчества, а в мелочную чванливую и презрѣнную касту, рабочую аристократію. Видя невозможность улучшить или поддержать условія жизни в рамках буржуазнаго міра, эта жалкая каста не дѣлает попытки выйти из этих тѣсных рамок, а старается сама сѣсть на плечи еще болѣе несчастным братьям-рабочим: почти закрывают доступ в рабочіе союзы новым членам, вводят чисто-цеховыя правила, якшаются с буржуазіей и государством, стараясь даже своих развращенных хозяев превзойти в развратѣ, буржуазности и «практичности». Трудно представить себѣ другую такую же безпринципную буржуазную организацію, я позволяю себѣ сказать, такое грязное болото, как Американская Федерація Труда (American Federation of Labor) хотя эта организація охватывает около 2.000.000 членов, по словам одного из вожаков*).

Из этого постыднаго тупика пытается вывести рабочее движеніе соціаль-демократія. Она энергически критикует всѣ иллюзіи трэд-юніонизма. Она убѣдительно доказывает рабочим утопичность мечты о сотрудничествѣ классов, когда вся жизнь наполнена «войной классов»*). Но с особенной силой она показывает рабочим безсиліе одних профессіональных союзов улучшить серьезно положеніе в рамках современнаго строя. Что же предлагает соціаль-демократія если не взамѣн, то на помощь рабо-

*) John Michel. Erganized Labor.

*) **Выраженіе американскаго с-д-а** John Spargo ("The War of Classes").

чим союзам? Она внимательно анализирует положеніе вещей и показывает рабочим несомнѣнный факт, что государство играет рѣшающую роль в общественной борьбѣ, что во всѣх капиталистических странах, даже в либеральной Англіи, в «странѣ свободы»—в Америкѣ, в демократической Франціи—вездѣ буржуазія пользуется государственной властью для угнетенія рабочих, для ослабленія их организацій, и соціаль-демократія дѣлает, повидимому, правильный вывод. Нужно вырвать это могущественное орудіе из рук врагов рабочих и сдѣлать его орудіем постепеннаго улучшенія жизни и полнаго освобожденія рабочих. И жизнь сама, кажется, только то и дѣлает, чтобы подтверждать строгую критику соціаль-демократіи. Развитіе машиннаго производства все таки начинает пробивать брешь в самые неприступные и самые консервативные профессіональные союзы. Даже они начинают замѣчать, что на однѣх кассах взаимопомощи и страхованія далеко не уѣдешь. Начинаются разговоры о том, что необходимо заняться «политикой», даже самостоятельной политикой, чтобы обезпечить себя от ударов коварной государственной власти. Такое движеніе началось уже в Англіи, нѣчто подобное начинается даже в Соединенных Штатах**). Трэд-юніонизм постепенно начинает терять свое обояніе, надежды на однѣ прежнія экономическія организаціи блѣднѣют, рабочіе начинают принимать самостоятельное участіе в политикѣ, которая постепенно, по логикѣ вещей, должна стать главной работой рабочих организацій. Словом, экономизм смѣняется политицизмом, тред-юніонизм уступает господство соціаль-демократіи.

Что обѣщает она рабочему классу? Может ли она сдержать свои обѣщанія? Увы! она основана на такой же иллюзіи, как трэд-юніонизм, иллюзіи, которую исторія должна разбить самым неумолимым образом. Сила трэд-юніонизма состояла в том, что он организовывал солидарное выступленіе рабочих масс против разрозненных капиталистов, он пользовался конкуренціей капиталистов между собою, чтобы бить их по одиночкѣ; его сила была в безсиліи врага. Развитіе трэстов кладет конец этому преимуществу рабочих: против экономической организаціи работников трэст выставляет еще болѣе могучую экономическую силу капиталистов.

Каково положеніе рабочих в политической области?

**) Здѣсь кромѣ того зародилось оригинальное профессіональное движеніе в противовѣс American Federation of Labor. Новая организація называется Industrial Workers of the World.

Оно на первых порах так же благопріятно, как в экономической борьбѣ. Политическія партіи буржуазіи в началѣ, в виду нѣкоторых частных интерсов различных слоев, ведут между собою не менѣе жестокую борьбу, чѣм конкурирующіе капиталисты. Из этой удачной политической кон'юнктуры политическая рабочая партія может извлечь столько же выгод, как профессіональный союз из капиталистической конкуренціи. Врѣзываясь клином в враждующія партіи буржуазіи, политическая рабочая партія может извлечь кое-какія выгоды. Не раз бывали случаи, что цѣлые муниципалитеты попадали в руки соціаль-демократов, благодаря раздорам буржуазных партій, которыя друг друга ослабляли или даже прямо поддерживали соціалистов. Но развитіе капитализма уничтожает эту политическую конкуренцію буржуазіи, как уничтожает ея экономическую.

Одним из главных виновников раздоров была мелкая буржуазія. В противоположность либеральным партіям крупных капиталистов, она вносила в политику радикально демократическую струю. Но за послѣднія десятилѣтія ея экономическое положеніе сильно пошатнулось. Часть ея, наиболѣе просвѣщенная, перешла на сторону соціаль-демократіи, которая в сущности теперь единственная демократическая партія; другая часть в ужасѣ бросилась в об'ятія разных радикальных шарлатанов національзма, антисемитизма, христіанскаго соціализма и т. д. В результатѣ: политическая партія мелкой буржуазіи, демократія, совершенно исчезает или настолько блѣднѣет, что фактически сливается с реакціонными партіями, или настолько краснѣет, что рано или поздно должна слиться с соціальдемократіей (так французскіе «радикалы-соціалисты radicaux-socialistes отличаются от жоресисов очень небольшим промежутком, который почти постоянно наполняется слоем перебѣжчиков из обоих лагерей).

Очень важной причиной раздоров между фракціями владѣющаго класса служила также рознь между помѣщиками и капиталистами. Пока рента росла на счет прибыли, эти двѣ общественныя группы неистово враждовали друг с другом. Не только в Англіи консерваторы издали всѣ сколько нибудь полезные рабочим законы, но даже в Германіи юнкера долгое время кокетничали с рабочими, чтобы сломить либеральничающую буржуазію. Из ненависти к капиталистичской буржуазіи, а не из страха пред соціаль-демократіей, были изданы в Германіи так называемые «законы в защиту труда». Что юнкера очень мало боятся «революціонной» соціаль-демократіи видно из того, что у рабочих отнимают всеобщее

избирательное право или упорно отказываются дать им эту безобидную игрушку, хотя социаль-демократы считают это своим основным требованием. К тому же всѣ «крупныя» реформы введены «Промышленным уставом» в 1869 году, когда социаль-демократія была только в зародышѣ, а поправки которыя потом вносились, в высшей степени ничтожны. Но может ли долго продолжаться этот антагонизм между землевладѣніем и промышленностью? «Консерваторы в Англіи, говорит Кауцкій, со дня на день становятся все болѣе капиталистической партіей, так как сельское хозяйство все болѣе отстает от индустріи и землевладѣльцы потеряли всякую надежду улучшить свое положеніе на счет политичесдой прибыли и заработной платы. Лишь путем присвоенія капиталистической прибыли и возростающей городской ренты и посредством колоніальнаго грабежа они могут еще исправить послѣдствія паденія поземельной ренты. Консервативная партія в данное время становится партіей капиталистической, и сила ея больше чѣм когда бы то ни было ; серьезной оппозиціи она не встрѣчает ни в странѣ, ни в парламентѣ*)».

Итак, реакціонные и консервативные помѣщики становятся болѣе или менѣе либеральными землевладѣльцами. Наконец, как же дѣло обстоит с самим либерализмом? Эмиль Вандервельд отмѣчает интересный факт: «Капиталистическая буржуазія, говорит он, теперь гораздо больше, чѣм 1848 г., составляет господствующій класс, а между тѣм—как это ни кажется на первый взгляд противорѣчивым—мы наблюдаем во всѣх странах Европы пораженіе либерализма, если не полное, то частичное. На самом же дѣлѣ повсюду пріобрѣтают все больше и больше значенія крупные аграріи, поземельные собственники»**). Он доказывает эту мысль анализом политических условій всѣх европейских стран и спрашивает себя, чѣм об'ясняется эта аномалія. «Во всѣх тѣх странах об'ясняет он себѣ, гдѣ рабочій класс сильно организован в политическом смыслѣ,либеральная буржуазія, оставленная за флагом при всеобщей подачѣ голосов, играет роль той добавочной суммы которая рѣшает исход выборов. Принужденная выбирать между соціалистами и реакціонерами, она устремляется на сторону послѣдних с тѣм большей силой, чѣм сильнѣй становится соціализм»*).

---

*) «Профессіональные союзы», стр. 37—38.

**) «Золотая свадьба международнаго соціализма». стр. 17 издан. «Буревѣстник».

*)Там же стр. 20.

Итак, какова тенденція развитія политических отношеній в капиталистическом обществѣ? Политическая борьба, как и экономическая борьба, приводит к тому же концу, т. е. раскалывает общество на два политических лагеря: с одной стороны, политическая партія рабочих, с другой—политическая партія капиталистов. Если вначалѣ еще можно было себя питать надеждой на полученій кое-каких реформ, то перед об'единенным врагом соціаль-демократіи с трудом удастся сохранить существующее положеніе вещей. Подобно тому, как в экономической жизни громадныя организаціи работников играют самую ничтожную роль, хотя онѣ доставляют самый главный фактор всякаго производства—труд, так и в политической жизни соціаль-демократическая партія осуждена играть роль безсильной оппозиціи, хотя бы на ея сторонѣ было большинство избирателей. Это должно и будет совершаться до тѣх пор, пока и экономическая и политическая борьба ведутся в рамках, установленных господствующим классом. Каковы эти рамки? Частная собственность и государство. Как выйти из них? Путь один—нужно сломить их ударом кулака. Кто сломит их? Тот, для кого онѣ созданы и кого онѣ держат в желѣзных тисках бѣдности и рабства,—пролетаріат. Развитіе трэд-юніонизма приводит рабочее движеніе к дилеммѣ: или сдѣлать рабочій класс постоянным, уступчивым, экономическим союзником капиталистов, или выйти из рамок закона, перестать торговаться с хозяином из-за доли продукта и овладѣть всѣм продуктом, т. е. или застой и регресс, или революція. Развитіе соціаль-демократіи ведет к однородной дилеммѣ: или сдѣлать работников политическими способниками буржуазіи, или сломить оковы закона, вырвать всю государственную власть и уничтожить на всегда это развратное наслѣдіе варваров т. е. опять таки или застой и регресс, или революція. Так современное общество своим развитіем неумолимо толкает работников к одному и тому же—к революціи. Всѣ дороги ведут в Рим.

Банкротство трэд-юніонизма и соціаль-демократизма порождает страстную потребность в новых путях для рабочаго движенія внѣ мирнаго экономизма и легальнаго политицизма. Этот новый путь открывает пролетаріату революціонный синдикализм—синтез дорогого опыта долгих мучительных лѣт борьбы, ошибок и пораженій рабочаго класса. Революціонный синдикализм исходит раньше всего из глубокаго убѣжденія, что государство было, есть и будет организаціей господства владѣющаго класса и потому безсмысленно угнетенному про-

летаріату стремиться его завоевать; что небольшія реформы, которыя можно вырвать из рук врагов в рамках частной собственности и государства, пролетаріат может исторгнуть только собственной самостоятельной борьбой, безпрерывно давя и тѣсня буржуазію и государство; что рабочій класс может освободить себя от каторги наемнаго труда только путем коллективнаго грандіознаго усилія всѣх трудящихся, посредством всеобщей стачки. Эти простыя истины, выстраданныя в неустанной мучительной борьбѣ истекшаго вѣка, так просты и так обаятельны, что давно полонили сердца и умы наиболѣе передовых пролетаріев. Онѣ раскрыли пытливым труженикам всю тщетность экономических и политических иллюзій прошлаго и показали ему, что есть один только рабочій класс—весь трудящійся мір, что возможна одна только партія—сам организованный авангард трудящихся, что есть одна только цѣль—уничтоженіе всѣх авторитетов, что есть одно средство—возстаніе труда. В муках родились эти великія идеи, в муках пробивают онѣ себѣ дорогу сквозь густую чащу предразсудков и измышленій врагов полнаго освобожденія народа. Но их побѣда неизбѣжна. Кто может остановить грозовую тучу, тот только может остановить и проснувшуюся мысль работников. Трэд-юніонизм, парламентаризм и революціонный синдикализм не представляют сами по себѣ никаких, идеалов, они только опредѣленные пути рабочаго движенія, опредѣленныя тактики. Но каждый путь ведет куда-нибудь, если даже сам путник не знает куда. Всякая тактика поэтому, всегда предполагает какой-нибудь идеал, ведет к нему. Трэд-юніонизм есть тактика буржуазнаго либерализма, парламентаризм есть тактика интеллигентскаго коллективизма, революціонный синдикализм ведет к рабочему анархизму. Ибо кто ограничивает дѣятельность работников борьбой за лучшія условія наемнаго труда, тот этим самым признает основу наемнаго труда—частную собственность и становится на точку зрѣнія либерализма. Кто сосредоточивает борьбу вокруг завоеванія государственной власти, этим самым признает эту власть, господство человѣка над человѣком и становится авторитарным соціалистом, соціаль-демократом, а тот, кто строит тактику на внѣпарламентской революціонной самодѣятельности самого организованного пролетаріата, даже против своей воли содѣйствует созданію чисто экономическаго, рабочаго общества, без хозяина и без власти—Анархической Коммуны. Оттого коллективисты, которые признали тактику революціоннаго синдикализма и по малодушію остаются еще в рядах соціаль-демокра-

тіи, рано или поздно придут к нам, а даже искренніе анархисты, отрицающіе революціонный синдикализм, рано или поздно убѣдятся в полной безпочвенности их дѣятельности внѣ сочувствія широких масс организованнаго пролетаріата, впадут в апатію и из буйных революціонеров превратятся в безобидных мечтателей—фразеров. Наш лозунг: революція для народа и самим народом.

XVII.

Объ экспропріаціи.

Всѣ метафизическія школы, как идеалистическія так и матеріалистическая, строили свои философскія системы на противопоставленіи сознанія бытію. Идеалисты увѣряли, что бытіе опредѣляется сознаніем, а матеріалисты старались убѣдить нас, что, наоборот, сознаніе опредѣляется бытіем. И тѣ и другіе вырывали бездну между этими двумя элементами дѣйствительности. Новѣйшая научная философія впервые окончательно порывает с этим опасным дуализмом. Она смѣло строит всѣ свои положенія на новом базисѣ, начиная с признанія полнаго единства жизни, единства сознанія и бытія. Мы не можем теперь иначе смотрѣть на мышленіе как на одну из функцій органической жизни, как на интегральную часть бытія. Для нас теперь ясно, что мышленіе, чувства, дѣятельность человѣка не являются механическим конгломератом, а внутренне связанными элементами единаго органическаго цѣлаго. Вот почему мышленіе, чувства и дѣятельность человѣка должны постоянно приспособляться друг к другу, стремиться к извѣстной гармоніи. Отсутствіе такого гармоническаго соотношенія есть признак психической ненормальности и должно неизбѣжно вести к разстройству индивидуальной жизни.

Так же обстоит дѣло с группами и классами. Совокупность психических черт отличающих извѣстную группу, так называемая групповая психологія также не может долго находиться в конфликтѣ с потребностями и условіями жизни этой группы: рано или поздно между всѣми этими общественными сферами должна создаться подобная же гармонія под угрозой гибели самой группы.

Но откуда общественные классы черпают матеріал для своей идеологіи? Понятно, из наличнаго запаса дан-

ной эпохи. В давно забытыя времена первобытной эпохи, когда человѣк-дитя не мог еще отличить себя самого не только от своих собратьев-людей, но и от всей остальной природы, когда он невольно одухотворял все окружающее,—миѳологія была сокровищницей, из которой всѣ группы черпали матеріал для своей идеологіи. Одни и тѣ же миѳы, однѣ и тѣ же сказки и басни принимали самыя разнообразныя формы, подвергались самой различной обработкѣ в зависимости от условій жизни и потребностей общественных групп. В этом отношеніи глубоко любопытно сравненіе многих общих миѳов греков и римлян. В послѣдующій період религіознаго метода мышленія таким же общим источником вдохновенія служила вѣра. Самые противоположные классы опирались на одни и тѣ же релиігозные догматы, толкуя их вкривь и вкось, согласно своим потребностям. На одну и ту же Библію опирались и Лойола, и Лютер, и Мюнцер. Одно и то же христіанство отстаивали и духовенство, и буржуазія, и крестьянство, но каждый из классов вкладывал в тѣ же догматы и тѣ же слова свой смысл, до того отличный от значенія, которое им придавали всѣ другіе, что взаимное пониманіе было абсолютно невозможно. Теперь каждая личность и каждый общественный класс стремятся обосновать свои интересы и потребности не на миѳологических преданіях и не на религіозных догматах, а на научных данных. И вот с научными теоріями повторяется то же, что пережили миѳологія и религія: их стараются сознательно и безсознательно заставить служить своим интересам самые противопложные классы. Оттого соціальныя науки останутся классовыми (как это ни странно звучит) до тѣх пор, пока само общество будет раздираться внутренней борьбой классов.

Само собою разумѣется, что особенно ожесточенные споры и борьбу мнѣній должны возбуждать тѣ отрасли общественной науки, которыя касаются общественных интересов. Таковы вопросы о собственности, о государствѣ, о борьбѣ классов, о революціи о эволюціи и т. д. К числу таких наиблѣе крупных и наиболѣе спорных вопросов относится ученіе о так называемой экспропріаціи.

Когда возникла идея экспропріаціи? Уже во время Французской Революціи растущая бѣдность народных масс породила мысль об «аграрном законѣ» (la loi agraire»), на основаніи котораго никто не должен был имѣть права владѣть больше извѣстной площади земли, а лишняя земля должна быть распредѣлена между малоземельными. Торжествующая буржуазія похоронила этот закон, назначив жестокія казни за его пропаганду.

Но бѣдность, буржуазія не могла да и не захотѣла похоронить, и пролетаризированіе народных масс шло вперед гигантскими шагами. Уже в началѣ и в первую половину XIX в. антагонизм буржуазіи и пролетаріата стал настолько очевиден, что многіе гуманные представители буржуазіи, так называемые утопическіе соціалисты, поняли неизбѣжность передачи всѣх средств производства в руки общества, поняли необходимость экспропріаціи. Каждый новый шаг в развитіи капитализма настолько увеличивает нищету и страданія народа, настолько обостряет борьбу классов и настолько тормозит развитіе жизни, что самые близорукіе и самые отсталые начинают понимать неизбѣжность той или иной экспропріаціи буржуазіи.

Тут начинается главный корень споров и разногласій. Признавая в принципѣ идею экспропріаціи, теоретики различных классов рѣзко расходятся в пониманіи путей, которые ведут к ней. Нѣкоторые умудряются даже предлагать такіе методы, которые фатически сводят идею на нѣт.

Начнем с либералов.

В принципѣ либерализм не отрицает соціальной реформы. Он не вѣрит только в возможность и желательность радикальнаго и насильственнаго переворота. Он думает осуществить экспропріацію расширеніем индивидуальной свободы ослабленіем государственной опеки и другими палліативными мѣропріятіями. Он думает, что эти реформы так воздѣйствуют на экономическую жизнь что рента и прибыль постепенно будут поглощены рабочей платой. Вмѣстѣ с прибылью и рентой падут и другія монополіи и водворится абсолютная конкуренція, которая, по мнѣнію послѣдовательных либералов, есть единственное лѣкарство от всѣх зол. «Конкуренція вездѣ и всегда»,*) говорит один из лучших либералов, который сам называет себя, впрочем, анархистом—индивидуалистом, теоретик по имени Б. В. Токер. «Они вѣрят, что свобода и вытекающее из нея общественное благополучіе являются единственным лѣкарством от всѣх зол»**). В нѣскольких словах точка зрѣнія послѣдовательнаго либерализма, или если угодно, анархическаго индивидуализма, выражена Токером там, гдѣ он касается происхожденія своей доктрины и говорит о Прудонѣ и Варренѣ. Здѣсь он говорит так: «Хотя они (Прудон и Варрен) и против соціализаціи собственности на капитал, они тѣм

*) Benj. R. Tucker "Instead of a Book" New York, 1897, p. 15.
**) Ibid., 15.

не менѣе стремятся к соціализаціи ея результатов тѣм, что дѣлают употребленіе капитала благодѣтельным для всѣх вмѣсто того, чтобы он был средством обѣдненія многих и обогащенія немногих и когда их озарил свѣт, они увидѣли, что это может быть достигнуто подчиненіем капитала естественному закону конкуренціи, которая сама понизит цѣну его употребленія до стоимости его, т. е. ни к чему иному как уровню расходов на пользованіе и передачу его. Поэтому они развернули знамя Абсолютной Свободы Торговли; послѣдовательный вывод из манчестерской доктрины—laissez faire—всеобщее правило»*).

Оспаривать эту точку зрѣнія для меня совершенно безполезно послѣ всего, что сказано раньше. Достаточно просто отмѣтить ярко классовой характер этой теоріи. В этом отношеніи, ясно, что ученіе об абсолютной свободѣ торговли и абсолютной конкуренціи может служить только тому классу, кому нужна эта торговля и кому на руку самая жестокая конкуренція. Дѣйствительно, представители манчестерской школы сознательно и безсознательно вѣрно служили интересам класса капиталистов. Жизнь неумолимо разбила многія положенія манчестерскаго либерализма—и вот роль охраны собственности и «свободы личности» (чьей? Уж понятно, не рабочаго) берет на себя подкрашенный и преобразованный либерализм, который торжественно называет себя «анархическим» индивидуализмом или даже просто «анархизмом». Это обстоятельно нам не должно однако, мѣшать разглядѣть чисто—буржуазную подкладку этого самозваннаог «анархизма».

Иные интересы защищает соціаль-демократическая теорія экспропріаціи. Согласно этому ученію, экспропріація может быть осуществлена только государственной властью. Отсюда вывод, что экспропріаціи необходимо должно предшествовать завоеваніе этой власти представителями рабочаго класса в парламентѣ. Буржуазный индивидуализм предлагает постепенное завоеваніе капитала путем установленія полной экономической конкуренціи, соціаль-демократизм отстаивает такое же частичное завоеваніе власти при помощи такой же полной политической конкуренціи, которая выражается во всеобщем избирательном правѣ: экономическая конкуренція имѣет своей цѣлью дать внѣшнее и оффиціальное право стать капиталистом, политическая конкуренція при все-

*) Ibidem p. 10. Совѣтую все это сравнить с Каущким стр. 120-126. «Соціальная революція».

общем избирательном правѣ дает каждому такое же офиціальное право на извѣстную долю власти. И то и другое право является одинаково лицемѣрной фикціей. Самый дешевый кредит при самой открытой конкуренціи не может ничего дать тому кто ничего не имѣет, и пролетаріат при помощи одной конкуренціи никогда не экспропріирует буржуазіи. Пока весь капитал одним ударом не вырван из рук всей буржуазіи, всякія сбереженія рабочих, дешевые кредиты, артели и другіе палліативы не только не экспроріируют буржуазіи, но и наоборот, отдают в расопряженіе капиталистов и тѣ крохи, которыя удается пролетарію урвать из своей нищенской платы, т. е. продолжают экспропріацію пролетаріата. Так же дѣло обстоит с политической экспропріацией. Самое совершенное избирательное право, при сохраненіи самого государства, не уничтожает политическаго господства буржуазіи не дѣлает сам пролетаріат господствующим дѣйствительно, а передает власть из рук интеллигентных представителей буржуазіи в руки интеллигентных представителей пролетаріата. Сам же пролетаріат остается тѣм же рабом, что и раньше. Пока вся власть не вырвана одним грозным ударом из рук буржуазіи и на дѣлѣ не передана всему народу, а не одной кучкѣ парламентаров, т. е. пока она не уничтожена раз навсегда, участіе рабочих в разных голосованіях не только не уничтожает политической монополіи буржуазіи, но дѣлает сам революціонный пролетаріат опорой этой монополіи, ибо работники своим участіем в выборѣ разных властей, во-первых, фактически поддерживают их, а во-вторых, отказываются от своего единственно полезнаго права— права на революцію. Участіе в поддержаніи демократических учрежденій буржузаіи политически экспропріирует не ее, а пролетаріат. Либеральный метод экономической эксплуатацией, т. е. буржуазіи. Соціаль-демократическій метод политической экспропріаціи служит интересам той общественной группы, которая живет на счет политической эксплуатаціи, насчет команды, т. е. бюрократіи, законодателям, судьям, адвокатам, инженерам и разным другим «умственным работникам», точнѣе, умственным монополистам, так называемому новому среднему сословію».

Кромѣ буржуазіи и интеллигенціи, интересы которых болѣе или менѣе отличаются от интересов пролетаріата и вызвали, поэтому, различныя теоріи экспропріаціи, есть в современном обществѣ еще одна своеобразная общественная группа—босячество. Эта общественная группа питается отбросами всѣх классов и рекрути-

руется преимущественно из наименѣе обезпеченных и наименѣе квалифицированных слоев рабочих. На этой общественной группѣ отражаются всѣ ужасы и вся грязь буржуазнаго міра. Она дает наибольшую долю профессіональных воров, убійц и грабителей, она является как бы живым воплощеніем всѣх отрицательных сторон пролетарской психики, но не имѣет ни одной из его положительных черт. Абсолютная необезпеченность матеріальнаго положенія дѣлает ее особенно склонной ко всякаго рода предпріятіям и авантюрам, которыя обѣщают какую—нибудь наживу. Поэтому босяки с удовольствіем вмѣщиваются во всякую революцію. Но так как эта группа не играет в производствѣ никакой полезной роли и как бы находится за бортом общества, общественные идеалы, партійныя программы ея совершенно не интересует или занимают крайне мало. И в революціи босячество очень мало привлекается идейной стороной: во всѣх народных движеніях оно ищет немедленной матеріальной выгоды. Поэтому если босячество охотно поднимается на революцію, то еще охотнѣе идет на еврейскій погром, «на патріотическую манифестацію», записывается в арміи волонтерами за хорошія платы (в Соединенных Штатах, в Англіи). В революціи эта общественная группа, по внѣшности, занимает самое крайнее мѣсто, помогает самым опасным и безумным предпріятіям самых лѣвых партій. Но серьезным политическим партіям не слѣдует забывать испытанной печальной истины, что эта революціонность не результат глубины чувства, а слѣдствіе ненасытной дикой жадности, и потому босяки грабят, бьют убивают представителей господствующих классов, когда видимо побѣждает революція, и грабят, бьют, убивают с такой же дикой жестокостью революціонеров, когда вѣсы склоняются на сторону реакціи. Понятно, как должны понимать «экспропріацію» такіе «революціонеры». Общество как организація производства для них не существует: в их глазах оно только склад продуктов. Твердыню капитализма босяк видит не в фабриках, а в магазинах. Что удивительнаго в том, что его «экспропріація» просто на просто ряд краж? Неудивительно также и то, что эти, с позволенія сказать, «экспропріаторы» всегда становятся под знамя самых крайних партій. В Великую Французскую Революцію они «дѣйствовали» от имени гебертистов, в наше время они «работают» под флагом анархизма, потому что только самыя крайнія партіи своей особенно сильной ненавистью к существующему строю дают нѣкоторое оправданіе их «революціонным актам».

Имѣют ли такія «экспропріаціи», по просту кражи, какое-нибудь революціонное значеніе? Еще меньшее, чѣм индивидуалистическая или соціаль-демократическая экспропріація. Индивидуализм оставляет собственность но он, по крайней мѣрѣ, разрушает другую опору господства—государство. Соціаль-демократзим сохраняет политическое орудіе рабства, но зато хочет уничтожить частную собственность. «Экспропріаторство» оставляет и Собственность и Государство, не затрагивает ни одной из основ современнаго общества. Является ли купля—продажа сколько-нибудь революціонным актом? Этого, понятно, никто не станет утверждать. Но чѣм отличается босяцкая «экспропріація» от купли—продажи? Только тѣм, что со стороны экспропріатора» она, так сказать, совершается «безвозмездно». Но сам акт по себѣ-переход извѣстнаго количества продуктов из рук одного лица в руки другого—акт хотя бы и сопровождаемый насиліем, скользит по поверхности буржуазнаго общества и так же «разрушает» капитализм, как насильственный захват иностранца в рабство «разрушал» рабовладѣльческое общество в древности. Скорѣе вѣрно, что такіе «революціонные» акты поддерживают существующее общество: порабощеніе не уничтожало рабовладѣльчества, а увеличивало число рабовладѣльцев; кража не уничтожает собственности, а увеличивает число собственников. Кража, словом, настолько же экспропріація насколько погром—революція.

Значит ли это, что мы по просту отвергаем всякую кражу и пылаем нравственным гнѣвом по отношенію к тому, кто осмѣливается коснуться «священной собственности»? Такое отношеніе не только дышит холодной и грязной жестокостью по отношенію к голодным и забитым рабам, но и цѣликом противорѣчит нашему ученію. Развѣ нархизм не говорит, что собственность—кража? Почему же нельзя отнять у собственника, т. е. у вора, часть ограбленнаго им у народа? Во имя какого нравственнаго закона должен я корчиться от холода и голода в своем грязном и холодном углу, когда у моего сосѣда есть средства прокормить, одѣть и согрѣть десяток несчастных? Кто может, кто смѣет сказать мнѣ, что я долже спокойно чувствовать, как вянут силы мои от остраго голода, когда вокруг меня лавки и магазины переполнены товарами? Кто настолько подл, чтобы откровенно сказать голодному: ты не смѣешь брать теперь и должен пухнуть с голоду, пока не настанет царство небесное на землѣ, т. е. до дня второго пришествія, когда по всѣм правилам искусства совершится соціальная революція?

Пусть это говорят самодовольные и сытые буржуи, хотя бы прикрывающіе себя кличкой соціалистов, мы, анархисты, не пойдем за ними. Нѣт! Мы открыто и громко говорим рабочим людям:каждый человѣк со дня своего рожденія становится не только полноправным гражданином нашего всемірнаго отечества—матушки земли—но и собственником всѣх тѣх продуктов, которые необходимы ему для жизни, необходимы ему для того, чтобы он удовлетворил всѣ, по крайней мѣрѣ, основныя, необходимыя потребности. Безразлично, кто владѣет теперь, в данную минуту продуктами или деньгами, он—вор и грабитель, если он не торопится накормить меня, голоднаго, стоящаго рядом с ним, сытым. Он—вор и грабитель, потому что никто не смѣет владѣть имуществом больше того, что ему нужно для здоровой нормальной жизни. Я же совершаю самый нормальный и естественный, стало быть, самый нравственный, акт тѣм, что не даю чахнуть безплодно разумному существу—человѣку, этому благорднѣйшему сыну природы. Человѣк создан для того, чтобы жить весело и свободно, бѣгать по горам и долинам, наслаждаться всѣми радостями жизни, как могучій вольный сокол, а не гаснуть в презрѣнной борьбѣ с мучительным голодом. Быть сытым, одѣтым, наслаждаться всѣми возможными благами жизни не только право, но и обязанность всякаго нормальнаго здороваго человѣка. Никто не смѣет голодать там, гдѣ есть полная возможность накормить всѣх голодных. Кто предпочитает умереть вмѣсто того чтобы с оружіем в руках защищать свое самое главное, вѣчное, неот'емлемое право, свое человѣческое право--право на жизнь, тот не мученик в моих глазах, а жалкій трус или безсильный раб отживших предразсудков.—Мы говорим голодному человѣку: сытый буржуа отказывается дать тебѣ работу, но никто не может отнять у тебя твоего священнаго права на существованіе,—бери же смѣло все, что тебѣ нужно! Голодному принадлежит все, что необходимо для утоленія голода.

Мы, анархисты, не только не можем брать на себя позорной роли попа или лицемѣрнаго моралиста и проповѣдывать рабочим смиренно-мудрую покорность идолу собственности, самому подлому и жестокому идолу из всѣх, созданных невѣжественной и испуганной фантазіей дикаря, но, наоборот, мы должны помогать угнетенным и ограбленным массам гдѣ, когда, как и чѣм можем облегчить муки бѣдности и рабства. Мы никогда не оттолкнем от себя труженика, который с мечом в руках осуществляет свое право жить, мы никогда не бросим

камнем в вора, потому что главное, дѣйствительные воры это тѣ, которые у нас, пролетаріев, отняли путем обмана и насилія все, чѣм жизнь красна, и толкают нас на душныя фабрики, в подземныя трущобы добывать им богатства и самим вянуть в бѣдности, грязи и темнотѣ. Никакіе законы и моральныя права не обязывают нас уважать сытое довольство эксплуататоров:

«Берегитесь, богачи!

Бѣднота гуляет!»

Однакож, одного мы не должны забывать при этом, чтобы не впасть в чисто босяцкое пониманіе экспропріаціи: не нужно забывать того, что как ни законна кража, она не имѣет в себѣ ни капельки революціонности и ни на іоту не затрагивает устоев буржуазнаго общества. Эти устои могут и должны быть разрушены только одним способом—путем всеобщей всенародной экспропріаціи не только торговаго, но и промышленнаго, и финансоваго, и земельнаго капитала. Такая экспропріація нисколько не связана с «экспропріаціями», но и отчасти задерживается ими: рабочіе, привыкая «экспропріировать», отхлынывают от своих классовых профессіональных организацій, дают заглохнуть чувствам братской солидарности, которыя питаются только постоянной общей борьбой с Государством и Капиталом, а не удачными и неудачнымы кражами. Еще больше—начиная красть в началѣ с цѣлью только в случаѣ голода раздобыть необходимое, рабочій вскорѣ пристращается к наживѣ, развивает в себѣ самыя дурныя страсти и в концѣ концов иногда превращается в такого же эксплуататора, как и всякій другой жадный и развращенный собственник. Эти соображенія должны избавить нас от крупной опасности—идеализаціи кражи. Мы, анархисты, должны открыто и мужественно заявить, что кражи нисколько не приближают нас к анархизму, что идеал наш будет осуществлен только всеобщей стачкой и вооруженным возстаніем против Капитала, Государства и Церкви. Поэтому кто ворует под знаменем анархизма, тот или не понимает нашего ученія или босяцки извращает его. Пролетарская экспропріація одинаково далека и от буржуазнаго индивидуализма, и от интеллигентскаго соціаль-демократизма, и от босяцкаго «экспропріаторства»: она есть захват не только продуктов, но и средств производства, не только магазинов, но и фабрик; захват, совершенный под естественным руководством передового организованнаго слоя пролетаріата.

XVIII.

Анархизм, организація и партія.

Анархизм уже теперь играет выдающуюся роль. Этого не могут скрыть даже наши злѣйшіе враги. Во всей Западной Европѣ, особенно в Испаніи, Италіи и Франціи он несомнѣнно стал серьезным общественным фактором. Не только правительства стараются друг друга превзойти в изобрѣтеніи самых жестоких мѣропріятій против «гидры анархіи», но и наши правые сосѣди-соціальдемкораты давно почуяли опасность, которая грозит их будущему господству от врагов всякаго господства, и стараются превзойти даже правительства в самых безумных вымыслах против нас и нашего ученія *). Против нас об'единяются рѣшительно всѣ реакціонные элементы: против нас и либералы, и радикалы, и консерваторы, и соціаль-демократы. Является ли эта небывалая солидарность всѣх партій против одной временным явленіем, вызванным нѣкоторыми неудачными актами анархистов? Без сомнѣнія, убійство Елизаветы анархистом Лукени и убійство Чолгашем американскаго президента Ман-Кинлея не были таковы, чтобы заслужить полное одобреніе даже в средѣ анархистов. Но сущее ребячество думать, что эти акты возстановили против нас «общественное мнѣніе».

Всякая партія дѣлает промахи. Всего менѣе отвѣтственны всѣ анархисты за акты отдѣльных анархистов, ибо у нас нѣт партіи, и каждая личность и каждая группа до сих пор дѣйствовала за свой собственный страх. Наши враги это знают не хуже нас, и если они все таки

*) Классическими образцами служат: брошюра Плеханова «Анархизм и соціализм», «Покушенія и с—д—ія» Бебеля и нѣмецкая брошюра, переведенная, под заглавіем «Анархизм» Пересом. См. интересную брошюру «Непримиримый», изд. «Интернаціонал».

метали громы и молніи против всѣх анархистов, как якобы отвѣтственных за всѣ эти акты, то они это дѣлали, так сказать, из «агитаціонных соображеній», т. е. чтобы науськать на нас забитую, невѣжественную толпу. И эта провокаторская тактика была настолько удачна, что даже редактора нѣкоторых «анархических», газет оказались достаточно трусливыми и низкими, чтобы клеймить позором имена таких несчастных, загнанных людей, как Лукени, и таким образом отдавать этих мучеников на полное растерзаніе безстыдной и безсердечной бандѣ государственных разбойников. Нужна непомѣрная доза глупости и чисто буржуазно-интеллигентской дряблости, чтобы искренно вѣрить, что нас преслѣдуют только за эти акты. Если их не будут дѣлать наши неопытные товарищи, провокація найдет другой способ чернить наши имена.

Нас ненавидят только по одной дѣйствительной причинѣ: потому, что мы об'явили безпощадную войну всѣм основам стараго міра—Собственности, Государству и Церкви. Пока мы будем такими непримиримыми врагами рабства, нас все равно будут жестоко преслѣдовать как преслѣдовали первых христіан, хотя они не практиковали террора. Мягкосердечным «анархистам», которые жаждут нѣжностей буржуазнаго государства и буржуазной прессы, мы можем—увы! предсказать только новыя разочарованія. Историческій ход вещей ведет к тому, чтобы еще больше обострить ненависть господ к нашему брату.

В высшей степени важным фактом является разложеніе соціаль-демократіи. Она, собственно, с самаго начала состояла из двух различных элементов—соціалистов и демократов. Но в началѣ преобладаніе принадлежало первым, теперь господство окончательно перешло к послѣдним.

В началѣ прошлаго вѣка прогрессивной идеей была еще идея политической свободы, прогрессивной партіей была еще буржуазная демократія. Но ея болѣе или менѣе полное торжество скоро обнаружило ея внутреннее безсиліе. Становилось ясным, что послѣдовательное проведеніе в жизнь принципов демократіи требует уничтоженія частной собственности, по крайней мѣрѣ, на средства труда. Буржуазная демократія оказалась не в силах пойти так далеко и предпочла повернуть назад в об'ятія старых богов порядка и реакціи. Знамя демократіи стало блекнуть в глазах рабочаго народа. Скоро слово «демократ» стало быть таким же анархизмом, как слово «гугенот». Кто же пришел внезапно на помощь умирающей

демократіи? Кто же взял на себя защиту устарѣлых и пустозвонных идеалов демократіи? Международная соціаль-демократія. Она из дрожащих рук мелкой буржуазіи взяла колеблющееся трехцвѣтное знамя демократіи, прибила к старому древку новый красный платок с требованіем государственной собственности—и пошла гулять по міру, как партія «соціальной революціи». Но нѣт! Она скоро начала замѣчать всю комичность своего положенія: быть на дѣлѣ только лѣвым крылом демократіи и называть себя революціонной партіей. Чтобы ослабить этот комизм, она начала придумывать самыя забавныя опредѣленія революціи. Скоро она нашла такую счастливую формулу, что заслужила полное одобреніе буржуазной «науки» и дружеское подмигиваніе правительств. Подача своего голоса за соціаль-демократа получила «революціонное» значеніе, бунты работников стали «реакціонными». Продажные и безстыдные политиканы стали «истинными революціонерами», а террористы и бунтари—провокаторами, слугами реакціи...

Но в это самое время на арену борьбы выступает новая партія, которая рѣзко порывает со всѣми предразсудками буржуазнаго міра, со всѣми демократическими иллюзіями и открыто становится партіей соціальной революціи в настоящем смыслѣ этого слова, т. е. партіей полнаго и насильственнаго ниспроверженія всѣх основ существующаго строя. Эта партія не пристегивает соціализма к демократизму, а ставит его свой единственной цѣлью. Она не заигрывает с буржуазіей, а об'являет ей вѣчную войну. Она не опирается на государство, а стремится его разрушить немедленно. Она не об'являет религіи дружественным нейтралитета, а открыто выражает ей свою неутолимую ненависть. Она порывает со всѣми благонамѣренными мечтаніями о мирном рѣшеніи соціальнаго вопроса и отважно зовет к себѣ на помощь ту которая всегда рѣшала классовые конфликты—силу. Что же удивительнаго, что против нас об'единились и реакціонеры, и либералы и революціонеры «в научном смыслѣ слова»?

Удивительно только одно: против все болѣе крѣпнущаго союза реакціи, мы , анархисты, до сих пор не придумали никакого противовѣса. Неужели же можно дѣйствительно бороться успѣшно посредством отдѣльных партизанских отрядов с такой грандіозной реакціонной силой? Не должны ли мы в противовѣс консервативному блоку создать свой, революціонный блок? Мнѣ кажется, что настала пора об'единиться всѣм противогосударственным соціалистам в одну великую международ-

ную организацію. Особенно важно с'организоваться нам —русским анархистам. Без единой организаціи мы никогда не достигнем высшей силы и никогда не используем всего своего вліянія. Тут мы встрѣчаемся с широко распространенным предразсудком о том, что организація противорѣчит анархизму. Так-ли это?

Что такое анархизм? Анархизм есть ученіе о свободѣ, о всесторонней свободѣ—в области экономической, политической и духовной. Но что такое эта свбода? Есть ли свобода личности абсолютная независимость человѣка от общества? Есть люди среди анархистов, которые дѣйствительно понимают свободу в этом абстрактном смыслѣ. Они любят ругать рабочіе союзы, потому что в них страдает якобы свобода личности. Они высказываются даже против всякой организаціи, потому что она должна неизбѣжно «поработить» их личность. О таких людях Жан грав выразился, что это просто глупые люди, которые желают быть непремѣнно оригинальными и, не имѣя природной геніальности, доводят только чужія идеи до нелѣпости. Бакунин говорит о людях, возстающих против тираніи Интернаціонала: «Тому, кто стал бы утверждать, что и такого рода дѣятельность Интернаціонала есть покушеніе на свободу масс, то он или софист, или глупец. Тѣм хуже для тѣх, которые до такой степени не знают естественнаго и соціальнаго закона человѣческой солидарности, что считают абсолютную, взаимную независимость друг от друга личности и масс возможной и даже желанной. Желать ее—значит желать исчезновенія общества, ибо вся общественная жизнь есть не что иное, как непрерывная взаимная зависимость индивидов и масс. Каждый человѣк даже самый умный, и в особенности умные и сильные, во всякій момент своей жизни являются одновременно производителем и продуктом. Сама свобода каждаго человѣка есть слѣдствіе, постоянно вновь воспроизводимое, массы вліяній—физических, умственных и нравственных, которым он подвергается со стороны окружающих его лиц и среды, в которой он родится, живет и умирает. Желать избѣгнуть этого вліянія во имя какой-то трансцендентальной божеской свободы, самодовлѣющей и абсолютно эгоистической,—значит стремиться к небытію. Отказаться от вліянія на другого—значит отказываться от всякаго соціальнаго акта, даже от выраженія своих мыслей и чувств, т. е. опять таки клониться к небытію. Эта пресловутая независимость, так превозносимая идеалистами и метафизиками, и личная свобода, понимаемая в таком смыслѣ—

просто небытіе*)».

Итак, свободу анархисты понимают не в смыслѣ абсолютной независимости личности. Я, кажется, буду недалек от истины когда скажу, что свобода есть не столько свобода от чего-нибудь, как свобода на что-нибудь, если можно так выразиться. Я хочу этим сказать, что свобода не есть только отрицаніе рабства, но есть нѣчто большее: положительная возможность проводить в жизнь волю личности, так сказать реализовать во внѣ нашу внутреннюю жизнь. Я могу представить себѣ общественный строй, в котором будут уничтожены всѣ оффиціальныя преграды свободной дѣятельности человѣка, но если из этой сферы дѣятельности человѣка исключается хотя бы одна область, напр., производство—личность в этом обществѣ не свободна. Быть свободным значит имѣть возможность проявлять в окружающую среду нашу внутреннюю энергію, которая кипит в нас. Вы можете дать человѣку всевозможныя права, но если вы одновременно не даете ему фактической силы осуществлять свои права, человѣк—раб. Какое дѣло европейскому рабочему до того, что на такой-то бумажкѣ написано, что он имѣет право устраивать всякія собранія, когда он послѣ 11 часового рабочаго дня не в силах высидѣть час на самом полезном собраніи? Свобода без силы—фикція, быть свободным—значит быть сильным.

На мой взгляд, недостаточно уничтожить частную собственность, Государство и Церковь, чтобы личность стала свободной: это необходимое, но не вполнѣ достаточное условіе свободы. Так, из воздуха необходимо устранить всѣ ядовитыя испаренія, отравляющія дыханіе человѣка; но даже самаго чистаго воздуха, даже озона недостаточно для правильнаго, здороваго дыханія,—для этого необходимо кромѣ того здоровыя, сильныя легкія. Можно разрушить всѣ организаціи насилія, но если мы не разбудим в личности гордаго сознанія своего достоинства, вѣры в свои силы, не расширим ея умственнаго кругозора не разорвьем ея физических и духовных сил, —она еще не свободна, потому что физически, умственно или нравственно слабый человѣк не может быть свободным. Свобода не право, а сила. Ну, а может ли одинокій человѣк, оторванный от общественной среды, быть сильным? Есть ли что-нибудь болѣе безсильное, чѣм одинокій человѣк? Что может произвести своими единичными силами самый выдающійся человѣк? Сила личности состоит в том, чтобы так комбинировать свои и

*) **Михаил Бакунин. «Организація Интернаціонала», 1905, стр. 6—7.**

чужія стремленія, чтобы проводить по возможности больше, если не все, из того, что составляет ея внутреннее содержаніе. Добровольный союз с людьми—необходимый элемент силы, а, стало быть, и свободы личности. И чѣм богаче личность, чѣм она духовно сильнѣе, тѣм она интенсивнѣе жаждет самых разнообразных союзов, потому что каждый союз, каждая общественная группа удовлетворяет какую-нибудь потребность нашу, дает нам возможность проводить во внѣ какую-нибудь частичку нашего «я». Свобода таким образом состоит не в изолированіи, а, наоборот, в об'единеніи каждой личности с возможно большим кругом других, равных ей людей. Быть свободным не значит скупо копить для своего маленькаго «я», именуемаго личностью, а, наоборот, это значит—расточать, разсѣивать себя в том нашем грандіозном «я», которое называется человѣчеством. На этом основаніи я утверждаю, что организація не стѣсняет, а расширяет личность, особождает ее, потому что дѣлает ее сильной. Оттого во всей литературѣ анархистов вы не найдете ни одной серьезной работы, гдѣ рядом со словом «свобода» не было бы слова «союз». Коммунизм при теперешних условіях есть условіе анархизма.

Понятно, что слово «организація» нужно понимать не в соціаль-демократическом смыслѣ. Для соціаль-демократов организовать значит—поставить над личностями центральный комитет. Еще проще понимает дѣло Н. Ленин: по его мнѣнію, организація есть группа людей, об'единенных уставом. Понятно, что анархизм далек от такого чиновничьяго пониманія организаціи. Организоваться значит об'единится для какого-нибудь общаго дѣла, организація есть свободный союз личностей для борьбы за общую цѣль. Кто признает, что у анархистов —есть общая цѣль, этим самим признает необходимость общей организаціи всѣх анархистов.

Но я иду дальше: я говорю, что нам нужна не просто организація, а партія. Как это понимать? На мой взгляд, анархическая организація не есть простое общество для дебатов и пропаганды, наша организація нѣчто большее, чѣм клуб. Она политическая организація в лучшем смыслѣ этого слова, ибо стремится стать такой политической силой, чтобы сломить раньше всего современную политическую организацію насилія—Государство. Этот характер, как мнѣ кажется, лучше всего выражает слово «партія».

Консервативныя партіи стремятся сохранить современную политическую организацію чтобы вмѣстѣ с ней

сохранить экономическій строй жизни. Прогрессивныя партіи преобразуют так или иначе Государство, чтобы соотвѣтственно реформировать экономическія отношенія. Мы, анархисты, хотим, как единственная революціонная партія, разрушить государство, чтобы совершенно уничтожить современную экономическую организацію, вдохнуть в нее новый принцип*). Нашей ближайшей цѣлью должно быть об'единеніе всѣх противогосударственных соціалистов Россіи в одну Анархистскую Рабочую Партію. Дальнѣйшей ступенью будет образованіе одного громаднаго союза всѣх революціонных элементов под черным знаменем Международной Анархистской Рабочей Партіи. Тогда только мы составим достаточную силу для борьбы со всѣми силами открытых и тайных реакціонеров.

---

*) Мы не только общество для пропаганды, не только сѣть клубов, ибо такого рода общества ставят себѣ цѣлью организовать только сознаніе своих членов, а не комбинировать их дѣйствія. Клуб, как таковой, есть среда для обмѣна мнѣній, и потому может принимать в свою среду кого угодно. Он даже тѣм живучѣй, тѣм интереснѣй. чѣм разнообразнѣй сталкивающіяся мнѣнія. Клуб не нуждается в опредѣленной программѣ, даже больше: она вредна для него, так как ограничивает и притупляет внутреннюю борьбу идей, в интенсивности которой весь смысл его существованія. Наоборот, Партія, назначеніе которой организовать дѣйствія нуждается в общей идейной платформѣ, без которой абсолютно невозможно единство дѣйствій. Программа, которая вредна, убійственна для клуба, необходимое жизненное условіе всякой дѣятельной Партіи. Кто думает вмѣстѣ со мной, что анархисты должны не только просвѣщать, но и организовать дѣйствія, согласится что мы представляем собою не какого-либо рода клуб, а именно Партію, Партію Труда.

XIX.

Наболѣвшіе вопросы русскаго анархизма.

Теперь никто, разумѣется, не станет поднимать ребяческаго вопроса о том, нужен ли анархизм в Россіи или нѣт. Такой вопрос облнаруживает наивное непониманіе самих основ политической дѣятельности. Партія не академія ученых, а политическій союз для борьбы за какой нибудь идеал. А всякій идеал выражает интересы, потребности, желанія хоть какой-нибудь общественной группы. Как же может быть разговор о преждевременности той или иной политической партіи? Анархисты, смѣющіе толковать о неумѣстности анархизма в Россіи, выдают своему ученію свидѣтельство о бѣдности. Они этим просто заявляют, что не видят в современной Россіи ни одной общественной группы, которой нужен был бы анархизм. Иными словами они сами признают свою партію кучкой безполезных болтунов и фантазеров. Мы, молодые анархисты—синдикалисты, свободные от народнических предразсудков и интеллигентской расплывчатости старых теоретиков наших, можем только пожимать плечами, слушая такое ребяческое каляканье старичков. Для нас анархизм есть самое ясное, самое послѣдовательное, самое крайнее выраженіе инстинктивных стремленій рабочаго класса. С тѣх пор как земля была отнята у перваго крастьянина, с тѣх пор как загудѣл первый фабричный гудок, с тѣх пор как появился первый рабочій в деревнѣ, в городѣ, в рудниках, выросла почва для современнаго анархизма. Значит, нѣт для нас и быть не может никаких разговоров о несвоевременности анархизма в Россіи.

Вѣрно скорѣе как раз противоположное. Нѣт сомнѣнія, что Россія теперь самая подходящая страна для развитія самаго широкаго анархистскаго движенія Вѣдь,

нѣт теперь другой страны, гдѣ народ горьким опытом научился бы так ненавидѣть свое правительство, гдѣ пролетаріи на практикѣ научились бы так цѣнить мощь классовой солидарности; уж во всяком случаѣ нигдѣ нѣт такой массы беззавѣтно преданной рабочему классу пролетарской интеллиегнціи, как у нас на родинѣ. Правда, теперь справляет свой блестящій тріумф торжествующая демократія; правда, у нас нѣт еще всѣх привычных декорацій буржуазнаго господства: оффиціально призванной конституции и других побрякушек. Но всѣ эти мелочи окупаются с лихвой одной громадной, неоцѣнимой привиллегіей—революціонной атмосферой, в которой сильнѣй и свободнѣй дышится, страстнѣе кипит работа возбужденнаго ума. Если мы прозѣваем теперешній торжественный момент необычайнаго народнаго под'ема, мы вполнѣ заслужим.

«Насмѣшку горькую обманутаго сына
Над промотавшимся отцом».

Иной важный и глубокій вопрос встает перед нами: как использовать нам—анархистам, теперешній революціонный момент, что нам дѣлать, чтобы двинуть революцію возможно лѣвѣе, чтобы превратить борьбу против современнаго государства в борьбу против всякаго государства, словом, как превратить буржуазную революцію в анархистскую.

Тут-то мы наталкиваемся на цѣлый ряд наболѣвших вопросов, от рѣшенія которых вполнѣ зависит судьба анархизма в Россіи.

Всмотримся в теоретическое состояніе русскаго анархизма. Какой хаос! Какія взаимныя противорѣчія! Какая путаница по всѣм тактическим вопросам! Одни считают все готовым для анархической революціи, для которой якобы не хватает только ряда индивидуальных актов и нѣскольких бунтов. Отсюда тактика безсмысленнаго «безмотивнаго» и мелочнаго терроризма, который направляется против заснувшаго городового, против кучки безобиднѣйших и трусливѣйших буржуев в ресторанѣ, против лавочника, отказывающагося отдать свои крохи самозванным представителям «анархизма». Защитники другой тактики не видят никакой работы для анархистов в Россіи и потому любезно предлагают нам «подождать». Есть даже люди, которые видят чуть ли не центр нашей работы в том, что срывать собранія соціаль-демократов и профессіональных союзов, которые им, «крайним» (?) кажутся слишком умѣренными. Оригинальное «участіе в рабочем движеніи», не правда ли? Наконец, есть люди, также смѣющіе называть себя анархи-

стами и рекомендующіе нам, как лучшее средство освобожденія личности—заняться... кражами со взломом и без онаго.

Какая путаница! Какой печальный хаос! С болью в сердцѣ спрашиваешь себя: неужели над головой нашей висит какой-то злой рок, который гонит нас к вѣчным распрям, к убійственной фракціонной борьбѣ на радость друзей «порядка и дисциплины»? Положительно, настало время положить конец этому печальному состоянію вещей.

Но с чего начать? На этот вопрос может быть, кажется, только один отвѣт: нужно раньше всего устранить ту идейную путаницу, которую внесли в наше движеніе разношерстные и чуждые элементы, которые именуют себя анархистами-коммунистами; нужно строго и отчетливо указать, каков идеал наш, к чему стремится передовое человѣчество под знаменем Анархіи. Этим мы проведем рѣзкую грянь между нами и тѣми темными личностями, которые пользуются нашим именем для загрязненія нашего знамени. Этим мы громко на всю Россію крикнем: «Руки прочь»! всѣм профессіональным воришкам и сознательным хулиганам, которые присосались к нам и безчестят наше великое дѣло. Когда мы освободимся от невольнаго союза с этой бандой и покажем русскому рабочему классу, кто мы и что мы, пролетаріат увидит, какую великую идею принесли мы рабочему міру, как красив и грандіозен наш чудный идеал обновленія человѣчества.

Но понятно, что даже самое ясное, самое громогласное заявленіе принципов еще недостаточно. Отвлеченные принципы своей красотой могут плѣнять только отдѣльных людей с особенно тонкой духовной организаціей, народныя массы остаются равнодушными даже к самым изящным отвлеченным формулам. Народ слишком занят повседневной борьбой с нуждой и голодом и не имѣет времени любоваться благородными планами преобразованія міра через многіе, многіе десятки лѣт. Он живет в работѣ и потому способен воспринимать только тѣ идеи, которыя тѣсно связаны с этой самой работой, с его борьбой за хлѣб. Народ может воспринять даже самую отвлеченную соціальную идею, но при одном условіи, вы должны умѣть связать ее с повседневной жизнью, с его повседневными муками и радостями. Партія, которая не умѣет это дѣлать, должна неизбѣжно погибнуть. Не найдет она отклика в сердцах задавленнаго народа... Вот почему кромѣ ясной и точной программы, нам необходима такая же ясная, такая же точная такти-

ка. Программа является как бы яркой точкой, путеводной звѣздой, которая должна манить народ к великому будущему, придавать силы и бодрость ему—усталому тысячелѣтнему страннику. Тактика же служит как бы широкой тропой к великому идеалу; тактика—мост, по которому под'яремный, забитый работник из пассивной покорности переходит в область революціонной борьбы за свое освобожденіе. Одним словом, программа есть наше «завтра», тактика—наше «сегодня». Партія, не имѣющая ясной тактики, умерла.

Однако-ж это только—наши первые шаги, правда, самые трудные. Если мы хотим оказаться на уровнѣ своей великой задачи, мы должны сдѣлать новый необходимый шаг: мы должны сорганизоваться.

Я хорошо знаю, что одно слово «организація», способно вызвать судороги у тѣх буржуазных интеллигентов, которые считают себя «истинными» анархистами. Эти люди, живя в постоянном плѣну отвлеченных, метафизических формул, создали себѣ свой «собственный» анархизм, который, вѣроятно, за его каррикатурность они сами иронически прозвали «истинным» анархизмом. «Истинные» анархисты, как типичные идеологи босячества, всякую реальную здоровую идею всѣми силами стараются довести до абсурда. Уничтоженіе частной собственности они остроумно превратили в безобиднѣйшія маленькія кражи; разрушеніе государства в их «революціонных» умах отождествляется с убійством квартальнаго; свободу любви они безстыдно смѣнили самой грязной систематической проституціей и т. д. и т. д. Не трудно понять, что и свободу личности они должны были также геніально истолковать, как отрицаніе всякой организаціи, якобы стѣсняющей свободу организующихся. Этим господам наша попытка создать стройную, единую Анархистскую Рабочую Партію представляется не иначе, как попытка развратить и унизить «истинный» анархизм. С этими буржуазными и босяцкими самозванцами, которые так дерзко рядятся в тогу анархизма, мы еще потолкуем особо; теперь мы хотим коснуться другой стороны вопроса: намѣтить, к каким практическим результатам приведет нас организація единой Анархистской Рабочей Партіи.

Как самая лучашя программа недостаточна без опредѣленной тактики, так самая цѣлесообразная тактика безсильна вести нас к цѣли без единой планомѣрной организаціи. Эта идея так ясна и очевидна, что только нѣкоторым джентльменам в анархизмѣ это непонятно. Как можем мы фактически, а не на словах только отме-

жеваться от всѣх тѣх подозрительных господ, которые считают полезным, иногда с благословенія полиціи брать на себя кличку анархистов? Как можно провести в жизнь тот наш тактическій принцип, который признают даже самые буржуазные анархисты, именно: всеобщую стачку? Снизойдет ли на рабочих какое-то внезапное вдохновеніе, и они одновременно бросят работы, выставят ту же программу, стихійно примут одинаковыя средства и безсознательно проведут один и тот же план борьбы? Кто вмѣстѣ с нами отрицает эти вздорныя грезы, должен непремѣнно остановиться на идеѣ организаціи. Нам необходима Партія, которая могла бы взять на себя отважный почин всенароднаго возстанія. Нам необходима Партія, которая могла бы овладѣть движеніем, возникшим стихійно и направить его по руслу анархическаго коммунизма. Партія нужна нам, наконец, для того, чтобы по возможности залѣчить раны, если народ потерпит пораженіе, и извлечь наибольшую пользу, если народ одержит побѣду. Передовое сознательное меньшинство из убѣжденных анархистов может сыграть свою благодѣтельную роль могучаго, революціоннаго авангарда, только слившись в единую, солидарную Анархическую Рабочую Партію.

**
*

Нам нужна Партія, и мы создадим ее, под страхом полнаго исчезновенія с арены революціонной борьбы. Но что же должна дѣлать наша Партія теперь в Россіи?

Мой отвѣт будет ясен. Я утверждаю, что наша тактика на первом планѣ должна поставить себѣ цѣлью продлить революціонное время, продолжить возможно больше то состояніе политической неурядицы, которое теперь характеризует Россію. Зачѣм это нужно нам? Понятно, не потому, что мы-де сторонники неурядицы вообще. Наш идеал не хаос, а гармонія, не война, а мир, не вражда людей, а их братская солидарность. Но именно для завоеванія этого свѣтлаго будущаго, которое манит нас из чудной синей дали, мы должны теперь всѣми силами стараться увеличить революціонную сумятницу и не давать установиться «правому порядку».

Народ только во время революціи, т. е. во время реальнаго открытаго столкновенія общественных сил, научается понимать, кто его друзья и кто враги его, научается цѣнить свои собственныя силы; научается из жизни, а не из книг самому важному и самому трудному искусству—гражданской войнѣ. Должен ли я напомнить о том,

как революція самим своим существованіем, ярко рисует все безсиліе безжизненных формул закона перед живой творческой волей проснувшагося народа? Кто не знает, какія благородныя чувства будит революція в сердцах угнетенных, как каждый революціонный час разгибает спину согнувшагося раба, зажигает огонь в глазах трусливаго, будит грозным набатом всѣх спящих и со всѣх сторон собирает и укрѣпляет великую рать возставшаго труда? В революціонное время иногда достаточно одного крика, одного смѣлаго акта, чтобы толкнуть широкія массы на такіе шаги, которые кажутся бредом в мирное время обыденной, сѣрой жизни, мелких интересов и шкурных забот.

Да, уже одно грандіозное воспитательное значеніе революціи должно было бы убѣдить нас в абсолютной необходимости для нас продленія революціи. Но в этом вопросѣ есть еще одна сторона, едва-ли не болѣе важная. В обыкновенное, мирное время вряд-ли возможна очень широкая открытая анархистская организація. Силы современнаго конституціоннаго государства так громадны, что оно всегда находит «конституціонные» поводы и реальную возможность тормозить и разрушать истинно-революціонную работу. Мы до сих пор нигдѣ не имѣем анархистской партіи не только по чисто доктринерским предразсудкам, но и потому, что созданіе такой партіи в самых «свободных» странах встрѣчает громадныя препятствія и сопряжено с серьезными жертвами. Исторія французских революціонных синдикатов рабочих прекрасно иллюстрирует эту мысль. Пока синдикаты были мирными профессіональными союзами, правительство Республики кокетничало с ними, даже субсидировало их. Но с той поры как они, под вліяніем анархистов, пошли по революціонному пути, правительство (и соціаль-демократы) начали против них ту безславную кампанію преслѣдованій и клеветы, которая может кончиться полным или частичным разгромом революціонной организаціи французскаго пролетаріата. Да и в самом дѣлѣ, может ли буржузаное государство спокойно смотрѣть на то, как его заклятый враг у него на глазах вооружается для уничтоженія современнаго общества? Думать, что можно в мирное время безпрепятственно созидать дѣйствительно массовую рабочую организацію с истинно-революціонной программой, на мой взгляд, так же утопично, как наивное мечтаніе соціаль-демократов захватить государственную власть посредством избирательнаго листка. В том и другом случаѣ, так сказать, считают без хозяина, забывают о том важном обстоятельствѣ,

что государство не должно и не может дозволить дѣйствительно, а не на словах только боевой партіи пролетаріата. Поэтому в мирное время организація революціонных масс встрѣчает весьма значительныя затрудненія. Иное дѣло—революція. Закон не принимается во вниманіе не только революціонерами но и самыми умѣренными и даже самим правительством. Орагнизованныя силы государства приходят в разстройство и теряют всякую вѣру в свое дѣло. При таких условіях государственная власть буквально не в силах препятствовать самым широким организаціям революціоннаго народа. Русская революція на своем порогѣ показала уже блестящіе примѣры. Вспомним хотя бы Совѣты Рабочих Депутатов, которые в нѣкоторых мѣстах представляли типичные органы возставшаго народа и совершенно оттѣснили на задній план государственных агентов, которые со скрежетом зубовным должны были видѣть, как всѣ законы попираются ногами и народ открыто готовится к возстанію. Вспомним также грандіозные митинги солдат, матросов и даже казаков. В мирное время такія явленія могут сниться только болѣзненно разстроенной фантазіи в эпоху революціонной неурядицы государство безсильно им помѣшать. И так, наш первый тактическій лозунг момента: La Revolution a outrance! (Революція до конца).

К этой цѣли, как мнѣ кажется, раньше всего ведет широкій, массовый, развитой, всесторонній террор. Мы должны с оружіем в руках встрѣчать всякое нападеніе правительства. На разгоны наших собраній, на аресты наших товарищей, на конфискаціи наших газет мы должны отвѣтить одним и тѣм же—смертью виновников, смертью наших насильников. Мы должны безпрестанно и смѣло сѣять смерть в рядах врагов наших: револьвер и бомба самые надежные защитники народных вольностей.

Но террор не должен быть исключительно политическим. В глазах анархиста крупные капиталисты и помѣщики являются такими же кровопійцами, как и правительственные разбойники. Против крупных эксплуататоров мы должны не менѣе смѣло направлять свои смертоносные удары. Нас не должно смущать то, что теперь нѣкоторые буржуа и помѣщики играют в либерализм и наши нападенія могут оттолкнуть их в лагерь открытой реакціи: эти либеральные кровопійцы всегда держат камень за пазухой для нас—революціонеров, они в душѣ—заклятые реакціонеры и чѣм скорѣе они снимут с себя маску либеральничанья, тѣм лучше для народа, который —увы!—слишком часто дает сбить себя с толку пусто-

звонными фразами этих хитрых и бездушных политиканов. Террор против экономических врагов пролетаріата должен играть у нас еще видную роль потому, что его совершенно отрицают демократы, выступающіе под кличкой соціаль-демократов, соціалист.-революціонеров и всяких других мнимымх «соціалистов», а политическій террор и без нашего содѣйствія получает довольно широкое распространеніе. Итак, по отношенію к политическим и экономическим врагам работников у нас не должно быть никакой пощады: мы должны хорошенько помнить, что в случаѣ нашего пораженія мы нигдѣ не встрѣтим милосердія, и потому:

«Бей, губи их—злодѣев проклятых,

Засвѣтись лучшей жизни заря»!

Одного только должны мы опасаться чтоб террор не выродился в ту пародію на террор, который находит себѣ сочувствіе среди босяцких элементов русскаго анархизма и получил характерное названіе «безмотивнаго» террора: под этим разумѣются бросаніе бомб в рестораны, убійства буржуев с цѣлью «пропаганды» и т. п. Такой террор не только не содѣйствует пропагандѣ, но, наоборот, отталкивает от нас массы. Для того, чтобы террор наводил панику на правительство, привлекал к революціонерам вниманіе и симпатію масс народа, чтобы он подымал революціонное настроеніе, террор должен быть отмѣчен печатью нѣкотораго величія и должен быть направлен преимущественно против крупных, видных врагов народа, а не против мелких, слѣпых орудій Государства и Капитала. Мы должны всегда переносить вниманіе рабочих масс с неважных частностей на важное общее, с мелких піявок на крупных гадюк: военное искусство требует, чтобы бить врага не в руки, а в самое сердце, цѣлить в офицеров, а не в простых рядовых. Каждый террористическій акт должен быть так понятен массам, чтоб не нуждался ни в каких оправданіях и чтоб мог служить как бы наглядным уроком. Поэтому «безмотивный» террор не только всегда безсмыслен, но часто глубоко вреден. Это видно между прочим из того, что когда правительство в Западной Европѣ хочет окончательно развратить анархизм в какой—либо мѣстности, оно всегда поручает своим агентам проповѣдывать и провоцировать именно «безмотивный» террор, который не только быстро истощает силы террористов на пустяки, но и возбуждает против них всеобщую ненависть. Это непріятная, исторически доказанная связь «безмотивнаго» террора с весьма мотивными «видами» полицейскаго участка должна дѣлать рабочих очень осторо-

жными в отношеніи ко всякой подозрительной «безмотивности».

Как ни велико значеніе террора вообще, а в революціонное время в особенности, все же жалок тот, кто думает, что наша работа должна или может ограничиваться одной террористической дѣятельностью. Особенности теперешняго момента невольно выдвигают на первый план, на авансцену борьбы террор. Но кто думает, что бомба и револьвер составляют весь анархизм, тот никогда не понимал и уж никогда не поймет всего величія нашего ученія. Мы теперь шествуем под шумом бомб, потому что против нас выступают под грохотом пушек. Но не бомбы характеризуют нашу доктрину, а то, что находится позади их, тот идеал, который сидит в умѣ и сердцѣ террориста, который во имя своего идеала отдает в жертву самый драгоцѣнный из всѣх благоухающих даров природы—свою жизнь!

Чего мы хотим? Мы хотим безпощадно разбить всѣ оковы рабства не только матеріальнаго, но и нравственнаго. Мы хотим сорвать с человѣка всѣ путы и пеленки которыя сжимают нас в тисках, развращают наш ум, дѣлают из нас, по натурѣ добрых и благородных, грубых и грязных искателей наживы. Наш идеал связан с глубоким переворотом не только в соціальных отношеніях, но и в нашей душѣ. Неужели же достаточно отдѣльных нѣскольких смѣльчаков, чтобы поднять народ из бездны забот и невѣжества и толкнуть его на бой со всѣм буржуазным міром? Мы, сторонники рабочаго анархизма, отвѣчаем рѣшительно: нѣт! тысячу раз нѣт! Террор, говорим мы, в борьбѣ за наш конечный идеал, может играть только подсобную роль. Наша главная работа—развитіе сознанія и организація городских и сельских рабочих в один грандіозный революціонный Союз Труда, который охватил бы весь мір, проник бы во всѣ фабрики, мастерскія, во всѣ копи, во всѣ лачуги сельских пролетаріев, во всѣ свѣтелки кустарей, во всѣ казармы солдат. Этот Всемірный Союз Труда скрѣпит неразрывными узами солидарности единую, но разрозненную врагами братскую, семью всѣх трудящихся, всѣх страждущих. Она создаст в рамках стараго міра зародыш новаго, фундамент чисто рабочаго общества, рабочей ассоціаціи, без законов, без полиціи, без хозяев и без бога. Когда грянет гром и народ проснется от умственной спячки, в которой держали его правительство и политиканы, и желѣзным ударом разрушит Бастилію буржуазіи, этот Всемірный Союз Труда станет единственной экономической и политической организаціей человѣчества.

"L'internationale sera legenre humain".

(Интернаціонал будет человѣчеством).

Да и до этого свѣтлаго момента революціонные профессіональные союзы вырвут у капиталистов, помѣщиков и правительства хотя бы долю тѣх ничтожных выгод, которых рабочіе могут добиться и этим хотя бы отчасти облегчить то тяжелое бремя нищеты, голода и безработицы, которое дѣлает из работника затравленнаго звѣря, совершенно неспособнаго к постоянной стойкой борьбѣ с врагом. Голодный человѣк способен на один какой-нибудь нервный акт, но не на долгую, копотливую, революціонную борьбу. Дайте раньше всего хлѣба народу, не кормите его только звучными фразами о будущем мірѣ добра и красоты! Успокоенный сладкой музыкой народ, может быть, на время в экстазѣ пойдет за нами, но жизнь—увы!—не театр, народ не праздный зритель, а мы—не актеры. Суровая жизнь дает себѣ знать слишком грубо и слишком жестоко тѣм, которые стоят согнувшись на самом низу буржуазной пирамиды и платят голодом и страданьями за свои и чужіе грѣхи. Народ, который мы будем кормить музыкой и картинками, рано или поздно разочаруется в нас и уйдет к тѣм политическим фокусникам, которые обѣщают ему сейчас хоть что нибудь. Наш безплодный, отвлеченный революціонаризм послужит только на пользу ловким и безпринципным политиканам, которые искусно играют роль «реальных политиков». Чтобы спасти рабочія массы от ядовитаго вліянія этих проныр, мы должны сами организовать возможно больше революціонных профессіональных союзов, об'единять их в каждом городѣ и по всей странѣ. Наше участіе в экономической борьбѣ городских и сельских рабочих и главным образом это участіе превратит нас из кучки мечтателей в сильную массовую анархистскую рабочую партію, которая сможет смѣло выступить на борьбу с грозным лозунгом: Да здравствует Рабочая Коммуна!

Резюмирую.

I. Нам необходимо выработать ясную программу и тактику и на почвѣ общих програмных и тактических принципов об'единить всѣ здоровые элементы русскаго анархизма в единую федерацію—Анархическую Рабочую Партію.

II. Необходимо идейно и организаціонно отмежеваться от тѣх подозрительных элементов, которые проповѣдуют и практикуют теорію краж, как средство борьбы за анархизм.

III. Нам нужно поставить в центрѣ нашей работы—

участіе в революціонном профессіональном движеніи, чтобы превратить его в анархическое.

IV. Наш практическій лозунг: широкій бойкот всѣх государственных учрежденій, особенно арміи и парламента, и провозглашеніе в городах и селах рабочих коммун с Совѣтами Рабочих Депутатов, в качествѣ промышленных комитетов, во главѣ.

Эти пункты составляют основу практической дѣятельности того направленія, представителем котораго являюсь и я.

XX.

Что же дальше?

Безпощадно и рѣзко критиковал я до сих пор соціаль-демократію. Я старался обнаружить всю мѣщанскую мелочность ея идеала, всю безсмысленность и вредность ея тактики. Идеалу и тактикѣ соціаль-демократіи я старался противоставить идеал и тактику рабочаго анархизма. Достигнута ли моя цѣль? Нѣт! Нѣт! Едва я дал отвѣт на самые живые, острые вопросы рабочаго движенія, как новый вопрос поднимается из глубины души моей и наполняет меня одновременно и безумным восторгом и невольным страхом: мнѣ сладко чувствовать, что еще не всѣ вопросы получили свой отвѣт, что не всѣ великія задачи получили свое рѣшеніе, что есть еще, стало быть, для чего жить и за что умереть. Но мнѣ становится страшно при мысли о том, что новыя препятствія, перспективы новой борьбы оттолкнуть многих. Но пусть малодушные и слабые уходят от нас к тѣм политическим фокусникам, которые умудряются придумать один всеспасающій рецепт от всѣх соціальных зол. Сильные и гордые не побоятся правды и сумѣют мужественно встрѣтить всѣ выводы из признанных принципов.

Во имя чего боремся мы теперь? Боремся ли мы во имя матеріальнаго благополучія? И да и нѣт. Да, потому, что без устраненія ужаснаго бича голода человѣк никогда не станет самим собою, никогда не распростится с тѣми грубыми инстинктами корыстолюбія, торгашества и зависти, которые создаются в нем отвратительной борьбой за существованіе. Нѣт,—потому, что не в этом матеріальном благополучіи видим мы центр своей дѣятельности. Пусть соціаль-демократы находят для себя выгодным унижаться до уровня пониманія самых отсталых рабочих и пусть увѣряют их, что «соціальный воп-

рос есть вопрос желудка» (Die sociale Frage ist eine Magenfrage»), мы будем всегда твердить рабочему люду, что кромѣ желудка у человѣка есть и голова, и сердце, и нервы, что освободить человѣка не значит только его желудок наполнить пищей, что человѣк не будет свободен, пока не сбросит с плеч своих всѣх уз не только экономических и политических, но и нравственных, умственных и художественных, пока не будет достигнуто цѣлостное, интегральное освобожденіе человѣческой личности. Центром нашей дѣятельности всегда будет созданіе цѣльной, т. е. сознательной, гордой и стойкой человѣческой личности. Наша задача не облагодѣтельствовать народ хитроумными планами организаціи новаго общества, а дать народу самому строить свою жизнь, как он этого захочет. Оттого то в нашем идеалѣ мы удѣляем так много вниманія свободѣ личности.

И вот тут-то возникает вопрос: обезпечивает ли анархическій коммунизм эту свободу личности? Будем анализировать наш собственный идеал с тою же безпощадностью, как и идеалы наших противников.

Одним из главных доводов наших против коллективизма всегда служило у нас то, что коллективизм не дает свободы труда. Мы, анархисты, всегда энергически отстаивали ту великую истину, что пока человѣк не получил возможности работать там, тогда и столько, гдѣ, когда и сколько он хочет,—он будет тѣм же жалким рабом. Обезпечивает ли анархистскій коммунизм полную свободу труда? У нас не будет никакого начальства, которое прямо командовало бы работником, как в соціальдемократическом государствѣ. Но развѣ общественное мнѣніе будет щадить неугодных ему людей. Развѣ этот бич не будет так же назойливо врываться в нашу личную жизнь, как и иное попечительное начальство? Поучительным примѣром могут послужить для нас страны, которыя, по справедливости, считаются наиболѣе передовыми, в отношеніи индивидуальной свободы. И что же мы видим? Нѣт ни одной страны, гдѣ бы общественное мнѣніе так деспотически врывалось в личную жизнь, как в Англіи или Соединенных Штатах.

Общественное мнѣніе такой же деспот, как любое правительство, несмотря на то, что оно вполнѣ безлично. Можно ли отрицать, что и в Анархической Коммунѣ общественное мнѣніе будет висѣть дамокловым мечом над всякой личностью выше средняго уровня, выше посредственности? Можно ли также быть вполнѣ увѣренным, что это общественное мнѣніе дѣйствительно гарантирует человѣку полную свободу труда, что оно великодушно

откажется карать своим гнѣвом «лѣнивых» или «неспособных»? Не будет ли отнята у личности одной рукой частица той свободы, которая дана ей другой.

Но пойдем дальше.

Анархическій коммунизм обѣщает каждой личности свободное образованіе и расторженіе союзов. Это значит, что личность будет свободна в выборѣ союза. Но не будет ли эта свобода полуфиктивной? Вѣдь в буржуазном обществѣ мы видим нѣчто аналогичное: оффиціально, рабочій имѣет «свободу» выбора хозяина. Но эта свобода превращается в призрак тѣм простым обстоятельством, что рабочій у всѣх хозяев вездѣ застает ту же ситему эксплуатаціи, что капиталистическая «свобода труда» есть свобода обмѣна однѣх цѣпей на другія точно такія же. Не повторится ли нѣчто подобное и в Анархической Коммунѣ? Не станет ли до извѣстной степени фиктивной свобода входить в союзы и выходить из них, раз вездѣ личность будет находить тѣ же условія. Кромѣ того, мы должны спросить себя: каково будет положеніе личности в самом союзѣ пока она не вышла из него? Неужели мы будем настолько наивны, что будем вѣрить, будто общество будет приспособлять свою внутреннюю организацію ко вкусам каждаго новаго члена? Да и возможно ли это вообще? Не ясно ли, что личность до извѣстной степени должна будет приспособляться к потребностям того цѣлаго, которое мы называем свободным союзом? Не ясно ли, что личность и здѣсь не служит самоцѣлью, т. е. не является дѣйствительно свободной, цѣлостной единицей, а имѣет над собою все то же ненавистное «общество», которое в иной формѣ, но не менѣе цѣпко будет держать в своих лапах душу и тѣло человѣческой личности.

Но пойдем еще дальше. Никто не станет отрицать, что одним из самых подлых и мерзких учрежденій нашего общества является суд. Его низость состоит не в том, что он немилостив, нескор, неправ и неравен для всѣх' он возмущает нас уже одним своим существованіем. Наша совѣсть не может допустить самого слова «суд» Мы не только считаем безсмысленным, диким и жестоким «наказывать» так называемых «преступников», мы считаем чудовищной самую мысль о том, что кто-то может, смѣет брать на себя роль судьи над поступками другого. Кто настолько подл, чтобы утверждать, будто он может проникнуть настолько в чужую душу, чтобы рѣшить, виновен ли «преступник» или нѣт. Да и что такое «виновность», как не месть обиженнаго «общества», которое с непростительной дерзостью врывается в нашу

жизнь и почему-то считает себя компетентным рѣшительно во всем? Нѣт правых и нѣт виновных! Человѣк ни добр, ни зол; он добр по отношенію ко мнѣ и зол по отношенію к тебѣ. Добро и зло, добродѣтель и порок —пустыя и вредныя абстракціи, которыя оставила нам наша добрая бабушка-религія на добрую память, и до сих пор держит в плѣну мысль вольнаго человѣка. Нужно раз навсегда покончить с этими старыми поповскими выдумками: нужно понять, что человѣк только таков, каким его создали обстоятельства; что каждый из нас склонен к тѣм или иным «преступленіям» и к тѣм или иным «подвигам» одновременно—и от самых пустячных обстоятельств зависит, станет ли данный человѣк «преступником или «геніем». Глупым мнѣ кажется, поэтому ставить памятники геніям и безсмысленным, жестоким мнѣ представляется воздвигать гильотины преступникам. Никто—ни бог, ни поп, ни царь, ни народ не имѣют ни малѣйшаго права ни карать, ни миловать, потому что никто в мірѣ не имѣет права судить другого. Должен ли я сдѣлать исключеніе для «товарищей»? Должен ли я допустить так называемый третейскій суд? Нѣт, я отвергаю его так же рѣшительно, как суд полиціи. Третейскій суд отличается от полицейскаго тѣм, что он временный, а не постоянный, но развѣ он от этого перестает быть грубым организованным святотатственным насиліем над душою судимаго? Третейскій суд не имѣет в своем распоряженіи полиціи, но за ним стоит еще болѣе грубая сила—кулак общественнаго мнѣнія. Развѣ в Анархической Коммунѣ это пресловутое общественное мнѣніе не затравит бойкотом тѣх своих членов, которые не признают третейскаго суда? Гдѣ гарантія за то, что при помощи третейскаго суда и бойкота пошлость и лицемѣріе не пригнут к землѣ свободнаго человѣка? Что рѣшенія третейскаго суда постепенно не войдут в обычай и не станут такими же нормами, как и законы? А развѣ мнѣ не все равно, как называется плеть, которая сѣчет меня? Я ненавижу и презираю всякую внѣшнюю власть без различія того, исходит ли она от бога, от царя, от парламента, от народа, от товарищей. Я сам составляю отдѣльный, замкнутый, богатый, причудливый мір, в который никто не смѣет проникнуть без моей воли. Когда мнѣ становится тоскливо, я побѣгу к близкому другу «разсказать ему свою душу». В другое время я соединяюсь с группой моих знакомых, чтобы отправиться на общую прогулку, на охоту, на скачки и т.д. Словом, я вступаю в общеніе с моими близкими, когда мнѣ этого хочется; я ухожу в свою «пустыню», когда я сочту это полезным: никакая

власть—ни закон, ни обычай, ни третійскій суд не смѣют указать границы моей свободѣ ни на один момент. Я никогда не составляю части другого цѣлаго, я всегда цѣлостная индивидуальность. Я признаю рядом с собою цѣлые милліоны таких же самодержавных личностей как я, но над собою я вижу только пустое небо—и больше ничего.

«Но вѣдь это утопія», слышится мнѣ возмущенный протест. Такая абсолютная свобода немыслима ни в каком обществѣ. Кто хочет такой свободы, долежн уйти в лѣс к диким звѣрям. Но общество не может существовать без нѣкотораго, хотя бы минимальнаго ограниченія нашей свободы».

Это возраженіе мнѣ кажется неопровержимым. Но значит ли это, что я должен отказаться от лучезарной мечты увидѣть когда—либо дѣйствительное торжество Свободы и Красоты, когда человѣк перенесет на самого себя то благоговѣніе, которое он до сих пор в своей слѣпотѣ дарил пустым произведеніям своей фантазіи—богам, когда человѣк впервые почувствует бога не внѣ, а внутри себя? Должен ли я отказаться от этой чудной мечты, которая живет в нас незамѣтно, которая может быть на время задавлена, но никогда не может быть искоренена, пока жив на землѣ хоть один человѣк? Нѣт! Не должен и не могу: когда человѣк отказался от этой мечты, он отказался от цѣли жизни, от самой жизни. Да, здравствует жизнь и долой всѣ авторитеты, стоящіе на пути жизни! Долой Собственность! Долой Государство! Долой Церковь! Но если и Общество стоит на пути жизни—то долой Общество! Я об'являю войну и этому новому идолу, который под новым звучным именем будет требовать от нас по прежнему тѣх же кровавых жертв. Однако, присмотримся ближе к этому вопросу.

Причина нашего рабства не в общественной жизни, т. е. не в общеніи с другими людьми, а в принудительности опредѣленных общественных форм поддерживаемых внѣшним, механическим насильственным давленіем, т. е. в авторитарности общества, а не в самом обществѣ. Анархическій коммунизм и требует уничтоженія всѣх видимых авторитетов: Собственности, Государства и Церкви. Но когда мы глубже всматриваемся в природу Анархической Коммуны, мы видим, что и она не дошла до конца пути, до послѣдней станціи «Полная свобода личности», что кромѣ видимых, осязательных авторитетов, которые стремятся уничтожить анархическій коммунизм, есть еще один невидимый и неосязаемый авторитет, который, к сожалѣнію, не воплощается уже в каких-

либо опредѣленных органах и учрежденіях, а коренится в том, что до сих пор служило и еще долго будет служить основой общественной жизни: я говорю о коллективном производствѣ. Именно обязательность коллективнаго труда есть послѣдняя обуза человѣка, послѣдній внѣшній фактор, который вступает в борьбу с внутренним міром человѣка. Когда будут уничтожены всѣ авторитеты стараго міра, останется один коллективный труд, который один будет отнынѣ имѣть право опредѣлять сферу свободной дѣятельности человѣка. Обширна будет свобода в Анархической Коммунѣ, но и здѣсь она будет ограничена потребностями и интересами коллективнаго производства: человѣк сможет дѣлать все, кромѣ того, что мѣшает планомѣрности производства. И для того, чтобы заставить личность дѣйствовать в желательном направленіи, вовсе нѣт надобности в полиціи: достаточно выразить порицаніе неподходящему члену общества—это подѣйствует сильнѣе заключенія в тюрьму. И вот я прихожу к выводу, что человѣк не будет свободен, пока не падет и этот послѣдній авторитет—авторитет общественнаго мнѣнія, который имѣет свое основаніе в обязательном коллективном производствѣ.

Чтобы быть свободным, человѣк должен имѣть возможность отстаивать свои права от всѣх и всякаго. Но как же быть ему, когда в самом основном вопросѣ—в вопросѣ о жизни—он зависит от окружающих? Только индивидуальное производство и индивидуальное распредѣленіе может служить базой полной свободы личности. Человѣк станет вполнѣ свободным только тогда, когда он сам или с помощью очень близких людей сможет производить всѣ самые необходимые продукты для жизни. Это не значит, что коллективное производство дѣйствительно исчезнет: совмѣстный труд сам по себѣ доставляет столько наслажденій, что люди никогда не захотят лишить себя этой радости. Но исчезнет обязательность этой коллективности, исчезнет всякая общественная организація труда, дѣятельность человѣка и в области производства будет опредѣляться только внутренними мотивами, общество окончательно перестанет быть организмом и станет исключительно совокупностью таких свободных организмов, совокупностью цѣльных, самостоятельных личностей. Анархическая Коммуна смѣнится Анархіей в лучшем, благороднѣйшем смыслѣ слова.

Каков практическій вывод? Возможен ли теперь, немедленно переход к индивидуальному производству? Я отвѣчаю: нѣт! При теперешнем развитіи техники произ-

водство, повидимому, должно быть коллективным. Но есть много основанiй думать, что современная стадiя развитiя техники не будетъ послѣдней. Много обѣщает уже развитiе электричества, которое, вопреки чаянiю марксистов, ведет не к централизацiи, а к децентрализацiи производства из одной электрической станцiи сотни отдѣльных предпрiятiй могут снабдить себя достаточным количеством электрической энергiи по самой дешевой цѣнѣ. Это повело уже в нѣкоторых мѣстах к неожиданному рас цвѣту мелкаго производства на совершенно новых началах*). Трудно предвидѣть всѣ грядущiе успѣхи техники. Несомнѣнно только одно: каждый техническiй прогресс не только увеличивает производительность труда, но и все больше раскрѣпощает личность, дѣлая все болѣе возможным индивидуальное производство.

А до тѣх пор все, что мы можем дѣлать, сводится к одному: мы должны и теперь уже всѣми силами будить в работникѣ не только классовое сознанiе, но и человѣческое самосознанiе. Работник должен понять не только то, что ему принадлежит весь продукт, что никто не смѣет командовать им даже от имени «народа», но и то, что он вполнѣ свободная человѣческая личность, отвѣтственная только перед своим внутренним «я»; что он сам должен опредѣлить свое мѣсто в жизни, создать себѣ свои собственныя нравственныя воззрѣнiя и строго охранять свой собственный духовный мiр от всякаго вторженiя вульгарной власти, даже власти «товарищескаго большинства». В настоящее время наибольшую мѣру свободы и благосостоянiя нам может доставить тот общественный строй, который мы называем Анархической Коммуной. Она и составляет предмет наших сегодняшних стремленiй. Но завтра, «на другой день послѣ соцiальной революцiи», выражаясь неуклюжим языком наших добрых «товарищей» соцiаль-демократов, жизнь не остановится: возникнет новая борьба, и эта славная борьба, говорю я, будет вестись не во имя большаго довольства, а во имя большей свободы, не во имя дальнѣйшаго проведенiя коммунизма, а во имя болѣе глубокаго осуществленiя анархизма. Для меня анархическiй коммунизм есть только необходимое предварительное условiе полнаго освобожденiя человѣческой личности, так сказать, только наша «программа—минимум».

Пусть же знает всякiй свободный работник, что и коммунизм не дает полнаго отвѣта глубоким запросам человѣка, что и ниспроверженiе современных авторите-

*) Kropotkin: Fields, Factorits and Workshops.

тов не означает наступленія «эпохи покоя» *), что нѣт и не должно быть покою мятежному духу человѣка, что вся радость и горе жизни, весь смысл жизни есть, вѣчная, неутомимая, великая борьба за все большую побѣду нашего внутренняго міра над внѣшним. Во время этой долгой, упорной борьбы весь внѣшній мір должен потерять для нас свою угрюмую отчужденность и стать одним роскошным храмом Красоты. Спадет с труда вѣковое проклятіе рабства, и он превратится в одну сплошную свободную игру человѣческих страстей, а сам работник станет смѣлым и гордым свободным художником.

*) William Morris: "The Epoch of Rest".

XXI.

Проэкт Программы Синдикальнаго Анархизма.

I.

Всякое общество, по существу, есть не что иное как опредѣленная форма сотрудничества, т. е. опредѣленная форма совмѣстной борьбы с природою.

II.

Во всяком обществѣ всѣ категоріи сотрудничающих людей одинаково необходимы для жизни и развитія всѣх и представляют в этом отношеніи как бы одного гигантскаго коллективнаго работника. Особенно это очевидно в современном обществѣ с высокими производительными силами и широким раздѣленіем труда, благодаря которому ни одна отрасль промышленности не может нормально функціонировать без всѣх остальных и каждый продукт есть созданіе всѣх отраслей промышленности, всѣх производителей. Поэтому в современном обществѣ больше, чѣм когда бы то ни было, всякій продукт принадлежит коллективному работнику, т. е. обществу. Отсюда коммунистическій принцип: все принадлежит всѣм.

III.

Со времени распаденія первобытных коммун, благо-

даря прямому насилію побѣдителей в борьбѣ коммун между собою над дѣйствительными членами сотрудничества, т. е. над людьми непосредственно, лично борющимся с природою, осѣла группа, овладѣвшая средствами труда, освободившая себя от производительной работы и взявшая на себя привиллегію организаціи труда. С тѣх пор общество распалось и распадается до сих пор на два класса: организаторов и производителей, имущих и неимущих.

IV.

Для охраны своих привиллегій имущій класс нуждается в опредѣленной прочной формѣ имущественных отношеній, т. е. ему нужно сохранить ту форму собственности, при которой он распоряжается средствами и продуктами производства. Отсюда необходимость Закона, Суда, Полиціи, Арміи, необходимость Государства.

V.

Будущее общество, в котором все принадлежит всѣм не нуждается в государственной власти, ибо только частная собственность нуждается в частной охранѣ со стороны власти, охраной общественной собственности является все общество, т. е. никто. Общественная собственность, являясь в сущности уничтоженіем всякой собственности, есть также уничтоженіе всякой власти. Отсюда анархистскій принцип отрицанія Государства, отрицанія всякаго авторитета.

VI.

Общество, в котором уничтожено всякое противорѣчіе интересов между имущими и неимущими, господами и подчиненными, правительством и подданными этим самым должно неизбѣжно уничтожить и основу всѣх этих противорѣчій—противорѣчіе между оффиціально признанным властным организатором и рабочим, между

умственным трудом и физическим, между интеллигенціей и рабочим классом. Этим личности открывается доступ ко всякой работѣ, и отнынѣ вся дѣятельность личности освобождается от всяких внѣшних мотивов и становится свободным проявленіем внутренняго міра человѣка. Отсюда, анархизм рядом с отрицательным требованіем уничтоженія всѣх форм власти, выставляет положительный принцип: полную автономію личности.

VII.

Новое свободное общество не может быть создано ни стихійным развитіем самих экономических отношеній, ни дѣятельностью законодательства, ибо никакія перемѣны в производительных силах не мѣняют базы современнаго производства—частной собственности, а всякая законодательная дѣятельность также всегда вращается и не может не вращаться в юридических рамках этой самой основы. Переход к новому строю общественной жизни немыслим без всеобщей стачки и насильственной соціальной революціи. Освобожденіе рабочих должно быть дѣлом самих рабочих.

VIII.

Ни одно общество не может исчезнут, пока в рамках стараго строя жизни не подготовлены элементы новаго. Так как общество есть главным образом организація производства, то для разрушенія стараго общества, старой организаціи производителей необходимо предварительно подготовить в нѣдрах умирающаго міра новую организацію производства при новых общественных отношеніях, при новой формѣ собственности.

IX.

Зародышем будущей свободной Всемірной Рабочей Ассоціаціи в современном капиталистическом обществѣ являются професціональные союзы рабочих. Сама логи-

ка борьбы даже за ближайшіе экономическіе интересы толкает рабочих на путь борьбы все болѣе революціонной, заставляет отказаться от утопических мѣщанских надежд, связанных с артелями, кассами взаимопомощи, мирными легальными союзами, контрактами с хозяевами, третейскими судами, законодательской охраной труда и прочими остатками буржуазнаго либерализма и соціаль-демократизма. Профессіональные союзы во всѣх передовых странах постепенно становятся на путь непосредственной, прямой борьбы с капиталом и государством посредством стачек, бойкота, саботажа и террора, начинают все больше вмѣшиваться в руководство промышленностью, об'единяются между собою по городам в так называемыя Биржи Труда и по всей странѣ во всеобщіе союзы работников. Эти союзы и ставят себѣ ближайшей цѣлью овладѣть средствами и продуктами производства и организовать производство на новых началах, как только побѣдоносная революція сдѣлает рабочій класс господином страны.

X.

Ни одно государство не может позволить открыто и в рамках закона организоваться явно революціонной, общественной силѣ. Поэтому революціонные анархистскіе профессіональные союзы которые стремятся создать синдикальный анархизм, могут и должны быть только явно противозаконными и тайными. Русскій синдикальный анархизм создает в Россіи тайный анархистскій Революціонный Всероссійскій Союз Труда.

XI.

Рядом с творческой работой по созиданію революціонных рабочих синдикатов—этих маленьких ячеек будущаго свободнаго рабочаго общества,—рядом с участіем в прямой революціонной борьбѣ рабочих с капиталом, русскіе анархисты должны вести безпрерывную революціонную борьбу с государством, наносить ему без-